

Групповой миф и целостность организации

В. А. Штроо, Э. С. Петрова

Сегодняшний темп социально-экономических преобразований, сопровождаемых научно-техническими инновациями, предъявляет жесткие требования к современным организациям. Для того чтобы выжить и добиться успеха, организации необходимо иметь собственный инновационный потенциал и быть эффективной. Далекое не все организации обладают необходимыми ресурсами для того, чтобы соответствовать этим требованиям. Это связано с лавинообразно расширяющимся информационным пространством современной цивилизации, а также с ростом доступности информации самому широкому кругу пользователей, включая конкурентов и клиентов организации. В таких нестабильных и небезопасных условиях все большее количество организаций начинают прибегать к построению собственной мифологии, задающей жесткие фильтры для поступающей извне информации, а также ценностные (в противовес информационным) ориентиры для своей деятельности. Содержание организационных мифов определяет многое в повседневной жизни организации. В первую очередь, задаются рамки гибкости поведения организации в окружающей среде, устанавливается, какая информация будет получена и в какие сроки. Не менее важно, как именно организация откликнется на эту информацию.

Однако теоретические исследования, посвященные этой теме, на сегодняшний день крайне редки и характеризуются своей разнонаправленностью, хотя необходимость изучения мифоло-

гии организаций была отмечена еще на заре становления организационной психологии как самостоятельной научной дисциплины. Напротив, психологи-практики достаточно глубоко разработали прикладной аспект проблемы. Они постоянно предлагают новые классификации мифов, способы управления ими в организации, и даже - способы развенчания их. Но и здесь исследование детерминант содержания мифов занимает незначительную часть, и проводится, как правило, без надлежащей теоретической проработки. Неясна даже терминологическая база этой области исследований. Практиками широко используется термин «организационный миф» (Иванов, Шустерман, 2003; Своя и др., 2006), в теории чаще можно встретить понятие «групповой миф» (Косов, 2003; Шнейдер, 2000; Штроо, 2001). По сути, эти термины выражают одно и то же. Речь идет о групповых мифах в организации, т.е. о мифах, присущих определенным формальным или неформальным группам в рамках единой организации. Очевидно, что об организационном мифе мы можем говорить только тогда, когда организация в определенном смысле эквивалентна рабочей группе, т.е. не разделена физическими или психологическими границами, внутри которых, как правило, имеет место своя мифология, ориентируется на общие ценности, стремится к общей цели и реализует общую форму деятельности.

Данная статья отражает, с одной стороны, интерес со стороны практиков - организационных консультантов,

связанный с растущей «мифологизированностью» организаций в перенасыщенной информацией среде. С другой стороны, усиливается и научный интерес к данной проблеме, обусловленный необходимостью дополнения теоретических сведений о глубинных процессах жизнедеятельности социальной группы и организации, в частности, о таких специфических проявлениях групповой целостности и субъектности, как групповая идентичность (Р. Дженкинс), групповые защитные механизмы (В. А. Штроо), внутренние коммуникации группы (Ч. Барнард, А. Б. Зверинцев, Г. Л. Тульчинский).

В нашу жизнь понятие «миф» пришло из древнегреческого языка, где это слово обозначает «повествование», или «предание», и знакомо обывателю именно в таком значении, т.е. миф - это повествование о событиях, никогда не происходивших, которому определенная группа придала статус истины (Флад, 2004). Повествовательная форма мифа, неразделенность в мифе логического и чувственного начал, общая диффузность мифологической картины мира - вот основные причины, по которым миф воспринимается как противоположность науке вообще и логическому способу познания реальности в частности. Долгое время миф приписывался первобытному сознанию и тем первобытным сообществам, которые предшествовали современным цивилизациям. Тем более удивительным может показаться то, что миф жив и в наше время, он встречается в обществах, признанных цивилизованными, и даже более того - в самом сердце рационализма цивилизации, в ее производственных организациях.

Научное изучение мифа связано прежде и дольше всего с этнологией и прошло путь от концепций мифа как наивного донаучного объяснения неведомого первобытным человеком до концепций мифа как своеобразной психологической реальности (Ф. Боас, Дж. Фрэзер, М. Элиаде и др.). Одна из важнейших функций мифа - объяснение окружающего мира и места группы в нем (Мелетинский, 1975; Мишучков). Необходимо подчеркнуть, что наряду с важнейшей особенностью мифа - сакральностью, исследователи также указывают на специфичную для мифа и выделяющую его из всех других способов объяснения реальности черту. Миф как история не только объясняет мир, но объясняет и то, как мир получился именно таким, однако в отличие от истории, миф дает образец, модель для этого мира в настоящем и будущем (Леви-Стросс, 2008). Такое сближение истории мира, с одной стороны, и модели для подражания, с другой, становится возможным для мифологического сознания из-за его особых отношений со временем. Дело в том, что в мифологическом сознании отсутствует идея прогресса как идея поступательного движения вперед (Леви-Стросс, 2008; Малиновский, 1998). Все самое важное, что достойно подражания, уже случилось в прошлом, и нужно лишь поддерживать уже установленный порядок (Воеводина, 2002). Поддержание порядка связано со второй функцией мифа - нормативной. Главная причина, по которой миф не может быть противопоставлен науке, состоит в том, что в мифе сильна дидактическая, воспитательная составляющая (Кэмпбелл, 1997). В первобытных обществах к

мифу обращаются всегда, когда необходимо оправдать существование какого-либо запрета (табу) (Боброва, 2003; Ревуненкова, 1992), или объяснить новому поколению существующие правила (Кэмпбелл, 1997; Фрэзер, 1986), или обосновать ту или иную форму отношений между группами (Флад, 2004)¹. В этом смысле миф оказывается неразрывно связан с двумя другими явлениями первобытного общества - табу и ритуалом. Таким образом, миф в первобытных сообществах - это некий сакральный, т.е. обладающий священным статусом и статусом непреложной истины рассказ о событиях прошлого, являющийся непреложной истиной для определенной группы. Он выполняет две основные функции: объяснительную (причем объясняет мир вплоть до отношений с другими социальными группами) и нормативную, причем последнюю - с помощью двух других явлений групповой жизни, ритуала и табу, и результатом действия этого комплекса является мировоззрение сообщества, его ценности и нормы, а также социальная структура сообщества и его отношение к другим сообществам.

Ещё одной функцией мифа, по мнению А. Лобока, является обособление его носителей, если речь идёт о группе. То есть, миф - это то, что всегда «отличает своих от чужих»: все члены сообщества объединены тем, что разделяют некие общие основания, остальные же оказываются за границами данного социального образования (Лобок, 1997). Именно об этой функции, как об одной из основных, пишет Ф. Х. Кессиди: «В мифе коллективные представления, чувства и переживания преобладают над индивидуальными, господствуют над

ними. Господство мифа означает безличность, растворение индивида в первобытном коллективе, родовой общине. Основная функция мифа не познавательная-теоретическая, а социально-практическая, направленная на обеспечение единства и целостности коллектива. Миф способствует организации коллектива, содействует сохранению его социальной и социально-психологической монолитности» (Кессиди, 2004, с. 89). Он обеспечивает консолидацию общности и «оптимальный жизненный тонус» через ценностное самоопределение и самоутверждение человека или группы, за счет возвышения «своего» над «чужим», формирования чувства превосходства и уверенности в своих силах, в праве на «высшую ценность». Однако в отличие от А. Лобока, у которого данное свойство носит скорее положительный, то есть именно «сплачивающий» характер, Ф. Х. Кессиди делает акцент на явлении, сходном в своём описании с механизмом ингруппового фаворитизма, когда члены группы или сообщества избирают такую стратегию межгруппового поведения, которая основана на тенденции действовать в интересах своей группы в ущерб другой.

Итак, можно сказать, что миф как совокупность представлений не только описывает объективную действительность таким образом, что существующие противоречия или непостижимые явления становятся объяснимыми, возможными для восприятия, перестают быть травмирующими или пугающими для членов сообщества, но и обособляет совокупность людей, находящихся во взаимодействии и объединенных общими знаниями и целями. Среди других функций мифа исследователи ука-

зывают: моделирующую (Леви-Стросс, 2008; Малиновский, 1998), побудительную (Боброва, 2003; Кэмпбелл, 1997), коммуникативную (Барт, 2008), интегративную (Кессиди, 2004).

Важным вопросом в исследованиях мифа был вопрос о «логичности» или «нелогичности» мифологического познания реальности. Это ключевой вопрос для исследователя, задавшегося вопросом о правомерности использования понятия «миф» для описания явлений групповой жизни в современной цивилизации. Если миф «нелогичен», т.е. он является чистой «выдумкой», то неправомерно использовать его для исследования поведения современных людей, которые в большинстве случаев действуют, опираясь на логические причинно-следственные связи. Согласно Р. Барту, принципиальное отличие современных мифов от первобытных состоит в том, что современные мифы служат не разрешению противоречия между двумя объективными противоположностями, а оправданию существования противоположностей культурных и социальных (например, богатство и бедность) и навязыванию ценностей одной группой другим группам. Те или иные культурные явления оправдывают свое существование через создание мифов, причем эти мифы уже не требуют связной повествовательной формы, миф становится дискурсом, или коммуникативной системой: «миф представляет собой коммуникативную систему, некоторое сообщение... <миф> может быть не обязательно устным высказыванием, но и оформляться в виде письма или изображения; носителем мифического слова способно служить все: не только письменный дискурс, но и фото-

графия, кино, репортаж.» (Барт, 2008, с. 265).

Возвращение мифологии в современных цивилизованных обществах можно объяснить, с одной стороны, увеличением общего количества информации о мире и расширением доступа к ней, благодаря средствам массовой информации, а также информационно-коммуникативным технологиям. С другой стороны, среди этого огромного количества информации иногда нет такой важной: адекватной информации о происходящем в обществе, в политике. Для значительной части людей именно миф оказывается способным компенсировать недостаток позитивной, адекватной информации, становится опорой их мировоззрения, «картины мира», средством социального ориентирования. Традиционный миф перестает удовлетворять потребностям социума и уходит на периферию сознания и культуры, а на смену классическому мифу приходит социальная мифология, происходит перенос акцентов из сферы сверхъестественного в область интерпретации социальных отношений (Косов, 2003). Политический миф и миф священный во многом подобны друг другу: современные политические мифы - это повествования о прошлом, настоящем и прогнозируемом будущем, однако, как и в случае с сакральным мифом, сам рассказ имеет прямое отношение к прошлому (Флад, 2004).

Понятие «миф» активно используется в западной психотерапии. Один из подходов строится на так называемом «психотерапевтическом мифе», под которым принято понимать специально сформулированные для клиента психологические знания, объясняющие

суть проблемы и процесс её ликвидации (Огинская, Розин, 1991). В данном случае миф носит «познавательный» характер и является одним из этапов терапевтического лечения. Однако совсем другое понимание мифа - как деструктивного явления - встречается в семейной психологии и психотерапии. Семья здесь рассматривается как система, всегда стремящаяся к равновесию и сохранению своей целостности (Сатир, 2000). Социально-психологической формой организации жизнедеятельности семьи является структура ролей, то есть нормативно одобренных форм поведения, ожидаемых от индивида, занимающего определённую позицию в системе межличностных и общественных отношений, норм поведения, правил и санкций (Эйдемиллер, Юстицкис, 1999).

Семейный миф² - это, по сути, система согласованных суждений, неосознанно разделяемых всеми членами семьи (Эйдемиллер, Юстицкис, 1999). Семейный миф формирует совершенно особый образ семьи, отвечающий на вопрос «Кто мы?». Например, если этот ответ «Мы - дружная семья», то это значит, что открытых конфликтов в семье не будет, все противоречия маскируются и замалчиваются. Основная функция семейного мифа - интеграция, в тех случаях, когда целостность семьи или согласованность ролей ее членов оказывается под угрозой, т.е. в дисфункциональных семьях. Эта интеграция в ситуации дисфункциональной семьи складывается из семейных постулатов. Постулаты - это негибкие, как правило, неосознанные представления членов семьи об идеальных семейных отношениях, которые они вынесли из-

вне: из детства, подростковой среды, из примера других семей (Эйдемиллер, Юстицкис, 1999). Будучи сложены вместе, эти самоочевидные постулаты могут противоречить друг другу, и тогда целостность семьи сохраняется с помощью семейного мифа - особой коммуникативной системы, предписывающей членам семьи определённое поведение, ожидания в отношении друг друга. Кроме того, семейный миф почти всегда неосознан, и так же влияет на восприятие членов семьи, как и рассмотренные выше типы мифов - на восприятие членов групп.

Результатом действия этого мифа является структура отношений в семье, семейная иерархия, символы, ценности (Сатир, 2000; Скиннер, Клииз, 1995; Эйдемиллер, Юстицкис, 1999), границы взаимодействия внутренние (между членами семьи) и внешние (между членами семьи и нечленами) (Меньшутин, 2004), а также фильтры восприятия и желательные и запретные чувства (Берн, 2004). Границы взаимодействия определяют, что и в каких ситуациях надлежит делать члену семьи по отношению к другому члену или постороннему, задавая сценарии взаимодействия. Дисфункциональной семье противопоставляется нормальная семья, в которой нет определенных ролей, жестких, неявных границ, сценариев поведения, желательных и запрещенных чувств. В таких семьях границы взаимодействия ясно очерчены, поведение ее членом в каждом конкретном случае определяется обстоятельствами, а не сценариями, и в целом нормальные семьи имеют слаженный, адекватный образ семьи, признающей и достоинства, и недостатки своих членов и конструк-

тивно решающей возникающие конфликты (Сатир, 2000; Шнейдер, 2000; Эйдемиллер, Юстицкис, 1999).

Концепция семейного мифа включает несколько важных дополнений в представления о мифе. Во-первых, она рассматривает миф как групповой защитный механизм. (Штроо, 2001). Во-вторых, она акцентирует внимание на жесткой структуре ролей в группе, наличии сценариев взаимодействия и желательных и запрещенных чувств как на основных признаках существования этого защитного мифа. Рассмотренные характеристики семейного мифа можно считать признаками группового мифа, выполняющего защитную функцию в целом. «Защитный» миф делает группу негибкой и акцентированной на поддержании традиций, статуса-кво более чем на той деятельности, которую группа должна выполнять. В данном случае этой деятельностью будет поддержание теплых, дружеских отношений в семье - такие отношения, основанные на взаимном принятии и доверии, есть цель любой семьи (Сатир, 2000; Эйдемиллер, Юстицкис, 1999).

Вообще групповые защитные механизмы проявляются в ситуации внутренней или внешней угрозы целостности группы, будь она мнимой или явной (Штроо, 2001; 2007). Особый тип реагирования группы позволяет ей переорганизовать угрожающую и эмоционально напряженную ситуацию таким образом, что напряжение снимается. В данном понимании кроется отличие защитного механизма как способа реализации конкретной стратегии реагирования на ситуацию угрозы целостности от групповой психологической защиты, которая может включать в

себя как одну, так и комплекс защитных стратегий и характеризует конкретный способ действия конкретной группы. Для того чтобы ликвидировать угрозу, вызвавшую напряжение, группе необходимо применять другую - организационно-деятельностную - стратегию реагирования, иначе говоря, действовать адекватно сложившейся ситуации, что противопоставляет эти две стратегии. Однако можно предположить, что упомянутые две стратегии поведения группы не исключают одна другую, так как реагирование на любую стрессовую ситуацию включает в себя как эмоциональное, так и деятельностное реагирование. Кроме того, групповой миф по многим параметрам не может быть напрямую отнесен к защитным механизмам. Во-первых, миф возникает не в ответ на ситуацию угрозы группе, а гораздо раньше. Во-вторых, функция защиты - не единственная и не основная функция группового мифа. Групповой миф в своем нормальном варианте существования в группе будет обладать различными функциями, к которым относятся следующие:

- объяснительная (объяснение окружающего мира или какой-либо его части, места группы в этом мире, ее отношений с другими группами);
- нормативная (установление норм и санкций за их нарушение);
- моделирующая (моделирование мира таким, каким он должен быть - т.е. установление ценностей и фильтров восприятия, выделяющих важное на фоне неважного);
- побудительная (требование и объяснение необходимости тех или иных действий для поддержания привычной картины мира - ритуалы и другие действия);

- коммуникативная (создание общего поля значений и смыслов, конвенциональных значений, социального консенсуса);

- интегративная (отделение своей группы от группы «чужих», создание групповой идентичности).

В таком «нормальном» варианте своего существования групповой миф может быть сопоставлен с другими «продуктами» социального познания, такими как: «образ группы», «образ среды» (Андреева, 1999), «Мы-концепция» (Налчаджян, 2004) и «социальное представление» (Московичи, 1996; 2006). «Мы-концепция» - психологическое образование группы, менее осознаваемое, нежели групповой миф. По мнению А. А. Налчаджяна, «Мы-концепция» выражается непосредственно в поведении членов группы (групповом и индивидуальном), в то время как групповой миф лишь стимулирует поведение, насаждая и легитимизируя определенные ценности и нормы. Под социальными представлениями С. Московичи понимал ряд понятий, высказываний и объяснений, возникающих в повседневной жизни в процессе межличностного общения: «в нашем обществе они эквивалентны мифам и системам религиозных убеждений в традиционных обществах: их можно было бы даже назвать современным вариантом здравого смысла» (Московичи, 1996, с. 264). Социальное в этих представлениях связано не столько с тем, что они обретают своих носителей в индивидах или группах, сколько с фактом их выработки в процессе коммуникации. Этот термин предполагают существование стабильных гомогенных групп и устойчивых представлений в этих группах (Савель-

ева, Полетаев, 2005). Д. Жоделе определяет это понятие как «специфическую форму знания - знание здравого смысла, содержание которого свидетельствует о действии социально маркированных порождающих и функциональных процессов. В более широком понимании оно обозначает форму социального мышления» (цит. по: Московичи, 2006, с. 377).

Групповой миф в организационной психологии - это явление двойственной природы, занимающее место как во внутренних коммуникациях организации, так и в области организационного обучения. Миф как коммуникационное явление в организации выполняет те же функции группового мифа, что и уже рассмотренные выше сакральные и политические мифы, однако здесь мы сосредотачиваемся не на объяснительной, а на коммуникативной функции. Построение общего коммуникативного пространства - один из главнейших путей для управления корпоративной культурой и организацией в целом. Это обязательное условие формирования целостной социокультурной среды, в которой каждый элемент и явление наделены коллективным конвенциональным значением на базе единых ценностно-смысловых ориентации (Крымчанинова, 2003). Иными словами, все члены организации должны воспринимать реальность сходным образом, а для совместно работающей группы это условие приобретает огромное значение. И для его выполнения группа вырабатывает собственные мифы путем обмена мнениями (Дымщиц), причем этот процесс имеет когнитивную природу и не контролируем сознательно: «Функции восприятия четко связаны с процесса-

ми символизации и мышления. Одна из этих функций является результатом самовосприятия группы: описанные в мифах, сказках, идеологиях и утопиях, ее духовные установки определяют границы интерпретации реальности для совокупности группы» (Каэс, 2005, с. 102).

Эта коммуникативная функция прочно связана с объяснительной функцией организационного мифа - однако это объяснение уже не замещает отсутствие информации рассказом о неких магических силах, это объяснение выделяет важную информацию на фоне неважной, устанавливая фильтры восприятия и создавая единую картину мира с четким обоснованием ее правомерности: «Организационные мифы позволяют задать единые или, во всяком случае, похожие фильтры, члены организации воспринимают себя и среду через призму одних и тех же фильтров и поэтому хорошо понимают друг друга» (Иванов, Шустерман, 2004, с. 240). Помимо этого, организационные мифы, наряду с другими нарративными формами, объясняют рабочую жизнь членов группы (Alvesson, 1991; Воје et al., 1982; Hayward, 1987), проясняют ключевые ценности (Воје et al., 1982; Воје et al., 1999), инструктируют членов группы о способах действия (Gabriel, 1999). Немаловажно и то, что в организации миф способствует легитимизации не только отдельных действий, правил, норм, и т. д., но и в более широком контексте - легитимизации существования организации как целого (Agmon, 1991). Здесь обнаруживается содержательное пересечение организационного мифа с миссией организации. Но даже в отсутствие миссии миф становится посредником между орга-

низацией и ее внешним окружением (Gabriel, 1999).

Более того, по мнению некоторых исследователей, организации вовлечены в «церемонии обмена» (речь идет о символическом обмене, обмене смыслами) со своим окружением (Agmon, 1991). В этой ситуации организации должны создавать мифы, которые работают в обе стороны: проецируя миф на свое окружение (оправдывая свое существование и подтверждая свою эффективность) и создавая мифы об окружающей среде для внутренних целей. Наконец, замечено, что у организационной мифологии существует своя корневая система - т.е. мифология представляет собой комплекс более и менее прижившихся мифов, в основе которого, предположительно, стоит миф о создании (или иные глобальные мифы), и на их основе членами организации создаются «локальные» мифы, объясняющие различные стороны реальности (Agmon, 1991; Воусе, 1996).

Второй путь трактовки группового мифа в организации - рассмотрение его в контексте такого явления, как *storytelling*³. Сторителлинг, или рассказывание историй - это одновременно метод неформального обучения и управления в целом. Его можно определить как подробные рассказы о прошлых действиях руководства, взаимодействии сотрудников или о каких-то событиях, которые обычно передаются в организации неофициально. Такие истории, как правило, имеют сюжет, основных героев и развязку, некоторые авторы выводят в качестве самостоятельных компонентов также эмоции (формальная история - не сторителлинг, такой истории требуется сопере-

живание слушателя) и рамки (временные или пространственные, задающие контекст). Мораль истории или вывод, как правило, подразумевается, но может быть выражена и открыто. Обычно эти истории исходят из глубин организации, поэтому отражают ее нормы, ценности и культуру (Abma, 2003; Boje et al., 1982; Boje et al., 1999; Gabriel, 1999; McCarthy, 2008; Smith & Keyton, 2001).

Эти истории признаны эффективными инструментами обучения и управления, потому что они не только предоставляют информацию, но и стимулируют ее использование (информация в таких историях в силу ряда причин когнитивного характера более запоминающаяся, легче ассоциируется с личным опытом), и имеют большее субъективное значение, чем директивы или указания. Некоторые из этих историй несут и неявный, «закодированный» смысл, благодаря набору деталей контекста становясь носителями неявных аспектов знания - причем как связанного с профессиональной сферой, так и с ценностными и нормативными ориентациями конкретной организации. Такие истории в практике сторителлинга называются мифами. В контексте организации мифы состоят из нескольких историй, связанных общими темами. Иногда эти темы могут быть настолько серьезными для организации, что принимают статус руководящего принципа, озвучиваются топ-менеджментом организации и закрепляются в ней на положении официальных (Smith & Keyton, 2001). Такие мифы во многом функционально схожи с мифами первобытных сообществ: во-первых, то, какие факты упоминаются в мифах, высмеиваются или подчеркива-

ются, может многое сказать о культуре организации. Во-вторых, такие истории-мифы становятся фильтром, через который воспринимается и создается реальность (Snowden, 2001). В-третьих, эти истории-мифы позволяют индивидам и коллективам быстро принимать решения в неясной ситуации. Эти три момента полностью соответствуют уже упомянутым функциям группового мифа - объяснительной, моделирующей, нормативной и побудительной.

Однако такой миф может иметь как положительный, так и отрицательный эффект. С одной стороны, миф создает чувство общности группы в организации или всей организации в целом. Он позволяет быстрее включать новичков в контекст организационной культуры, и, благодаря своим преимуществам перед другими обучающими средствами, быстрее учить неопытных сотрудников действовать в соответствии с устоявшимися практиками. С другой стороны, он создает риск неадекватности со стороны группы в организации: когда сообщества «приспосабливают» то, что они видят, к этим сложившимся моделям, возрастает риск упустить важную информацию из внешней среды. Помимо этого, миф затрудняет внедрение инноваций и принятие объективных решений о дальнейших действиях, поскольку решения в организации принимаются не на основе рациональной оценки тщательно взвешенных альтернатив, а с помощью принципа «что по-дойдет», базирующегося на прошлом опыте (Snowden, 2001).

Таким образом, мы можем рассматривать групповой миф как совокупность убеждений, ценностных установок и ожиданий, выражающихся в форме дис-

курса, присущую всем членам группы и постоянно наличествующую в группе на уровне неосознаваемых базовых представлений. Этот дискурс «необходим для построения адекватной и разделяемой с другими картины мира: его элементы должны быть так обозначены, чтобы на основании одинаково понимаемых значений люди могли совместно действовать» (Андреева, 2007, с. 145). В узком смысле групповым мифом в организации называют эмоционально насыщенный рассказ о событиях, обычно используемый для объяснения первопричин или трансформаций объектов, а также не вызывающая сомнений уверенность в практических преимуществах конкретных техник и моделей поведения. Групповой миф способствует интеграции группы путем создания единой для ее членов (и зачастую непонятной чужакам) коммуникационной системы. Кроме того, миф способствует выработке социального (в данном случае - группового) консенсуса, влияющего на процесс индивидуального познания социальных явлений с помощью конвенциональных значений - более или менее согласованных интерпретаций тех или иных социальных объектов и событий. Групповой миф создает и оправдывает единые для группы нормы поведения, осуществляя тем самым интеграцию группы и в ценностном аспекте. Наконец, групповой миф интегрирует группу и на поведенческом уровне, создавая определенные ритуалы - для поддержания целостности группы (и легитимности самого мифа).

Однако гипертрофированность процесса мифотворчества может негативно повлиять на групповую жизнь, создав перед членами группы искаженный об-

раз реальности, который будет приниматься ими без всякой критики. В таком случае групповой миф станет удобным средством контроля и манипуляции сознанием членов группы. Эта гипертрофированность мифотворчества, как можно увидеть, выражается в нескольких аспектах:

1) жесткая, ригидная структура ролей в группе, где роли не имеют под собой четкого логического обоснования, но задают строгие сценарии взаимодействия, причем нарушение этих сценариев вызывает санкции со стороны других членов группы;

2) непроницаемые, жесткие границы группы;

3) не подверженные изменениям или сомнению нормы действия и правила взаимодействия;

4) не имеющее логического обоснования эмоциональное отношение к чему-либо - будь то объект внешней среды или член группы.

Групповой миф не статичен, он может видоизменяться под действием тех или иных факторов среды (например, мифология семьи может быть скорректирована вмешательством психотерапевта, группы в организации - действиями организационного психолога). Эти изменения также могут служить показателем так называемого «здорового мифа». Можно предположить, что здоровый миф будет гораздо легче поддаваться изменениям, для того чтобы оставаться максимально действенной и эффективной моделью взаимодействия с реальностью, в то время как защитный миф будет направлен на сохранение существующего положения вещей путем отрицания изменений.

Однако может ли группа совсем не иметь мифа? По всей видимости, ответ на этот вопрос должен быть отрицательным: в пользу этого говорят результаты различных исследований, посвященных самому процессу образования группы как таковой. В рамках символического интеракционизма Дж. Мида была создана теория символической конвергенции, которая представляет процесс создания группы как процесс обмена «фантазиями» - определенными сообщениями, несущими эмоциональную окраску и так или иначе раскрывающими личностные особенности их создателей. Эти «фантазии» - шутки или истории из жизни членов группы, которые они рассказывают друг другу, формируются в цепи, когда «фантазию» одного члена поддерживает другой. Это способствует выяснению точек соприкосновения между членами группы. Такие общие точки называются темами фантазий, и именно они являются носителями групповых символов (жестов, фраз и т.д.) и основой для построения групповой целостности (Gabriel, 2001). Между этими темами фантазий и темами мифов легко проследить аналогию, т.к. и то, и другое является продуктом коммуникации между членами группы, задает контекст общения для всей группы и создает общее поле символов группы. Закономерно предположить, что мифы группы также будут вырабатываться в процессе коммуникации членов группы на ранних этапах становления группы, путем обмена между ними их собственными «самоочевидными постулатами» о том, как должны осуществляться те или иные аспекты совместной работы - и очевидно, что сама специфика сов-

местной деятельности будет влиять на этот процесс.

Совершенно очевидно, что категория мифа в социальной и организационной психологии, далеко выходя за рамки концепций, исследующих групповое мировоззрение и внутренний мир социальной общности, неразрывно связана с категорией организационной культуры. Для любой группы свойственны не только различные эмоциональные взаимоотношения между её членами или определённая дифференцированная структура ролей, но и характерные только для неё общие ценности, выраженные в ритуалах, символах, языке. Организационные ценности, в свою очередь, поддерживаются организационной мифологией как совокупностью историй, легенд, мифов, циркулирующих внутри любой организации. С другой стороны, групповой миф не менее тесно связан с содержанием и структурой совместной деятельности. Совершенно очевидно, что попытка соотнести содержание группового мифа с профессиональной спецификой деятельности группы имела бы успех, однако на сегодняшний день обилие профессиональных форм взаимодействия таково, что этот успех не имел бы практической ценности: ни диагностической, ни прогностической - слишком быстро изменяются условия профессиональной среды.

Наиболее плодотворным нам представляется рассмотрение деятельности группы с точки зрения ее организации при выполнении общей задачи. В отечественной социальной психологии активно используется классификация форм деятельности, предложенная в свое время Л. И. Уманским, а затем дополненная П. В. Малинов-

ским и Т. Ю. Базаровым. Она включает в себя четыре формы организации совместной деятельности. Под формой совместной деятельности здесь понимается способ взаимодействия между участниками группового решения задач или проблем. Особенно ценна эта классификация тем, что она позволила раскрыть связи между формами совместной деятельности и типом организационной культуры, ее основными ценностями, типом мотивации, типом лидера и стилем управления. Совместно-индивидуальная форма описывает деятельность по решению общей задачи, в которой «каждый член группы делает свою часть работы независимо друг от друга» (Уманский, 1980, с. 131). При этой форме организации индивидуальные интересы ставятся выше групповых - члены организации реализуют собственные эгоистические интересы, поэтому в организации существует внутренняя конкуренция. Основной мотивирующий фактор - личная выгода каждого участника, а объединяет их лишь общий предмет труда; такая организация нестабильна и легко распадается на мелкие группы. Совместно-последовательная форма совместной деятельности означает, что достижение общей задачи разделено на этапы, каждый из которых выполняется одним членом группы. Эта форма деятельности предполагает строгую иерархию в группе, бюрократизацию процесса выполнения общей задачи и разделение норм на «мораль верхов» и «мораль низов» (Управление персоналом, 2002), основной рычаг управления - сила принуждения и санкции. Совместно-взаимодействующая отличается от уже названных тем, что общая задача

выполняется при непосредственном и одновременном взаимодействии каждого члена группы с другими ее членами. Эта форма организации предполагает коллективистскую культуру группы, групповые ценности ставятся выше индивидуальных. Велика роль идентификации с группой и силы влияния лидера - основным рычагом здесь будет его авторитет. Совместно-творческая форма групповой деятельности активно изучается лишь в последние годы и связана с созданием чего-то нового в противовес решению четко поставленной задачи. При такой форме совместной деятельности личный вклад каждого не может быть «выхвачен» из общего результата, поэтому отношения в таких группах строятся на принципах справедливости и максимального развития каждого члена. Основным мотивирующим фактором для членов данной группы будут получаемые знания и опыт. На основании описанных форм совместной деятельности Т. Ю. Базаровым разработана классификация типов организационных культур, в которой учтены различные характеристики культур: предпринимательская, бюрократическая, органическая и партисипативная (Управление персоналом, 2002). Однако при изучении реальных организаций следует помнить, что эти типы в большей степени являются теоретическими конструктами, в реальности же организации, как правило, принадлежат к синтетическим типам культур, которые формируются под влиянием многих сложившихся субкультур.

В соответствии с изложенным, логично предположить, что соответствующие каждой форме совместной деятельности ценности и особенности

построения взаимодействия будут находить свое отражение в содержании мифов, бытующих в группе. Дело в том, что объективные составляющие деятельности, которые в том числе определяют технологию производственного процесса, обычно задаются прежде, чем группа сложится в психологическом смысле и обретет свои мифы. Но отражение этих объективных характеристик деятельности будет не единственным содержимым группового мифа. В нем также будут отражены субъективные составляющие психологической жизни группы, ее специфическое восприятие себя и окружающего мира. Эти субъективные составляющие будут ключом к пониманию базовых представлений (Шейн, 2002), или самоочевидных предпосылок (Эйдемиллер, Юстицкис, 1999) членов группы. Таким образом, наиболее перспективным на сегодня направлением в изучении организационных мифов представляется исследование их коммуникативной и интегративной функций. Мифотворческая коммуникация в организации выступает здесь как необходимое условие для создания у членов организации единого смыслового поля значений, образующих общее мировоззрение и, тем самым, способствует своеобразным социально-психологическим механизмом интегративных процессов в организации.

¹ Здесь необходимо отметить, что миф может служить обоснованием какой угодно формы отношений между группами: от равноправия или подчинения одной группы над другой, до открытого конфликта и войны; в этом случае миф будет являться деструктивным, поддерживающим враждебность между группами даже тогда, когда фактических противоречий между ними нет (Флад, 2004).

² Термин «Семейный миф» был предложен А. Х. Феррейрой, и в качестве его синонимов могут быть названы «верования», «убеждения», «семейное кредо», «образ семьи» и т.д. (Эйдемиллер, Юстицкис, 1999).

³ На русский язык это можно перевести как «рассказывание историй», но гораздо чаще в русскоязычных статьях термин употребляется как калька с английского: сторителлинг, что, конечно, нельзя считать удачным переводом, но в лексикон отечественных специалистов это слово уже вошло.

Литература:

1. Андреева Г. М. К проблематике психологии социального познания // Мир психологии. - 1999. - №3. - С. 15-23.
2. Андреева Г. М. Психология социального познания. - М.: Аспект Пресс, 2007. - 363 с.
3. Барт Р. Мифологии. - М.: Академический проект, 2008. - 351 с.
4. Берн Э. Что вы говорите после того, как сказали «привет», или Психология человеческой судьбы. - М.: Рипол классик, 2004. - 416 с.
5. Боброва С. П. Легитимирующая функция мифа и ритуала в ранних обществах // Религия и право. - 2003. - № 1. - С. 32-40.
6. Воеводина Л. Н. Мифология и культура: учебное пособие. - М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002. - 384 с.
7. Дымшиц М. Н. Условия и этапы социализации мифа [электронный ресурс]. WEB: <http://www.psychology.ru/library/management/communication/401>
8. Иванов М. А., Шустерман Д. М. Организация как ваш инструмент. Российский менталитет и практика бизнеса. - М.: Альпина Бизнес Бук, 2004. - 392 с.
9. Каэс Р. Теория психоанализа групп. - М.: АСТ, 2005. - 158 с.
10. Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу. - М.: Академический проект, 2004. - 312 с.
11. Косов А.В. Социальный миф: сущность, динамика, тенденции изменения и развития // Вестник Армавирского ин-та соц. образов. (филиала) МГСУ. - 2003. - № 1. - С. 248-249.
12. Крымчанинова М. В. Мифы в системе управления организационной культурой. - Материалы Ежегодной Всероссийской научно-практической конференции «Психология бизнеса: Москва - Питер». - СПб: ИМАТОН, 2003. - С. 64-67.
13. Кэмпбелл Дж. Герой с тысящейю лиц. - М.: София Ltd., 1997. - 336 с.
14. Леви-Стросс К. Структурная антропология. - М.: Академический проект, 2008. - 555 с.
15. Лобок А.М. Антропология мифа - Екатеринбург, 1997. - 782 с.

16. Малиновский Б. Роль мифа в жизни // Малиновский Б. Магия, наука, религия. - М.: Рефл-бук, 1998. - С. 94-108.
17. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. - М.: Наука, 1975 - 406 с.
18. Меньшутин В. П. Помощь молодой семье. - М.: Мысль, 2004.
19. Мишучков А. А. Специфика и функции мифологического сознания [электронный ресурс] WEB: http://www.situation.ru/app/i_art_500.htm
20. Московичи С. Век толп. - М.: Центр психологии и психотерапии, 1996. - 478 с.
21. Московичи С. Социальная психология. - СПб.: Питер, 2006. - 592 с.
22. Налчаджян А. А., Этнопсихология, 2-е изд. - СПб.: Питер, 2004. - 381 с.
23. Огинская М. М., Розин М. В. Мифы психотерапии и их функции // Вопросы психологии. - 1991. - № 4. - С. 11-22.
24. Ревуненкова Е. В. Миф-обряд-религия. - М.: Наука, 1992. - 216 с.
25. Савельева И. М., Полетаев А. В. Социальные представления о прошлом: источники и репрезентации // Гуманитарные исследования. - М.: ГУ-ВШЭ, 2005. - Вып. 2 (16). - 52 с.
26. Сатир В. Психотерапия семьи. - М.: Речь, 2000. - 283 с.
27. Свон У., Леонард Д., Шилдз М., Абрамс Л. Наставничество и сторителлинг как способы передачи знаний в рабочей среде // Как превратить знания в стоимость / Составители: Э. Лессер, Л. Прусак. - М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. - 248 с.
28. Скиннер Р., Клииз Дж. Семья и как в ней уцелеть. - М.: Класс, 1995. - 272 с.
29. Уманский Л. И. Психология организаторской деятельности школьников. - М.: Просвещение, 1980. - 160 с.
30. Управление персоналом: Учебник для вузов / Под ред. Т. Ю. Базарова, Б. Л. Еремина. - М.: ЮНИТИ, 2002. - 560 с.
31. Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование. - М.: Прогресс-Традиция, 2004. - 264 с.
32. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М.: Наука, 1986.
33. Шайн Э. Организационная культура и лидерство. - СПб: Питер, 2002 - 336 с.
34. Шнейдер Л. Б. Психология семейных отношений. - М.: Апрель-Пресс, 2000. - 512 с.
35. Штроо В. А. Исследование групповых защитных механизмов // Психологический журнал. - 2001. - №1. - С. 5-15.
36. Штроо В. А. Защитные механизмы групповой динамики в организационном контексте // Психология. Журнал Высшей школы экономики. - 2007. Т. 4. № 1. - С. 151-157.
37. Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. - СПб.: Питер, 1999. - 656 с.
38. Abma T. Learning by Telling: Storytelling Workshops as an Organizational Learning Intervention. - University of Maastricht, The Netherlands, 2003.
39. Agmon O. The myth of creation: a construct in organization reading. The Fielding Institute, 1991.
40. Alvesson M. Organizational symbolism and ideology // Journal of Management Studies, 1991, Iss. 5, pp. 27-31.
41. Boje D. M., Fedor, D. B., Rowland K. M., Myth Making: A Qualitative Step in OD Interventions // The Journal of Applied Behavioral Science. Arlington: 1982. Vol. 18, Iss. 1; pp. 17-29.
42. Boje D. M., Luhman J., Baack D., Stories and Encounters between Storytelling Organizations // Journal of Management Inquiry, 1999; Iss. 8; pp. 340-348.
43. Boyce, M. (1996). Organizational story and storytelling: A critical review // Journal of Organizational Change Management, Iss. 9(5), pp. 5-26.
44. Gabriel Y., On organizational stories and myths: why it is easier to slay a dragon than to kill a myth. University of Bath, 1999.
45. Gabriel Y., The Unmanaged Organization: Stories, Fantasies and Subjectivity. Centre for the Study of Organizational Change, School of Management, University of Bath, 2001.
46. Hayward H.E. Management Myth and Ritual // The Practising Manager. Mt. Eliza: Apr 1987. Vol. 7, Iss. 2; pp. 30-35.
47. McCarthy J. Short Stories at Work: Storytelling as an Indicator of Organizational Commitment // Group Organization Management, 2008.
48. Smith F., Keyton J. Organizational Storytelling: Metaphors for Relational Power and Identity Struggles // Management Communication Quarterly, 2001; Iss. 15; pp. 149-162.
49. Snowden D., Narrative Patterns: The Perils and Possibilities of Using Story in Organizations // Knowledge Management, 2001, Iss. 4, pp. 16-20.

Направливание и нападение в управленческих коммуникациях

Т. Н. Демко

Прогресс управленческих технологий - особая примета нашего времени. Поэтому обидно, когда организация дает сбой и несет ущерб из-за профессиональной неграмотности субъекта управления. Есть много частных - на первый взгляд - вопросов прагматики управленческих коммуникаций, достоинств того, чтобы осмыслить и обсудить их в связи с ролью негативно срабатывающего субъективного фактора. Такой и является проблема, сформулированная в заглавии данной публикации.

О терминах

Первое. Требуется объяснения использование понятия «коммуникация» вместо понятия «общение». Дело в том, что слово «коммуникация», имеющее несколько значений, рассматривается в литературе (в контексте межличностного взаимодействия) как акт общения, в то время как слово «общение» носит более широкий смысл. «Определение термина «коммуникация» начинается от характеристики множественных информационных систем передачи человеческой речи, сигналов и изображений», то есть охватывает все, что обеспечивает передачу/прием информации. Иными словами, с помощью данного понятия отражается процесс передачи информации от отправителя к получателю, а также формы кодирования и декодирования сигнала эмоционального, интеллектуального и других видов содержания. Так, понятием коммуникации фиксируются и цель, и побудительный мотив, как информа-

ция, определяющая обратную связь. «Цель - это ясное и четкое (часто рационально обоснованное) намерение. Побудительный мотив - скрытое намерение. Зачастую это намерение является скрытым потому, что оно может быть необщезначимым, неодобряемым сообществом. В скрытом мотиве также нужно выделять личные цели отправителя и получателя, его стремление выдать желаемое за действительное или за должное. Контекстом коммуникации является вся система целей и результатов, кодирование и декодирование скрытых мотивов и личных целей. Для того чтобы процесс коммуникации был прогнозируемым, необходимо отдавать отчет обо всех его структурных компонентах».

Не случайно именно коммуникация, а не общение, рассматривается как непосредственный и «важнейший инструмент управления деловыми отношениями».

Второе. Прямой смысл глагола «направливать» («травить») выявляется в области кинологической практики: он сообщает о действиях, которые совершает хозяин животного, используя опасные и угрожающие свойства его характера в отношении других животных или человека. В контексте описания межличностных коммуникаций он обретает природу тропа. Лексико-стилистическая окраска слова захватывает экспрессивную составляющую поведения лица, побуждаемого другим лицом к нападению на кого-либо, что и порождает образ, сопоставимый с действиями агрессивно настраиваемого животного.

Слово-образ «натравливание» в описании человеческих отношений обладает большими возможностями охвата деталей данного поведения, поскольку не только усиливает эмоциональное звучание сообщения, но и дает ему дополнительный, коннотивный, смысл. Слово сочетание «настраивать против», в смысловом поле которого конкретизируется акт «натравливания», оказывается недостаточным для характеристики отдельных форм подобного манипулирования, поскольку сглаживает конкретные нюансы таковых. Существует такая степень «настраивания против», которая приводит к немедленной и весьма агрессивной реакции («нападению»). Аналогии, делающие в таком случае предпочтительным термин «натравливание», очевидны: присутствуют те самые тесно скрепленные между собой звенья - лицо, «спускающее с поводка», и лицо, обладающее угрожающими возможностями (физическими, психологическими, статусными), что и уподобляется ситуациям нагнетания агрессии животных.

На первый взгляд, слово «натравливание» выходит за рамки научной терминологии и относится к обыденному стилю речи (в пластах которого существуют и другие синонимичные единицы, например «науськивание»). Тем не менее, оно находит свое убедительное место в описании фактов человеческого общения, и для отдельных случаев, как говорится, лучше не придумашь. Как известно, образные понятия, подключающие к восприятию правополушарные структуры коры головного мозга, дают гораздо больше возможностей для задействования сенсорных и эмоциональных механизмов позна-

ния, плодотворно соединяя обобщенно-абстрактный и эмпирический подходы. Изучение всего многообразия явлений окружающей действительности не может не опираться на метафорическую природу понятий, поскольку она зачастую открывает и глубину, и грани изучаемого объекта, не подвластные отвлеченным категориям. Примеров тому бесчисленное множество не только в искусстве, но и в науке. В формулировке нашего заголовка слово «натравливание» в связке со словом «нападение» (и остальными понятиями) отражает поступки субъекта, наделенного известным кругом должностных полномочий (руководителя), использующего свое положение как оружие устрашения (а также унижения, оскорбления и других видов нанесения морально-психологического ущерба) по наущению других лиц. Так что понятие «натравливание» здесь говорит совокупно о нескольких фигурах и направленности их действий: адресном провоцировании - со стороны заинтересованных лиц - агрессии человека, обладающего властью, в отношении субъектов подчинения.

С точки зрения психологии социальных коммуникаций, натравливание есть один из видов манипулирования, а нападение - умышленно провоцируемый конфликт. Руководитель начинает «играть против» одних сотрудников, создавать конфликт в угоду другим своим подчиненным (или кому-либо со стороны), которые имеют цель расправиться с первыми его руками. Трудно предположить, что лицо, наделенное легитимными инструментами управления (детально и с достаточным научным обоснованием прописанными сегодня в такой отрасли, как психология

организации), производит названные действия в результате взвешенной и продуманной политики осуществления своих функций руководителя: совершенно очевидно, что тактики натравливания и нападения деструктивны во всех смыслах. Налицо действие неосознаваемых, эмоциональных, выходящих из-под контроля сознания механизмов, подключающих, как следствие, его разрушительную активность. В результате обнаруживается недостаток (или отсутствие) той управленческо-профессиональной подготовки, того ресурса практического мышления, которые есть условие успешного руководства организацией.

Третье. Словарное значение другого термина, присутствующего здесь - «нападение» - имеет прямой смысл, и перенесение едва угадывается в недрах его этимологии, однако он не менее экспрессивен. Любые синонимы: атака, удар, наскок, налет - дают образную картину внезапного силового воздействия. Понятно, что здесь не идут в ход зубы или кулаки - в качестве оружия используются речевые средства, подкрепленные невербальными и паравербальными знаками, что зачастую действует гораздо сильнее, поскольку удар направлен на нервную систему. Именно реакция нервной системы, нанесение так называемых душевных травм, и есть прямая цель нападающего. Образ действий, который используется для морально-психологического подавления, не редкость в отношениях людей. Однако сфера управления организацией должна быть застрахована от подобных пережитков каменного века. Для чего и требуется ее детальное осмысление.

Проблемы невербального среза управленческой коммуникации

Понятие коммуникаций в межличностном взаимодействии открывает исключительную роль невербального языка - жестов, мимики, поз, телодвижений - как способа передачи и восприятия информации. В тактике нападения особенно активно используются невербальные (и паравербальные - голосовые модуляции, громкость, интонации, паузы) знаки, которые активизируют (и задевают) более глубокие механизмы (т.е. эмоциональные и бессознательные) восприятия внешней информации. В целом в управленческом общении невербальное поведение трудно переоценить. Если руководитель хмурится, смотрит грозно или вообще в течение продолжительного времени не смотрит в вашу сторону, а то, и того хуже, смотрит на вас как на пустое место, то это само собой воспринимается как отношение к сотруднику, его успехам или неудачам, как преднамеренная попытка влиять на морально-психологическое состояние последнего. Мягко говоря, заставляет насторожиться, что, естественно, ведет к напряжению общей обстановки.

Хотя реально у негативно читаемых знаков внешнего поведения руководителя могут быть и другие причины, например, затяжные болезни, нестабильное состояние психики, личные неурядицы в жизни, и в силу подобных причин он может и не контролировать внешний рисунок собственного поведения, как и всякий человек. Вообще невербальные знаки поведения есть исключительно откровенный язык общения: именно они поднимают завесу над тем, что происходит в невидимых глубинах личности. И даже если чело-

век носит маску, например, тот же самый руководитель применяет тактику заигрывания, подчеркнутой любезности, внимания и «заботы» об интересах своих подчиненных, искусственность, ненатуральность этого поведения выдает истинное самочувствие его бессознательного «я». Этот театр, этот переход к крайностям, к заигрыванию, к использованию данной тебе власти для одаривания «милостями» (привилегиями) тем более оповещает его окружение, что «не все спокойно в Датском королевстве».

Причины неконтролируемой «невербалики» зачастую объясняются еще проще: низкой общей культурой, невоспитанностью, неуважением к человеческому достоинству вообще. Однако в нашей публикации речь идет не о хороших манерах и воспитании: отсутствие контроля за выражением лица, жестами, движениями, интонациями у руководителя, направляющего знаки в сторону коллег, более всего свидетельствует об отсутствии предвидения, прогнозирования эффекта производимого впечатления. Человек, наделенный властными полномочиями, пусть и совсем небольшими, просто обязан осознавать, что абсолютно все детали его внешнего поведения «запущены» в процесс управления и воспринимаются как значимые сигналы. Такой взгляд заложен в имиджмейкинг власти как один из приоритетных принципов.

Подмена целей управления

Среди многочисленных функций руководителя на одном из первых мест стоит коммуникативная функция. Установление плодотворных отношений, благоприятной атмосферы, партнер-

ского взаимодействия между всеми участниками трудового процесса - такой же важный элемент его работы, как планирование, организация производства, обеспечение его необходимыми ресурсами, контроль и т.д. Попутно скажем, что любой руководитель, в силу заданной роли, ответственен не только за «порученное дело», но и за людей, точнее, за осуществление, реализацию гуманистических ценностей - их судьбы, карьеру, успехи, удовлетворенность работой. Авторы популярной в европейских странах книги «Личность, карьера, успех» Бербель и Хайнц Швальбе пишут: «Хороший руководитель никогда не позволит себе «вгонять» людей в стрессовое состояние, его инструмент управления - сознательная мотивация к труду. Он предпочтет скорее сам взвалить на себя бремя стресса, чем подвергнуть ему своих подчиненных. Его цель - принести в души сотрудников ощущение уверенности, а не разъедающее чувство страха за свою судьбу».

А между тем, примитивные мотивы в бессознательной природе человека дают о себе знать повсеместно. Хуже всего то, что они способны вторгаться в процессы более масштабные, чем личная жизнь, и негативно влиять на ход дел, которые по самой своей сути должны быть изолированы от личностно-субъективных моментов. Процессы управления относятся именно к числу таких дел. В отдельных случаях так легко забывается, что власть, большую или маленькую, человек получил для решения общественно значимых задач, а это значит, что он был наделен повышенным уровнем ответственности за каждый поступок, как и за поведение в целом. При не соответствую-

щем ее назначению применению она может не только нанести вред и ущерб психологического характера субъектам подчинения, но и стать деструктивным фактором в отношении основной цели (миссии) организации. Здесь имеет место своеобразный парадокс, когда повернувшиеся в ту или иную сторону процессы управления организацией работают против нее, становятся препятствием к осуществлению ее задач. Происходит это на уровне замещения целей власти. Эту подмену не всегда можно заметить невооруженным взглядом, тем более что «красивыми словами», декларациями о «благородных намерениях» можно прикрыть что угодно.

Известный исследователь проблем государственного управления Г. В. Атаманчук, критикуя бюрократизм, указывает на реалии власти, в контексте которых происходит «подмена не только воли, но и интересов и целей». Нельзя не согласиться с ним, что «обладание властью, хотя бы небольшой», позволяет «решать личностные проблемы ... И пора, видимо, перестать наивно трактовать нацеленность на власть как озачленность благосостоянием общества». Не секрет, что власть зачастую применяют с целью удовлетворения достаточно примитивных личных потребностей, в том числе и таких, которые мотивированы сферой бессознательного. С таким же «успехом» можно прикрыть ширмой всеобщих деклараций не только потребности, но и то, что называется «слабостями», например, зависть. «Натравливатель» создает ситуацию (провокацию) тех самых «личностных проблем» субъекта власти, которые могут разрешиться лишь в акте нападения. Ему необходимо «задеть личное», что-

бы спровоцировать спонтанный импульс в поведении манипулируемого. Производя соответствующий эмоциональный настрой, он делает ставку на зависимость, некую его уязвимость, «слабости» (слабохарактерность, внушаемость, падкость на лесть, слабости гендерного характера - зависимость от женского внимания, заниженную самооценку и другие), преобладающими над трезвым, не затуманенным эмоциями разумом, и пользуется этим в личных интересах. «Нападение может иметь целью, - как утверждает В. П. Шейнов, - 1) достижение некой цели, значимой для инициатора; 2) психологическую разрядку инициатора; 3) удовлетворение его потребности в самореализации и самоутверждении».

Таким образом, мотивы, которые приводят руководителя под власть манипулятора, натравливающего его на кого бы то ни было, конечно же, носят личный и чаще всего бессознательный характер. Иначе и быть не может: в противном случае включаются механизмы рационального осмысления ситуации («торможения» агрессии), в свете которого как натравливание, так и нападение оцениваются как абсолютно неприемлемые для сотрудничества, которое есть непереносимое условие успешного функционирования организации. То есть становится очевидным смещение основных целей влияния на подчиненных.

Манипулятор

По определению Эрика Берна, манипулирование - это такой способ взаимодействия, когда субъекты общения воздействуют друг на друга завуалированными способами в корыстных целях. Интересно, что есть также попытки опи-

сать аналогичное внешнее впечатление, которое производят манипуляторы (речь идет о переговорах): «Они говорят о чувствах, чтобы усыпить критический разум. Они всегда прекрасно одеты, чтобы внушить доверие, у них на счету несколько честных побед». Понятно, что задача манипулятора усыпить бдительность и сделать свои аргументы убедительными, поэтому он старается внушить больше доверия теми или иными доступными ему способами: игрой, хитростями, изображением «искренних» чувств, своим «служебным рвением».

Проблема чрезвычайно обширна и многоаспектна. Тема ограничивает нас рассмотрением лишь такого вида манипуляций, когда руководитель становится орудием нападения в руках одного из своих подчиненных. Подлинный мотив («корыстные цели») манипулятора в служебных отношениях так же всегда прикрыты объяснениями, мало соответствующими сути его притязаний, как и в любых других сферах, где совершается манипулирование. Да и самому манипулятору, скорее всего, хочется скрыть от самого себя истинную причину своего желания нанести урон сослуживцу, используя власть руководителя, поскольку придется признаться в собственной несостоятельности. Возьмем, к примеру, одну из таких причин побуждения (натравливания) манипулируемого к нападению, на которую указывают авторы книги «Психология индивида и группы» М.-А. Роббер и Ф. Тильман и которая лежит в области самооценки манипулятора: «У некоторых членов есть большая, чем у других, потребность показать себя, противопоставляя другим. Некоторые культурные модели помогают им в этом». Завышенная самооцен-

ка, как свидетельствует Р. М. Грановская, это есть некоторое отклонение, идущее от претензий личности, существенно превосходящих ее возможности. Однако «завышенная самооценка и притязания, естественно, не получают желаемого отклика и признания у окружающих людей», что побуждает сотрудника к поведению, которое обеспечило бы «ему удовлетворение чрезмерных притязаний». На этот счет и существуют «некоторые культурные модели».

Конечно, поведение, удовлетворяющее «чрезмерные притязания», далеко не обязательно есть натравливание. «При завышенной самооценке человек самоуверенно берется за работу, превышающую его реальные возможности». Однако есть и иной способ поддерживать свои амбиции на достаточной высоте - это унижить, ущемить в чем-либо другого. Конечно, способ не только нечестный, но и опасный для самого манипулятора, поскольку концентрирует его психическую энергию в негативном направлении. «Нередко люди становятся несчастными из-за внушенного им в детстве преувеличенного представления о своей значимости, страдая долгие годы из-за уязвленного самолюбия». Это приводит к такому состоянию психики, «когда человек постоянно ощущает свое мнимое превосходство над окружающими, якобы особое значение своей личности. Мелкие обиды обычно воспринимаются ими очень остро». Своеобразным анальгетиком для такой психики становится месть и подготовка конфликтов. Натравливание имеет целью нанести удар по личности или личностям, которых по каким-либо причинам не удается убедить в собственном превосходстве. Естественно,

приемы соответствуют злему умыслу, они не могут носить нравственного характера: используются всякие уловки и хитрости (стратагемы), формируется «образ врага». В первую очередь, в ход идут ложь, клевета, наговор, донос, порочение (диффамация).

Повторяем, болезненная самооценка - лишь один из частных примеров мотивации натравливания. Другие мотивы лежат в области самых разных потребностей и интересов - и материальных, и опять же статусных, и идейных. Они могут носить и синтетический характер.

Нападение

Как правило, спровоцированный манипулятором к нападению субъект управления применяет столь же неприятные приемы: придирки, претензии, игнорирование, демонстрация недовольства или даже презрения, домыслы и т. п., направленные на внутреннее подавление личности, по сути, на ее деморализацию. Следствием, как правило, является конфликт - скрытый или явный, который, однако, приносит моральное (не исключено и материальное) удовлетворение субъекту натравливания.

Ранее цитируемый В. П. Шейнов, воспроизводя в своей обстоятельной книге «Психологическое влияние» модель нападения, пишет: «Психологическое нападение - это внезапное, недружественное действие инициатора против адресата. При этом используются вербальные, невербальные, паралингвистические средства. Психологическое нападение - это, прежде всего, словесная атака, она обращена к эмоциональной сфере адресата».

При тактике нападения эмоциональный самонастрой производится с помощью подходящих для такого случая образов. Руководитель, подвергнутый воздействию натравливателя, общается не с реальным человеком, а с вымышленным (подсказанным чужим воображением) «образом врага», которого силой своего должностного положения он «ставит на место».

«Реализация универсальной модели влияния в случае нападения имеет следующий вид: мишень воздействия - слабость, беззащитность адресата (предполагаемая инициатором); фоновые факторы - невозможность, неспособность или нежелание адресата дать решительный отпор инициатору; вовлечение - воздействие инициатора на эмоциональную сферу адресата, внезапность нападения. Побуждение адресата к тому или иному решению (действию) определяется содержанием действий инициатора. Его успешность зависит от того, насколько адекватно инициатор оценил состояние адресата».

По поводу последнего замечания - адекватной оценки состояния объекта нападения. Если бы руководители, прибегающие к приему нападения (тем более, натравливаемые со стороны других подчиненных) были хорошо осведомлены о том, что в психике любого человека работают механизмы психологической защиты и работают по-разному, то, конечно, взвешивали бы каждое свое слово, каждую интонацию и каждое действие буквально на аптекарских весах. Тактика «усмирения», «игнорирования» и т. п. вполне может дать внешний эффект, но сама человеческая душа никогда не примирится с унижением, несправедливостью, жестокостью. За-

щита человеческого «я» от неопределенности и от занижения самооценки не срабатывает только у окончательно сломленных индивидуумов. Отсюда противостояние обязательно уходит на глубину бессознательного (пока оно не будет сглажено каким-либо другим образом) и ищет формы сублимации. Нормальная человеческая потребность - признание достоинства личности. Именно с человеческими достоинствами в первую очередь имеет дело руководитель - и в этом заключен один из самых значительных ресурсов организации.

Дело всегда проигрывает, если субъект управления не применяет взвешенную тактику коммуникаций, не просчитывает последствий, не различает опасных мотивов, как в собственных решениях, так и в поступках тех, кто метит в его «болевые точки», «подслащивает» и «умасливает» их, чтобы использовать власть данного руководителя в своих низменных целях. В современной литературе по управленческим коммуникациям можно найти множество рекомендаций по защите от манипуляторов. Руководить - это профессия, названное умение есть один из элементов профессионализма, и о такой литературе он должен быть хорошо осведомлен.

Стратегии доверия и сотрудничества

В 1789 году Иеремия Бентам (1748-1832), английский теоретик морали и права, выпустил книгу «Введение в основания нравственности и законодательства» и тем самым внедрил в этику принцип практической целесообразности. Это послужило созданию теоретической платформы для либе-

ральных ценностей, проповедующих невмешательство государства в общественную жизнь, всеобщее избирательное право и многое другое. В 1834 году вышла другая его книга «Деонтология, или Наука о морали», в которой идея пользы рассматривается как цель и норма поведения, а также и как основа человеческого счастья.

Понятно, что теория Бентама не могла не подвергнуться критике. Особенно резко она прозвучала со стороны Маркса, назвавшего философа «оракулом пошлого буржуазного рассудка XIX века». И, тем не менее, императив «правильного расчета» стал не только основой буржуазно-либеральной морали, но и захватил, можно сказать, в глобальных масштабах, ментальные процессы нового и новейшего времени, породив психологию и философию прагматизма и утилитаризма.

Конечно, с точки зрения высших заповедей общечеловеческой морали исповедание пользы, выгоды и расчета приземляет человеческие отношения, низводит их к примитивно-материальным основаниям. Поэтому последователь взглядов Иеремии Бентама Джон Стюарт Милль (1806-1873), английский философ-позитивист, теоретик либерализма, смягчил, насколько это возможно, утилитарные подходы к этике человеческих отношений. Принцип эгоистической пользы, доминирующий в доктрине Бентама, он связывает с высшими нравственными ценностями - совестью, долгом, уважением законов, справедливостью. Последнюю он считал самой значительной из добродетелей: она обязывает соблюдать законные права личности, платить добром за добро, быть беспристрастным,

не лгать. Общее благо, по Миллю, зависит от общественного благосостояния, порядка, стремления к добродетели, среди которых на первое место он поставил альтуизм. Этические взгляды были изложены им в одной из глав «Системы логики», в книгах «О свободе» и «Утилитаризм».

В этом облагороженном и симпатичном виде этическое учение о пользе успешно прикладывается к праву, политике, к процессам управления. По сути, оно становится ядром прагматики деловых отношений, культуры общения и профессиональной этики. Конечно, с повестки дня не снимаются у человечества ни бескорыстие, ни любовь к ближнему как к самому себе, ни всепрощение, но в конкретике практической жизни на их место становятся разум и рассудок, которые взвешивают и просчитывают меру каждого поступка. «Не навреди!» - таков лозунг медицинской этики - деонтологии - который, в соответствии с принципами прагматизма и утилитаризма, можно поставить во главу угла отношений в любой практической сфере.

Представления о человеке как объекте управления исторически меняются. В образ человека управляемого времен Бенгтама и Милля внесены свои поправки. Как видим, четко обозначилась тенденция перехода от упрощенного механического представления - к психологическому. В информационном обществе «при выборе вида управленческого воздействия следует опираться на достижения психологии и всех направлений менеджмента».

Таким образом, решение любых вопросов управления базируется в наше время на рациональном, разум-

ном и простом расчете. Руководитель в ситуации втягивания его в конфликт со своими сотрудниками должен осознать, насколько опасна эта стратегия в управлении. У него должно быть достаточно профессионального благоразумия, чтобы не позволить втянуть себя в интриги, а тем более разжигать ненависть, противопоставляя одних сотрудников другим, искусственно возвышая одних и принижая других. Игры с человеческим достоинством - опасные игры.

Следует учесть, что подобные частные поступки натравливания и нападения на одних (и заигрывания с другими) постепенно становятся политикой и утверждаются как принцип управления организацией, без чего данный руководитель обойтись уже не может.

Джек Траут в книге «Сила простоты» пишет: «Оказывается, в библиотеках США и на прилавках магазинов представлено 3098 книг со словом «лидер» в названии. По нашему же мнению, проблема эффективного лидерства достойна не более чем нескольких глав». «Основной эффективный лидерства служит обдумывание миссии организации, ее четкое определение и наглядное подтверждение. Лидер устанавливает цели и приоритеты, определяет и поддерживает стандарты». Хорошо обученные и опытные сотрудники - это главный ресурс организации. «Постарайтесь не усложнять им жизнь».

В случаях же, когда руководителю не хватает профессиональной подготовки, тогда остается надеяться на такие свойства личности, как совесть, справедливость, порядочность, гуманность - на нравственные свойства.

Литература:

1. Курбатов В. И. Стратегия делового успеха. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. С. 17.
2. Занковский А.Н. Организационная психология: Учебное пособие для вузов по специальности «Организационная психология». - М.: Флинта: МПСИ, 2002 .
3. Швальбе Б., Швальбе Х. Личность, карьера, успех. М.: «Прогресс-Интер», 1993. С. 112.
4. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления: курс лекций. - М.: Омега-Л, 2006. С. 398.
5. Шейнов В. П. Психологическое влияние. Минск: Харвест, 2007. С. 750.
6. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих отношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. - М., 1983.
7. Белланже Л. Преговоры. - СПб.: Издательский Дом «Нева», 2002. С. 71.
8. Роббер М.-А., Тильман Ф. Психология индивиду и группы. - М.: Прогресс, 1988. С. 111.
9. Грановская Р. М. Элементы практической психологии. - Л.: Изд. Ленинградского университета, 1988. С. 400.
10. Шейнов В. П. Психологическое влияние. Минск: Харвест, 2007. С. 749.
11. Грановская Р. М., Никольская И. М. Защита личности: психологические механизмы. - СПб.: Знание, 1999.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 623.
13. Экономическая психология: социокультурный подход. - СПб.: Питер, 2000. С. 360.
14. Траут Дж. Сила простоты: руководство по успешным бизнес-стратегиям. - СПб.: Питер, 2001. С. 118.

Социально-психологические особенности тюремного сообщества в пенитенциарных учреждениях США

Г. В. Щербаков, О. А. Щербакова

Актуальность изучения американского опыта заключается в том, что объективные условия и особенности функционирования мест лишения свободы России и США сходны. Для них характерны:

1. Общее большое количество осужденных. По данным Международного центра тюремных исследований, действующего при лондонском Кингс-колледже, в настоящее время в США в заключении находится 2,3 миллиона преступников, что больше, чем в любой другой стране мира. В Америке на каждые 100 тысяч человек приходится 751 лишенный свободы. Единственной крупной промышленно развитой страной, приближающейся к этим показателям, является Россия, где на каждые 100000 человек приходится

627 заключенных. В других странах эти цифры гораздо ниже. В Англии - 151; в Германии - 88, в Японии - 63 заключенных на каждые 100000 человек.

2. Общие социально-психологические закономерности процессов исполнения и отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях.

3. Многонациональный состав лиц, отбывающих уголовные наказания в местах лишения свободы.

Попытка обоснования социально-психологических особенностей функционирования личности и среды заключенных в тюрьмах США может способствовать, на наш взгляд, всестороннему развитию представлений об одной из самых крупных пенитенциарных систем в мире.

Литература:

1. Курбатов В. И. Стратегия делового успеха. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. С. 17.
2. Занковский А.Н. Организационная психология: Учебное пособие для вузов по специальности «Организационная психология». - М.: Флинта: МПСИ, 2002 .
3. Швальбе Б., Швальбе Х. Личность, карьера, успех. М.: «Прогресс-Интер», 1993. С. 112.
4. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления: курс лекций. - М.: Омега-Л, 2006. С. 398.
5. Шейнов В. П. Психологическое влияние. Минск: Харвест, 2007. С. 750.
6. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих отношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. - М., 1983.
7. Белланже Л. Преговоры. - СПб.: Издательский Дом «Нева», 2002. С. 71.
8. Роббер М.-А., Тильман Ф. Психология индивиду и группы. - М.: Прогресс, 1988. С. 111.
9. Грановская Р. М. Элементы практической психологии. - Л.: Изд. Ленинградского университета, 1988. С. 400.
10. Шейнов В. П. Психологическое влияние. Минск: Харвест, 2007. С. 749.
11. Грановская Р. М., Никольская И. М. Защита личности: психологические механизмы. - СПб.: Знание, 1999.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 623.
13. Экономическая психология: социокультурный подход. - СПб.: Питер, 2000. С. 360.
14. Траут Дж. Сила простоты: руководство по успешным бизнес-стратегиям. - СПб.: Питер, 2001. С. 118.

Социально-психологические особенности тюремного сообщества в пенитенциарных учреждениях США

Г. В. Щербаков, О. А. Щербакова

Актуальность изучения американского опыта заключается в том, что объективные условия и особенности функционирования мест лишения свободы России и США сходны. Для них характерны:

1. Общее большое количество осужденных. По данным Международного центра тюремных исследований, действующего при лондонском Кингс-колледже, в настоящее время в США в заключении находится 2,3 миллиона преступников, что больше, чем в любой другой стране мира. В Америке на каждые 100 тысяч человек приходится 751 лишенный свободы. Единственной крупной промышленно развитой страной, приближающейся к этим показателям, является Россия, где на каждые 100000 человек приходится

627 заключенных. В других странах эти цифры гораздо ниже. В Англии - 151; в Германии - 88, в Японии - 63 заключенных на каждые 100000 человек.

2. Общие социально-психологические закономерности процессов исполнения и отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях.

3. Многонациональный состав лиц, отбывающих уголовные наказания в местах лишения свободы.

Попытка обоснования социально-психологических особенностей функционирования личности и среды заключенных в тюрьмах США может способствовать, на наш взгляд, всестороннему развитию представлений об одной из самых крупных пенитенциарных систем в мире.

Обзор американской литературы показывает, что наиболее актуальными для пенитенциарной системы США являются вопросы адаптации заключенных в тюрьме, гендерные проблемы отбывания наказания, а также расовое и этническое противостояние в пенитенциарных учреждениях.

Следует отметить, что американские ученые активно изучают процесс адаптации и адаптивного поведения заключенных в местах лишения свободы. Так, Дональд Клеммер в книге «Тюремное сообщество» выделяет феномен «призонизации» (от англ. prison - тюрьма), т.е. приспособления долгосрочно лишенных свободы к подкультуре заключенных, и связывает его с идеалами и ценностями тюремной среды. Анализируя сущность феномена призонизации, Д. Клеммер не рассматривает ее как абсолютную силу, а связывает ее с тюремными нормами, правилами и ценностными ориентациями. Отсюда он делает вывод о разной приспособляемости к тюрьме и адаптации к ней. Важно, на наш взгляд, положение Д. Клеммера о том, что в зависимости от тюремных ценностей имеются и различия у заключенных в степени адаптации, приспособления к тюремной субкультуре.

Интересный факт в своем исследовании установил криминолог Г. Сайкс о том, что в тюрьме могут совпадать интересы администрации и тюремных лидеров в поддержании контроля над большей частью заключенных.

Д. Ирвин и Д. Кресси подвергали изучению причины затруднений, которые возникают при нейтрализации негативных последствий адаптации из-за влияния различных ценностных ориен-

таций в преступных группах на бывших своих членов в тюрьме.

Анализируя воздействие различных ценностей на поведение заключенных, Ю. Гальтунг попытался раскрыть типичные реакции заключенных на отношение к тюремной субкультуре. Автор отмечает, что наряду с «бегством в общество тюрьмы», «бегством во внешний мир», «бегством к делам», «бегством к искуплению вины», «бегством к заболеваниям», «бегством к нарушениям порядка», выделяется и «бегство в сообщество заключенных». Заключенный активно ищет контакты с другими заключенными и подчеркивает важность взаимной солидарности.

По мнению Ю. Гальтунга, указанные установки не исключают друг друга, так как конкретный заключенный может одновременно или последовательно пользоваться их различными вариантами.

Э. Гофман сделал попытку раскрыть суть и роль интерактивных процессов внутри тотальных институтов, включая акцентирование внимания на возможном ценностно-потребностном характере взаимоотношений между персоналом и обитателями пенитенциарных учреждений, поскольку эти группы придерживаются различных стереотипов и живут в различных культурных мирах. Э. Гофман считал, что тюрьма, как и любой другой тотальный институт нивелирует собственную личность, ее цели, планы и позитивную адаптацию в среде осужденных за счет усвоения новых субкультурных образцов тюремной жизни. В связи с этим он раскрыл механизмы не только первичной (сразу после попадания в тюрьму), но и вторичной (направленной на выживание в тюрьме

и превращение под влиянием ее субкультуры) адаптации заключенных.

Значительное влияние на адаптацию и поведение заключенных в тюрьме оказывают компоненты мотивационной сферы. Приведем хотя бы один пример о влиянии установок: в четырех исправительных учреждениях США было проведено исследование поведения заключенных с учетом их агрессивности. Заключенные, склонные к агрессии, вели себя так же и в тюрьме. Но если условия заключения становились жестокими и подавляющими личность, эти заключенные реагировали на них увеличением агрессивности. Те осужденные, которые жили до осуждения в обстановке культа физического насилия, считавшегося нормальным явлением, лучше адаптировались в исправительных учреждениях карательного типа, где авторитет среди осужденных основан на насилии, а их агрессивность еще больше возростала.

По мнению большинства американских исследователей, заключенные сильно отличаются друг от друга по целому ряду оснований. Они совершают преступления, которые варьируются от убийств, насилий и других тяжких преступлений до краж и преступлений, связанных с хранением наркотиков, которые не несут прямого вреда кому-либо.

С точки зрения особенностей проведения психокоррекционной работы Д. Ирвин выделил шесть категорий заключенных:

1) «воры» - считают себя благородными профессионалами, так как совершают кражи избирательно только в отношении богатых и влиятельных;

2) «беспринципные воры» - полагают, что все люди делятся на тех, у кого

отбирают, и тех, кто отбирает, и поэтому считают, что могут отнять у любого;

3) наркоманы, имеющие физиологическую зависимость от наркотиков, которые живут, чтобы ослабить боль, причиняемую прекращением употребления наркотиков;

4) наркоманы, имеющие психологическую зависимость, которые принимают наркотики, чтобы расширить границы восприятия окружающего мира;

5) заключенные, не имеющие определенной направленности, которые с легкостью включаются в различные виды деятельности в тюрьме, в том числе и в преступную;

6) сироты, либо социальные сироты - провели большую часть своей жизни в детских домах, коррекционных школах, интернатах и других государственных учреждениях подобного типа, некоторые из них себя преступниками не считают, так как к причинам попадания в места лишения свободы относят внешние неблагоприятные обстоятельства, главным образом, финансовые проблемы.

Такова одна из распространенных классификаций заключенных в США, учитывающая социально-психологические особенности личности в процессе адаптации в пенитенциарном учреждении.

Следующей актуальной проблемой пенитенциарной системы США является проблема женщин в тюрьме.

Заключенные женщины постоянно привлекают к себе внимание СМИ. Однако, по мнению многих специалистов в США, исследований в этой области проводится недостаточно. Количество исследований, посвященных проблеме нахождения женщин, в тюрьме составляет ровно столько, чтобы обозначить

имеющуюся специфическую разницу в исполнении и отбывании наказания по сравнению с мужчинами. В целом женское сообщество в тюрьмах США характеризуется меньшим насилием, большей гармонией, менее деструктивным характером субкультуры по сравнению с тюремным сообществом мужчин.

Д. Уорд и Дж. Кассебаум исследовали нарушения в тюрьме, связанные с сексуальными перверсиями. В результате они пришли к выводу, что в подавляющем большинстве случаев в женском сообществе принуждение к сексуальному контакту отсутствует.

Исследования Р. Гиаломбардо констатировали, что в отличие от мужского сообщества в женских тюрьмах преобладают взаимные сексуальные отношения, характеризующиеся гармонией, ролевым воспроизведением семейного уклада (мама, папа, дочка, брат, сестра).

Е. Хеффернен исследовала социально-психологические особенности заключенных женщин в тюрьме Коламбия. По данным ученой, женское тюремное сообщество весьма неоднородно. Ею были выделены три основные категории заключенных женщин.

Для первой категории заключенных тюрьма является «центром жизни», в которой они борются с администрацией и другими заключенными за право контролировать ситуацию и получать доступ к запрещенным услугам (алкоголь, наркотики, дополнительное питание и т. д.).

Ко второй категории заключенных относятся женщины, совершившие неумышленные преступления, часто убийства в состоянии аффекта. Их поведение в тюрьме характеризуется отрицанием

своей принадлежности к преступному миру. На протяжении всего срока отбывания наказания они пытаются воссоздать в тюрьме привычные для себя условия свободы, активно поддерживают контакты с внешним миром.

Третья категория заключенных женщин - «профессиональные преступницы», как правило, отбывающие уголовные наказания за корыстные или корыстно-насильственные преступления. Их поведение в тюрьме характеризуется внешним принятием правил и норм, установленных администрацией. Однако такое поведение нацелено на скорейшее условно-досрочное освобождение для продолжения криминального образа жизни на свободе.

Ужесточение уголовного законодательства в 1980-х гг. в большей степени повлияло на рост женского населения в тюрьмах США (с 1984 года количество женщин заключенных выросло на 100%, мужчин, для сравнения, стало больше всего на 51%). Основное количество женщин было осуждено за кражи и преступления, связанные с наркотиками. Также достаточное число женщин было осуждено за убийства мужей или сожителей, которые проявляли по отношению к ним акты насилия. Таким образом, Национальный совет США по преступлениям и правонарушениям констатировал, что женские тюрьмы к середине 1990-х гг. были значительно переполнены. Этот факт способствовал развитию в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве более широкого спектра мер и наказаний, не связанных с изоляцией женщин от общества.

Считается, что большинство женских преступлений незначительно за-

трагивают физическую или социально-психологическую сферу личности или общества. Д. Вагнер наблюдала за освободившимися женщинами в течение 2-х лет и обнаружила, что женщины на 44% меньше, чем мужчины совершают повторные преступления. По разным данным число женщин, совершивших повторные преступления, составляет 17% от общего числа освободившихся из женских тюрем. Тогда как число мужчин рецидивистов приближается к 40%. Отмечается также, что женщины совершают гораздо меньше преступлений, если они находятся в поле внимания различных служб по месту жительства (социальных, психологических, медицинских и др.).

Большинство заключенных женщин имеют серьезные экономические, медицинские, психологические и социальные проблемы. Особенно эти проблемы обостряются и попадают в поле зрения только в тюрьме.

Специальные социальные программы для женщин более эффективны, чем заключение в тюрьму. В Пенсильвании, например, реализация таких программ в отношении женщин преступниц позволила значительно снизить повторные преступления. Выборка из 1000 человек, участвовавших в этой программе, показала рецидив лишь в 3,2% случаев. Такие меры как домашний арест, интенсивное сопровождение также являются эффективной альтернативой тюремному заключению в случае непосредственного воздействия.

Таким образом, современная американская пенитенциарная наука ориентирует не на карательные, а на гуманистические традиции в исправлении осужденных женщин. При этом право-

судие в США все больше ориентируется на ужесточение наказаний за различные, даже незначительные виды преступлений. Европейцы часто приезжают в США для изучения пенитенциарной системы. Обратные они уезжают потрясенные.

«Ни в одной другой стране мира уголовное правосудие не осуществляется с большей мягкостью, чем в Соединенных Штатах», - писал в работе «Демократия в Америке» Алексис де Токвиль, совершивший поездку по американским тюрьмам в 1831 году. Сейчас так сказать уже нельзя. «Современная Америка более не является примером для всего мира, на нее взирают с ужасом», - писал в прошлом году в журнале *Social Research* Джеймс Уитман, специалист по сравнительному праву из Йельского университета. - Европейские правительства более не направляют к нам делегации для перенятия нашего опыта управления тюрьмами».

В Соединенных Штатах тюремное заключение является «гораздо более жестоким, чем в любой другой стране, с которыми обычно сравнивают Америку», - написал ведущий эксперт-криминалог Майкл Тонри в своей книге «Учебник по преступлению и наказанию».

Увеличение количества заключенных в Америке произошло относительно недавно. С 1925 по 1975 годы количество заключенных оставалось стабильным, около 110 человек на 100000 граждан. Оно начало расти в конце 1970-х годов, когда отношение к преступлению начало ужесточаться.

Также большое число заключенных в США объясняется относительно высоким уровнем преступлений, связанных с насилием над личностью на фоне

обострения расовой и этнической нетерпимости.

События 1960-х гг. заметно изменили тюремное сообщество в США. В течение этого десятилетия, а также начала 1970-х для всего американского общества в целом были характерны такие явления как повышение расового и этнического самосознания, уверенности в себе, конфронтация, солидарность и, наконец, жестокость. Эти социально-психологические изменения не обошли и тюрьмы. Более того, «они раскололи их, вызвали напряжение, всплеск насилия и жестокости».

Состав тюрем также менялся: темнокожие, мексиканцы, пуэрториканцы и другие этнические меньшинства стали составлять основную массу заключенных в американских тюрьмах (например, Статвилль, тюрьма строгого режима в штате Иллинойс, недалеко от Чикаго, на 80% заполнена заключенными афроамериканцами).

Расовая ненависть также возросла в тюрьмах с большим количеством заключенных из числа городского населения. Заключенные предпочитают общаться в небольших приятельских группах, «кликах» и, все больше, в компаниях, включающих представителей определенной расы или национальности.

К другим объединяющим элементам относятся: схожий жизненный опыт, такой как похожие преступления, происхождение из одного района (региона), отбывание наказания ранее в одной тюрьме, проживание в одной камере или работа в одной мастерской. Однако расовая принадлежность является доминирующим фактором при объединении в группы в тюремном сообществе.

Расовые взаимоотношения не выделялись в отдельную тему в более ранних исследованиях. В классической работе Дональда Клеммера «Тюремное сообщество» расовые взаимоотношения не упоминаются, несмотря на то, что 25% заключенных в его исследованиях составляют афроамериканцы.

Любая теория, которая пытается описать систему взаимоотношений в тюрьме, должна учитывать вопросы расовой принадлежности. Наиболее влиятельными в настоящее время в тюрьмах США являются группировки, сформированные по расовому или национальному признаку. Динамика роста ненависти между «белыми» и «черными» заключенными очевидна. Чернокожие заключенные не только более многочисленны, они чувствуют себя более уверенно, чем в прошлом. Вот слова одного из чернокожих заключенных тюрьмы Статвилль в штате Иллинойс: «В этой тюрьме черные и белые дерутся. Для черных проиграть схватку - самое худшее, что может быть. Белые же стараются избежать столкновений всеми возможными способами ... Белые унижали нас все время, пока мы жили в этой стране, теперь пришла наша очередь». Представители европейской расы в тюрьме часто начинают фанатично ненавидеть афроамериканцев, даже если на свободе они относились к ним терпимо и старались соблюдать политкорректность.

Европейцы и афроамериканцы - не единственные расовые и этнические группы в тюрьме. Там также есть мексиканцы, пуэрториканцы, индейцы, выходцы из Азии и другие. По мнению Джеймса В. Джейкобса, исследователя тюрьмы Статвилль, афроамерикан-

цы, азиаты, мексиканцы живут в тюрьме бок о бок, но являются носителями трех совершенно различных культур. Они не едят за одним столом, не делятся продуктами питания, сигаретами, туалетными принадлежностями друг с другом. Они не садятся рядом во время просмотра телевизионных передач и общаются с представителями чужой расовой группировки только в случае крайней необходимости.

Проведенный анализ социально-психологических особенностей тюремного сообщества в США позволяет констатировать не только частные, но и всеобщие пенитенциарные закономерности. Особенно актуальным для тюремной системы США являются вопросы вхождения заключенных в систему отношений, гендерная проблематика, а также все более обостряющиеся проблемы расового и этнического противостояния в местах лишения свободы.

Литература:

1. De Rosia V. R. Жизнь за тюремными стенами: адаптивное поведение, 1998; Goodstene L. Адаптация осужденного в тюрьме и возвращение к жизни в обществе, 1979; Kirkpatrick A. U Проблемы, возникающие у человека после прибытия в тюрьму, 1970; Zamb E. Анализ поведения при психологической адаптации осужденных, 1984.
2. Clemmer D. The Prison Community. New York, 1956.
3. Sykes G.M., Mitza D. Techniques of Neutralization: a Theory of Delinquents // American Sociological Review. 1957. V. 22. P. 664-670.
4. Irvin J., Cressey D. Thieves, Convicts and Inmate Culture // Social problems. 1962. № 10. P. 142-158.
5. David A. Ward and Gene G. Kassebaum, Women's Prison: Sex and Social Structure. Chicago, 1965.
6. Esther Heffernen, Making It in Prison: The Square, the Cool, and the Life. New York, 1972.
7. Russ Immarigeon and Meda Chesney-Lind, Women's Prison: Overcrowded and Overused. San Francisco, 1992.
8. Адам ЛИПТАК. «Global Research»), Канада, 6 мая 2008 года. Опубликовано на: ИноСМИ.ш
9. Joel Samaha, Criminal Justice. Third Edition, 1994.

Террористы и заложники: история вопроса

М. Ю. Колосницyna

*«Страх возникает вследствие
бессилия духа»*

Бенедикт Спиноза

Человечество вступило в новое тысячелетие и, к сожалению, унаследовало тяжелый груз серьезнейших проблем. Одна из них - терроризм в самых различных формах и проявлениях. Сегодня он стал опаснейшим глобальным вызовом обществу. Терроризм дестабилизирует безопасность многих стран, препятствует нормальному

развитию международных отношений. Тревожит растущий уровень финансовых возможностей и технической оснащенности террористических группировок, транснациональный характер их деятельности. Террористы рвутся к оружию массового уничтожения, стремятся оказать влияние на формирование нового миропорядка.

В XX веке тема международного терроризма приобрела особое звучание. Несмотря на научные дискуссии по этому поводу, до сих пор нет обще-

цы, азиаты, мексиканцы живут в тюрьме бок о бок, но являются носителями трех совершенно различных культур. Они не едят за одним столом, не делятся продуктами питания, сигаретами, туалетными принадлежностями друг с другом. Они не садятся рядом во время просмотра телевизионных передач и общаются с представителями чужой расовой группировки только в случае крайней необходимости.

Проведенный анализ социально-психологических особенностей тюремного сообщества в США позволяет констатировать не только частные, но и всеобщие пенитенциарные закономерности. Особенно актуальным для тюремной системы США являются вопросы вхождения заключенных в систему отношений, гендерная проблематика, а также все более обостряющиеся проблемы расового и этнического противостояния в местах лишения свободы.

Литература:

1. De Rosia V. R. Жизнь за тюремными стенами: адаптивное поведение, 1998; Goodstene L. Адаптация осужденного в тюрьме и возвращение к жизни в обществе, 1979; Kirkpatrick A. U Проблемы, возникающие у человека после прибытия в тюрьму, 1970; Zamb E. Анализ поведения при психологической адаптации осужденных, 1984.
2. Clemmer D. The Prison Community. New York, 1956.
3. Sykes G.M., Mitza D. Techniques of Neutralization: a Theory of Delinquents // American Sociological Review. 1957. V. 22. P. 664-670.
4. Irvin J., Cressey D. Thieves, Convicts and Inmate Culture // Social problems. 1962. № 10. P. 142-158.
5. David A. Ward and Gene G. Kassebaum, Women's Prison: Sex and Social Structure. Chicago, 1965.
6. Esther Heffernen, Making It in Prison: The Square, the Cool, and the Life. New York, 1972.
7. Russ Immarigeon and Meda Chesney-Lind, Women's Prison: Overcrowded and Overused. San Francisco, 1992.
8. Адам ЛИПТАК. «Global Research», Канада, 6 мая 2008 года. Опубликовано на: ИноСМИ.ш
9. Joel Samaha, Criminal Justice. Third Edition, 1994.

Террористы и заложники: история вопроса

М. Ю. Колосницyna

*«Страх возникает вследствие
бессилия духа»*

Бенедикт Спиноза

Человечество вступило в новое тысячелетие и, к сожалению, унаследовало тяжелый груз серьезнейших проблем. Одна из них - терроризм в самых различных формах и проявлениях. Сегодня он стал опаснейшим глобальным вызовом обществу. Терроризм дестабилизирует безопасность многих стран, препятствует нормальному

развитию международных отношений. Тревожит растущий уровень финансовых возможностей и технической оснащенности террористических группировок, транснациональный характер их деятельности. Террористы рвутся к оружию массового уничтожения, стремятся оказать влияние на формирование нового миропорядка.

В XX веке тема международного терроризма приобрела особое звучание. Несмотря на научные дискуссии по этому поводу, до сих пор нет обще-

принятого определения что же такое терроризм. Оценка часто зависит от политических взглядов, религиозных убеждений и этнической принадлежности. Поиск единого подхода к проблеме терроризма также продолжается.

Наиболее явления терроризма проявились в последнее десятилетие во всем мире. В нашей стране от рук бандитов пострадали десятки, сотни, тысячи людей в Москве, на Северном Кавказе.

Последние события в Беслане показали, что терроризм сегодня стал тем феноменом, от которого никто не застрахован - ни военный, ни домохозяйка, ни даже школьник. Наша работа раскрывает феномен терроризма, вопросы, связанные с влиянием терроризма на психофизиологию и жизнедеятельность людей, побывавших в заложниках, методы реабилитации и правила поведения граждан при захвате их террористами.

1. ИСТОРИЯ ТЕРРОРИЗМА

1.1. История исламского фундаментализма

Мир сегодня, как и много веков назад, сотрясают вспышки насилия. Гибнут десятки, сотни, тысячи людей. Главы многих государств объявляют войну террору.

А возможно ли вести против чудовищного зла, именуемого терроризмом, полноценную, крупномасштабную и главное - победоносную войну? На этот вопрос однозначно не ответит ни один специалист в области борьбы с террором. Поскольку до сих пор не удалось создать сколько-нибудь серьезную теорию возникновения терроризма.

Связано это прежде всего с тем, что под одним названием подразумевают-

ся несколько не просто разных, но ничего общего между собой не имеющих явлений. Европейский террор, идущий от традиций тираноубийства, ставил своей целью изменение социального и политического порядка вещей.

Современный же терроризм имеет не социальный, а идеологический, религиозный характер. Он имеет давние и глубокие корни. На Востоке существовало и существует немало различных организаций террористического толка. Мы рассмотрим историю и деятельность, пожалуй, самой древней и ортодоксальной организации - организации исмаилитов.

Кто же такие исмаилиты? Современная наука определяет их как одну из мусульманских сект. Происхождение исмаилитов, как полагает большинство историков, таково. Один из потомков Магомета (через жену Фатиму) - Исмаил Ибн-Джафар-Ассадик, объявил себя прямым потомком сына Авраама, Исмаила (отсюда и название его последователей). Постоянные претензии на руководство всем исламом привели его в тюрьму. Однако многочисленные сторонники в 972-м году сумели освободить самозванного имама и посадить его на трон одного из княжеств. Позднее один из его преемников взойшел на трон Каира, таким образом подчинив Египет правлению потомков Фатимы. Следовательно, первоначально движение исмаилитов представляло собой политическое течение среди тогдашних вождей исламского мира. Ничто не предвещало того, что это течение превратится в нечто особенное. И произошло это превращение как результат политических событий - захвата ранними исмаилитами Египта.

Именно здесь, в Египте, исмаилиты столкнулись с тайными сектами гностиков. И здесь, в синтезе гностицизма и исламской религии сложилось то тайное, глубоко мистичное учение, которое получило название «исмаилизм», а политическое течение превратилось в секту. Гностицизм возник среди философов позднеантичной эпохи как своеобразная реакция на известную несостоятельность взглядов классической философии, связанной с язычеством, и на распространение монотеистических систем - в первую очередь, иудаизма и раннего христианства. Гностики усматривали скрытый смысл во взглядах Платона и связь этих взглядов с тайными знаниями древнего Востока. По сути, гностицизм представлял собой синтез элементов античной философии с восточной мистикой. Именно поэтому на формирование его оказало особое влияние знакомство с некоторыми элементами Кабалы.

1.2. Доктрина исмаилитов

Доктрина исмаилитов состоит из общедоступного, открытого учения (захир) и скрытого (бахир), доступного только посвященным.

Дойяль-Доат, или верховный проповедник и судья исмаилитов, разделял власть с каирским халифом. Собрания исмаилитов проходили в так называемой Каирской Ложе, где хранилось множество старинных книг и научных инструментов.

Курс скрытого учения разделялся на девять степеней. Первая степень старалась внушить ученику сомнения и доверие к его учителю, который может разрешить их. Для этой цели коварные вопросы показывали ученику нелепость буквального смысла Корана,

и тайные намеки давали понять, что под этой скорлупой скрывается ядро истины. Ученик, чтобы продвинуться дальше, должен был страшными клятвами обещать повиноваться своему наставнику.

Вторая степень учила признавать имамов, или руководителей, назначенных Аллахом, источниками всякого знания.

На третьей степени ученику сообщали число священных имамов (мистическое число семь связано с семичленной структурой проявленного мира и взято у Кабалы).

Четвертая степень гласила, что Аллахом послан в мир семь законодателей, и у каждого было семь помощников, называемых «немыми», в то время как законодатели назывались «говорящими».

Пятая степень ведала, что у каждого из помощников было по 12 апостолов, распространяющих его идеи.

Шестая степень отстаивала позицию на том, что все догматы религии должны быть подчинены правилам философии, адепту на этом уровне также объясняли философские системы Платона и Аристотеля.

Седьмая степень ставила идею мистического пантеизма - все постоянно и непрерывно контролируется Высшим.

Восьмая степень предъявляла ученикам соблюдение догматических правил магометанского закона, оценивая их по справедливости.

Девятая степень сводила все предыдущие в единый закон.

Сущность учения состояла в мистически-аллегорическом толковании Корана, в догмате о том, что имамат, дух Божий, продолжает существовать в теле Исмаэля, седьмого потомка Али.

Переходя из одного тела в другое, он говорит устами своих наместников. В этом развивается смысл учения о мистическом значении числа 7. Бог создал 7 небес, 7 земель, 7 морей, 7 планет, цветов, металлов и звуков и назначил имамами 7 лучших своих созданий, из которых первым был Али (зять Мухаммеда), а последним - Исмаэль.

Число 12 также имеет особое значение, как и число 7. Существует 12 небесных знаков, 12 месяцев, 12 сочленений на 4-х пальцах каждой руки, и т.д. Все это существует и поныне - в отдельных мистических ответвлениях шиитского толка исламской религии.

Однако вы будете поражены, когда узнаете о том, как горстка исламских фанатиков-убийц (именно их называли ассасинами) держала в страхе всю средневековую Европу. Жертвами ассасинов в разное время стали: победитель крестоносцев султан Египта Салах-ад-дин (Саладин), предводитель тамплиеров Конрад Монфератский, герцог Баварский, и многие другие.

Как и почему это произошло?

В эпоху Фатимидов исмаилиты представляли собой только учение духовного характера. Превратившись из партии последователей потомков Мухаммеда по линии Фатимы в чисто религиозную секту, они утратили политическое направление, их пропаганда была обращена, в основном, к людям науки и свободомыслящим аристократам. Ничто не предвещало подобного внезапного превращения. Тем не менее оно произошло. С XI века и до наших дней - в течение восьми столетий - исмаилитов называют партией убийц. Почему и где они превратились в такую партию? Не в Египте. В Персии или Иране. Попав из

родины гностики сюда, идеи исмаилитов породили нечто поистине страшное и ужасное.

1.3. Новый этап развития исмаилизма

Рассказывая о новом этапе развития исмаилизма, связанном с Персией, следует отметить два момента: первый - исмаилизм для Персии отнюдь не был чем-то чрезвычайно новым, его пропаганда велась здесь достаточно активно, но она не имела никакой политической направленности; второй - качественное изменение этого произошло при появлении Хасана ибн Саббаха (1033-1124). Он-то и стал лидером нового (несмотря на старое название) религиозно-политического движения.

Собственно, старый - глубоко мистический - исмаилизм не был изначально чужд Хасану ибн Саббаху. Он родился и вырос в торговом городе Рейе, издавна считавшемся одним из центров исмаилизма. Здесь же Хасан воспринял основы исмаилизма (в числе его наставников называют чеканщика и шорника). В полном соответствии с традициями и принципами исмаилизма, первый из них посеял сомнения в вере отцов, второй же - его звали Бу Наджим - сумел ответить на все вопросы, возникшие в новообращенном.

Став исмаилитом, Хасан ибн Саббах одновременно с головой окунулся в политическую жизнь. Около десяти лет он провел в Фатимидском Египте, где принял самое активное участие в борьбе нескольких претендентов на освободившийся султанский престол. Здесь же, похоже, созрел у него план: вернувшись на родину в Персию (тогда - часть державы турков-сельджуков), создать независимое государство (перед глазами пример

Египта, сумевшего освободиться из-под власти сельджуков). Причем идеологической основой его действий должен был стать новый, реформированный ибн Саббахом исмаилизм.

От прежнего, фатимидского исмаилизма, в новое учение пришла лишь концепция об имамах. Что же до философской системы, учения об эманациях, пророческое учение и прочее - от всего этого Хасан ибн Саббах отказался. Зато существенно развил и расширил принципы внутренней дисциплины и беспрекословного подчинения (вплоть до самопожертвования) рядовых бойцов фидайунов-мюридов лично ему; кроме того, новыми яркими красками расцветил он принципы небесного воздаяния за гибель фидайуна в бою. Политическую цель нового исмаилизма Хасан ибн Саббах сформулировал четко и кратко: «Перевернуть Персию вверх дном».

И это ему удалось. Истинной причиной роста популярности нового движения в Персии, была неудовлетворенность широких слоев населения экономическим и общественным положением. Не зря основой могущества Хасана стали выходцы из беднейших слоев населения. По сути, исмаилизм представлял собой революционное движение, завернутое в мистическую упаковку. Сам вождь был суровым аскетом. Такой же образ он установил для всех без исключения своих последователей.

Хасан ибн Саббах вербовал людей в свою секту до тех пор, пока их число не выросло настолько, что они в 1090 году смогли захватить крепость Аламут, находившуюся на склонах Эльбруса. С тех пор его и его преемников титуловали «Старец» (хотя ему было совсем немногочисленно лет) или «Владыка Горы».

Крепость эта с виду казалась совершенно неприступной, она как бы выростала из крутого склона горы, а к воротам вела лишь узенькая крутая тропинка. Спустя относительно короткое время, Персия превратилась в исмаилитское государство, с которым ничего не могли поделать прежние хозяева страны - сельджуки. Мало того: Хасан ибн Саббах начал активно опрашивать своих подданных в Сирию, которая вскоре превратилась во второй по значению центр исмаилитов. При преемнике Хасана - Кийе Бузут Умиде - влияние новой силы стало еще значительнее.

Число степеней, на которые исмаилиты разделялись в Каире, Хасан уменьшил до семи и сам стал во главе секты под титулом Сидна. Последователи его назывались «даи». Они делились, в свою очередь, на две категории - на «самопожертвователей» и «искателей». Первая категория отдавала жизнь, когда это заблагорассудится Владыке Горы, защищая его или выполняя смертные приговоры. Когда Хасан указывал жертву, фанатики в белой тунике с красным поясом (цвета невинности и крови) отправлялись исполнять данное им поручение. Никакие расстояния или опасности не могли их остановить. Найдя человека, которого они искали, они ждали благоприятной минуты, чтобы убить его.

Конрад Монфератский, поссорившись с Владыкой Горы, стал одной из первых жертв этой секты. Два ассасина допустили себя крестить, и, попав в свиту герцога, усиленно выполняли христианские обряды. Когда же представился случай, они убили Конрада, при этом один из них укрылся в церкви (силой преступника из церкви взять было невозможно).

Когда же раненого Конрада пронесли мимо этой церкви, ассасин выскочил оттуда и нанес второй удар, после чего был схвачен и умер под пытками.

Каким же образом достигалась подобная преданность? Когда главарям секты был нужен человек для подобного предприятия, они прибегали к следующей стратегии. В персидской провинции Сигистан была знаменитая долина Мулеба, в которой находился дворец Владыки Горы. Эта долина была защищена высокими горами с отвесными утесами, а все подступы к ней охранялись неприступными крепостями. В долине цвели роскошные сады, среди которых находились великолепные павильоны, обставленные самой изысканной мебелью.

Сектанта сначала одурманивали с помощью гашиша, а затем бесчувственного отвозили в долину. Там ему предоставляли возможность бродить, где захочется, и наслаждаться пищей, наркотиками и вином, а также прекрасными женщинами. При этом человек уверяли, что он попал в Рай. Через сравнительно небольшое время его вновь одурманивали, и из Сигистана отвозили обратно в Аламут, где его вызвал Владыка Горы и говорил, что дал ему лишь немного вкусить от прелестей рая, но если он исполнит послание, то сможет наслаждаться этим вечно. Темные, неграмотные крестьяне были после этого готовы идти на любое преступление.

Крестоносцы поддерживали с ассасинами тесные контакты, и нередко монархи Европы пользовались их услугами для своих политических целей. Племянник Барбароссы, Фридрих II, был отлучен от церкви папой Иннокентием II за то, что подучил ассасинов убить герцога Баварского.

В 1256-м году монголы сумели взять Аламут штурмом, и на этом видная история ассасинов закончилась. В настоящее время ее потомками считается мусульманская секта низари исмаили. Эта секта - во всяком случае, по видимости - ничего общего не имеет с некогда всемогущим религиозным движением. Казалось бы, исмаилизм средневековый, породивший чудовищных ассасинов, исмаилизм Владыки Горы остался в прошлом, став не более, чем экзотической и кровавой страницей истории взаимоотношений между Востоком и Западом.

Увы, это не совсем так. Если бы исмаилизм был для наших дней всего лишь прошлым, возможно, не было бы никакого смысла рассказывать о нем, его зарождении и характере так подробно. Но все дело в том, что многие уверены в том, что исмаилизм старый - активный и опасный - никуда не исчез с разрушением Аламута и гибелью последнего официального Владыки Горы.

Внимательно рассматривая историю исмаилитов, нельзя не заметить поразительного сходства отдельных ее черт с некоторыми современными событиями. Например, исламская революция в Иране - и такая же исмаилитская, случившаяся около девяти веков назад.

Именно исмаилиты создали то, что сегодня принято на вооружение всеми экстремистскими организациями исламского мира - от ХАМАСА до «Мусульманских братьев»: они придали терроризму характер религиозного самопожертвования и духовного акта священной войны с неверными.

А еще интереснее вот что: исламский террор немыслим без центральной

фигуры. Это не социал-революционный террор недавнего прошлого, в нем не может быть нескольких независимых лидеров. Исламский террор может существовать лишь как строгая пирамида с одним-единственным лидером - по сути, абсолютным монархом - во главе. Кто он?

И если уж мировое сообщество решило объявить войну терроризму, так не стоит ли все-таки узнать: кто же стоит во главе этой чудовищной пирамиды?

2. ТЕРРОР СЕГОДНЯ

2.1. Терроризм в современном обществе

В течение последнего десятилетия термин «международный терроризм» стал привычным на страницах средств массовой информации в различных странах мира. Этот вид преступления вырос до уровня явления, угрожающего безопасности любого государства. Различного рода экстремистские организации и группировки, обзаведясь транснациональными связями и найдя иностранных покровителей, выходят на международный уровень, попирая нормы международного права и игнорируя международные границы. При этом они нередко провоцируют социальные и военные конфликты, наносят ущерб межгосударственным отношениям, а также «шагают в ногу» с организованными преступными сообществами, действующими в сфере незаконного оборота наркотиков, оружия, похищения людей.

Терроризм - явление многоплановое: сюда входят политические, правовые, психологические, философские, исторические, технологические и иные аспекты жизни современного общества. Не случайно мировому сообществу так и не удалось выработать общее-приемлемое юридическое определение терроризма, хотя сущностное наполнение этого феномена для всех понятно.

Под терроризмом понимаются планомерно подготовленные, вызывающие шок нелегальные насильственные действия, преследующие цель посеять ужас и неуверенность, а наряду с этим вызвать готовность помогать террористам.

Объективно причин качественного роста возможностей международных террористов много. Главные из них - наличие транснациональной преступности (в первую очередь наркокартелей), а также, как это ни парадоксально, - развитие науки и техники, породившее новые образцы оружия и новые виды терроризма (ядерный, химический, биологический).

Террористические группы слишком слабы, чтобы открыто выступать против правительства или режима, поэтому они действуют тайно. Однако связанная с этим постоянная необходимость держать все в тайне на практике проявляется как препятствие для их далеко идущих планов осуществления политического переворота. Скрытность действий ограничивает размер террористических групп и заставляет их искать международные контакты. Идеологически близкие террористические организации предпринимают попытки согласовывать свою деятельность на международном уровне, чтобы сделать наиболее оптимальным эффект проводимых операций.

Современная мировая структура террора формировалась не одно десятилетие. В 70-е годы XX-века Италия вздрагивала от террористических

актов, совершаемых организацией «Красные бригады». Взрывы, поджоги, убийства, угон самолетов, похищения богатых людей стали для итальянцев повседневным явлением. До сих пор на протяжении нескольких столетий север Великобритании лихорадит противостояние между протестантами и католиками. Религиозная война активно ведется хорошо законспирированной террористической организацией «ИРА».

Формы и методы всех террористических мировых организаций идентичны: зона оперативной ответственности ирландских боевиков покрывает всю территорию государства, а их международные связи простираются во все звенья международного террора.

Террористическая организация басков «ЭТА» держит в напряжении Испанию. Даже Страна восходящего солнца сегодня страдает этим страшным недугом и имеет на своей территории ряд организаций деструктивной направленности, таких как: «Японская красная армия», «Якудза».

Но гигантского размаха и огромной разрушающей силы достигли многочисленные и хорошо организованные вооруженные исламские террористические организации. За последнее десятилетие исламскими экстремистами была создана мировая модель управляемого терроризма с разветвленной банковской инфраструктурой, глобальный сообщающийся финансовый сосуд состоит примерно из 250 исламских банков, сотен крупных промышленных корпораций и компаний, разбросанных по планете.

Исламская мировая банковская паутина покрыла своими сетями Малай-

зию, Ливию, Сирию, Саудовскую Аравию, США, Филиппины, Индонезию, Великобританию, Северную Африку, Пакистан, Иран, Ирак, Турцию, страны СНГ и Россию. Террористы контролируют не только единую исламскую банковскую империю, но и огромные мировые информационные и разведывательные структуры и ресурсы.

А так как мы являемся гражданами Российской Федерации, то будет логично рассмотреть факты международного террора на территории нашей страны.

2.2. Десятилетняя хроника черного террора

28.07.94 г. Аэропорт Минеральные Воды - четыре чеченских террориста захватили в Пятигорске рейсовый автобус с 41 пассажиром, из них 10 детей. Ночью предпринят штурм предоставленного террористам вертолета. Погибло 5 заложников.

14.06.95 г. В Буденновске бандой Басаева захвачена больница. Погибли 129 мирных жителей, 415 получили ранения, 18 позднее скончались. 09.01.96 г. В Кизляре бандой Радиева захвачена больница. Число заложников - около 2000 человек, затем - 160. Бандиты должны были оставить заложников у с. Первомайское на пути в Чечню, но не сделали этого.

16.01.96 г. В акватории Черного моря группа турецких и чеченских террористов захватила пассажирский паром «Аврасия». После переговоров сдались турецким властям.

11.06.96 г. Взрыв в вагоне московского метро на перегоне между станциями «Тульская» и «Нагатинская». Погибли 4 человека, 16 ранены. 11.07.96 Взрыв троллейбуса недалеко от столичного кинотеатра «Россия» - 5 раненых.

04.09.99 г. В Буйнакске взорван пятиэтажный жилой дом, в котором жили семьи офицеров 136-й бригады МО. Погибли 64 человека, из них 23 ребенка. 146 человек ранены.

09.09.99 г. В Москве на улице Гурьянова взорван девятиэтажный жилой дом. 109 человек погибли, более 200 получили ранения.

13.09.99 г. В Москве на Каширском шоссе взорван восьмиэтажный жилой дом. Погибли 124 человека, в том числе 13 детей.

16.09.99 г. В Волгодонске Ростовской области взорван жилой девятиэтажный дом. 18 человек погибли. Общее число пострадавших составило 310 человек.

09.07.00 г. Взрыв на центральном рынке Владикавказа. Погибли 6 человек, 18 ранены.

08.08.00 г. Взрыв в Москве в подземном переходе под Пушкинской площадью. Погибли 13 человек. 118, в том числе шестеро детей, получили ранения различной степени тяжести.

06.10.00 г. Взрыв на Казачьем рынке г. Невинномысска. Погибли 4 человека, более 100 ранены.

08.12.00 г. Взрыв в Пятигорске на рынке на ул. Мира. Пострадали 25 человек.

05.02.01 г. Взрыв в Москве на станции метро «Белорусская». Ранения получили около 10 человек.

24.03.01 г. В городах Минводы, Ессентуки и в Карачаево-Черкесии совершены три теракта, жертвами которых стали 28 человек. Около 200 человек были ранены.

10.11.01 г. Взрыв на рынке во Владикавказе. Погибли 5 человек, 44 ранены.

18.04.02 г. Взрыв на рынке во Владикавказе. Погибли 8 человек, более 40 ранены.

09.05.02 г. В Каспийске взорван фугас. Погибли 42 человека.

10.10.02 г. Взрыв в Грозном в здании Заводского РОВД. Погибли 25 человек.

19.10.02 г. Взрыв в Москве на ул. Покрышкина. Погиб 17-летний студент, 8 человек получили ранения.

23.10.02 г. Захват 700 заложников в Театральном центре на Дубровке. В ходе операции по освобождению погибли 129 человек.

27.12.02 г. Взрыв напротив дома правительства в г. Грозном. Погибли 72 человека.

2.05.03 г. Взрыв в с. Знаменское Надтеречного района Чечни. Погибли 60 человек, более 200 ранены.

14.05.03 г. Взрыв в Гудермесском районе Чечни. Погибли 18 человек, 46 ранены.

05.06.03 г. Взорван автобус с вертолетчиками и техническим персоналом авиабазы в Моздоке. Погибли 16 человек, 15 получили ранения.

05.07.03 г. Взрыв на аэродроме в Тушино. Погибли 16 человек, 57 получили ранения.

10.07.03 г. В Москве на 1-й Тверской-Ямской погиб взрывотехник ФСБ, пытавшийся разминировать снятый с чеченки пояс шахида.

01.08.03 г. Взрыв в Моздоке на территории госпиталя. Погибли 50 человек, более 60 ранено.

25.08.03 г. Взрывы на автобусных остановках в Краснодаре. Погибли 4 человека, более 20 ранены.

03.09.03 г. Взрыв в электричке Кисловодск-Минеральные Воды.

Погибли 7 пассажиров, 92 ранены.

15.09.03 г. Взорвано здание УФСБ Ингушетии. Погибли 2 человека, 29 получили ранения.

05.12.03 г. Взрыв в поезде Кисловодск-Минводы. Погибли 44 человека, 156 ранены, в том числе 62 ребенка.

09.12.03 г. Взрыв у гостиницы «Националь» в Москве. 6 человек погибли, 13 получили ранения.

06.02.04 г. Взрыв в Москве на ст. метро «Автозаводская». 40 человек погибли, более 100 ранены.

09.05.04 г. Взрыв на стадионе г. Грозный. Погибли 6 человек, более 40 ранены.

24.08.04 г. В Москве на Каширском шоссе взорвана автобусная остановка, пострадали 4 человека.

24.08.04 г. Взорваны два пассажирских самолета, вылетевших из аэропорта Домодедово. Погибли 89 человек.

31.08.04 г. Взрыв в Москве у ст. метро «Рижская». Погибли 11 человек, 50 получили ранения.

01.09.04 г. Группа террористов захватила здание школы в г. Беслан. В результате операции по освобождению погибли более 400 человек.

По форме и по содержанию эта операция напоминала войсковую. И не случайно, что группы специального назначения, предназначенные для ювелирной работы, оказались, по сути, в роли обычных войсковых частей и понесли самые большие потери за всю свою историю. Потери, впрочем, вполне понятные, если учесть необходимость разрываться между двумя взаимоисключающими задачами - спасением заложников и подавлением огневых точек террористов.

Террористы пришли, чтобы убить как можно больше людей. И они это сделали. Для диверсанта захват школы - самое логичное действие, - лучше только детский сад. Можно убить большое количество детей, находясь в полной безопасности - жертва не способна оказать сопротивление.

Архитектура операции в Беслане была прямо противоположна архитектуре терактов на «Норд-Осте» или ранее в Буденновске. Захватчики не уделяли никакого внимания «работе с прессой» и вообще донесению до мира своей «позиции». Можно, конечно, говорить о повысившемся профессионализме российских властей в работе с медиа, но если бы захватчики потребовали себе прямой эфир, угрожая расстрелом детей, то им бы этот эфир, скорее всего, предоставили, и необходимое количество журналистов к ним бы пропустили. Однако никто ничего не потребовал. Захватчики не оказывали на власть и общество никакого психологического давления. Напротив - демонстрировали полную негибкость, тупую жестокость, и, мало того, абсолютное отсутствие внятных «требований». Скорее всего, таковых просто не было. Зато с самого начала была подготовлена оборона, обеспечены условия для гарантированного уничтожения максимально большого числа людей.

В связи с этим дозволительно усомниться в случайном характере взрыва, приведшего к эскалации событий. Непричастность к нему российских спецслужб вполне очевидна - последующий совершенно неподготовленный и непродуманный характер штурма доказывает, что подобный исход был полной неожиданностью. А вот действия

захватчиков впечатления спонтанности не производят - они уничтожили сколько смогли заложников, пошли на прорыв, постарались скрыться. Можно предположить, что провокация развязки носила преднамеренный характер - достаточно ведь было бы одного человека, напрямую связанного с заказчиками теракта, чтобы осуществить провокацию, в результате которой погибли бы и террористы, и заложники.

Но не будем гадать, и достоверной информации вполне достаточно, чтобы сделать вывод: происшедшее не было актом «терроризма» в установившемся в последние десятилетия значении этого слова, это не было, в частности, актом «чеченского терроризма» в привычном уже смысле.

События в Беслане в очередной раз показывают, что трагедию можно и нужно было предотвратить с помощью даже не спецслужб, а обычных людей - местного населения, которые могли бы выявить террористов, зная приблизительный психологический портрет возможных террористов, а также проявляя бдительность и ответственность, особенно при организации массовых мероприятий.

2.3. Террористический акт

Какие же цели преследует развязанный на планете террор? Геополитические, военные, экономические, идеологические, религиозные или другие? Все террористические организации, как правило, имеют фундаментальное идеологическое прикрытие, это дает им возможность вербовать в свои ряды безвозмездно десятки тысяч сторонников и пополнить свои банковские счета за счет пожертвований. Так было и в Чечне.

Во время Первой чеченской войны (1994-1996) главные цели террористов были достигнуты. Они выиграли войну, добились вывода федеральных войск из Чечни. Хасавюртовские соглашения стали уступкой центральной власти, напуганной масштабными террористическими операциями чеченцев в Кизляре и Буденновске. В конце войны кавказский террор выходит на международную арену: в турецком порту Трабзон был захвачен российский паром «Аврасия». Террористы выдвинули требования о выводе войск из Чечни. Главная задача захватчиков заключалась в привлечении внимания мировой общественности к чеченской проблеме.

Именно эта цель станет лейтмотивом чеченского террора в период между первой и второй чеченскими войнами. Для ее достижения в качестве захвата стали использоваться известные журналисты и представители иностранных гуманитарных миссий.

Другое направление террора - постоянные взрывы, из которых самые крупные прогремели в Минеральных Водах, Армавире, Москве.

Взрывы домов на улице Гурьянова и на Каширке, взрыв на Пушкинской, захват «Норд-Оста». Терракты последних дней: взрыв на Рижской, захват школы в Беслане, гибнут женщины и дети.

Кавказский террор, находясь в русле нового периода развития, из оружия политической борьбы превращается в самоцель. Убийство ради убийства, террор как средство распространения страха - вот что сейчас представляет из себя чеченская война против России. Террор потерял политический смысл и оттого стал еще опаснее, еще беспощаднее.

Любой террористический акт делится на три стадии: подготовительную, организационную и техническую. Подготовительная стадия террористического акта характеризуется добыванием разведывательной информации. Террористы это делают как прямыми, так и косвенными методами. По времени подготовительная стадия может занимать 3-4 месяца. При более тщательной подготовке на это может уходить около 6 месяцев. Организационная стадия террористического акта характеризуется переходом от относительно пассивных способов (сбора информации) к более активным, которые заключаются в обработке цели. Террористы, собирая информацию, будут как бы «репетировать», например, проследить маршрут. Именно на этой стадии террористов легче обнаружить. Западные специалисты понимают под технической стадией этап исполнения террористического акта.

2.4. Психологический портрет террориста

Многочисленные исследования, проводимые зарубежными и отечественными специалистами, позволили составить общий психологический портрет личности террориста, с помощью которого можно выделить его основные характерные черты.

Это лица, трудно адаптирующиеся к общественным устоям и правилам, уверенные в собственном превосходстве над окружающими и испытывающие желание получить признание, славу. Террорист - всегда одиночка, даже если ему удалось в какой-то период создать активно действующую группу. У большинства террористов обнаруживают расстройства личнос-

ти с высоким уровнем косвенной агрессии.

Механизм реализации террористического акта, как правило, включает в себя аффектогенную мотивацию, психопатическую самоактуализацию и развивается по схемам:

1) утрата связей с обществом - оппозиция обществу - переживание общественного давления;

2) фрустрация - желание лидерства «вопреки» - месть обществу за отвержение.

Главная цель террориста - демонстрация собственной силы, а не нанесение реального ущерба. Наиболее громкие террористические акты отмечены, как правило, многочисленными жертвами, что создает страх перед террористом, служит компенсацией со стороны общества и питает его амбиции. Террорист не стремится к безымянности, он всегда охотно берет на себя ответственность за свои действия.

Личность террориста характеризуется сочетанием истерических и эксплозивных черт, высоким уровнем невротизма и фрустрированностью, приводящей к прорыву барьера социальной адаптации, выраженной диссоциальностью; далеко не всегда террористы обнаруживают физическую агрессию (более характерную для лиц, совершающих преступления против личности, как-то: убийства, изнасилования).

В детском и подростковом возрасте будущие террористы обнаруживали высокий уровень притязаний, завышенную самооценку, отличались склонностью к фантазированию, занимали выраженную внешнеобвиняющую позицию, требовали к себе повышенного

внимания педагогов. Уровень их школьной успеваемости не отличался от среднего, у них часто обнаруживали избирательную склонность к одному-двум школьным предметам. Как правило, они были отверженными среди сверстников, нередко имели явные или скрытые физические дефекты. Жестокости в их поведении не отмечалось, однако часто они совершали акты вандализма.

2.5. Мировое противостояние терроризму

Мировая общественность старается противостоять международному терроризму. Современная система многостороннего сотрудничества в борьбе с терроризмом сложилась в основном за последние четыре десятилетия. В глобальном измерении она осуществляется под эгидой Организации Объединенных Наций (ООН) и ее специальных учреждений на основе двенадцати универсальных конвенций и протоколов о борьбе с различными проявлениями терроризма на суше, на море и в воздухе. Это прежде всего Международная морская организация, Международная морская организация гражданской авиации, Международное агентство по атомной энергии.

Международное сообщество разработало основополагающие принципы сотрудничества в борьбе с терроризмом.

Отпор терроризму немыслим без претворения в жизнь принципа международного сотрудничества в борьбе с этим явлением и, прежде всего обеспечения неотвратимости наказания за содеянное преступление. В политическом и правовом планах именно ООН стала главным центром глобального противостояния терроризму. Различные ас-

пекты взаимодействия государств регулярно обсуждаются на Генеральной Ассамблее ООН и в ее органах, конгрессах ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Мощный импульс этой работе придало инициированное в 1999 г. Россией обсуждение противодействия терроризму, несущему угрозу миру и безопасности. Принятая по итогам Совета Безопасности ООН резолюция №1269 признана в качестве стратегической основы на антитеррористическом направлении.

Новым моментом в борьбе с терроризмом является выработка параметров конкретных совместных действий США, Великобритании, Франции, Германии, Японии, Канады, Италии и России. Разумеется, эти государства в силу их политического и экономического влияния обладают немалыми возможностями для искоренения террористической угрозы на нашей планете.

Создан и начал функционировать Антитеррористический центр государств-участников СНГ. Общее руководство его работой осуществляет Совет руководителей основ безопасности и специальных служб стран СНГ. Важнейшим инструментом реализации намеченных планов в борьбе с преступностью и терроризмом является создание Советов правоохранительных органов и специальных служб стран СНГ.

Сотрудничество в борьбе с терроризмом развивается и на двустороннем уровне. Ярким его примером является деятельность созданных по решению высших должностных лиц российско-американской и российско-индийской рабочих групп по противодействию

террористической угрозе, исходящей с территории Афганистана. На группах рассматриваются вызовы региональной и международной стабильности, возникающие в результате поддержки терроризма со стороны талибов, и выработываются конкретные меры в целях противодействия этой угрозе.

25 июля 1998 г. в нашей стране принят Федеральный закон «О борьбе с терроризмом», который создает прочную нормативно-правовую базу для активизации деятельности правоохранительных органов России в борьбе с терроризмом как внутри страны, так и на международном уровне.

Важное значение имеет постановление Правительства Российской Федерации от 6 ноября 1998 г., в соответствии с которым создана и начала работу Федеральная антитеррористическая комиссия в составе представителей руководства заинтересованных ведомств. Важно как можно скорее «запустить» в действие недавно принятые в этой области договорные акты, в том числе международные конвенции о борьбе с «бомбовым» терроризмом.

3. ЗАЛОЖНИК: ТАКТИКА ПОВЕДЕНИЯ И РЕАБИЛИТАЦИЯ

3.1. Особенности поведения заложников

Жертвы террористических актов, как правило, ни в чем не повинные мирные люди. Совершение террористического акта делает их товарищами по несчастью и обуславливает развитие довольно стереотипных реакций. Анализ поведения жертв террористических актов показал, что оно по многим параметрам сближается с пове-

дением жертв стихийных бедствий и техногенных катастроф.

По различным классификациям выделяются разные фазы поведенческих реакций. Фазу предвоздействия, когда испытываются чувства грозящей беды, беспокойство, ощущение угрозы. Эта фаза особенно актуальна, если террористические акты осуществляют систематически либо им предшествуют угрозы; нередко угроза игнорируется. Среди населения отмечаются единичные невротические расстройства с выработанным психогенным компонентом и паническим радикалом.

Фазу воздействия - непосредственно период действия разрушительного фактора; как правило, это минуты и часы, реже - дни. Доминирующей эмоцией в этот период является страх.

Героическая фаза, которая длится также несколько часов или дней, сопровождается подъемом, воодушевлением, всплеском альтруизма, желанием помочь пострадавшим спастись и выжить.

Фазу «медового месяца», которая сопровождается чувством гордости за то, что опасность преодолена, уверенностью в том, что в скором времени проблемы будут решены.

Фазу разочарования, которая длится до полутора лет, сопровождается чувством разочарования, гнева, негодования и горечи, крушением личных надежд.

Фазу восстановления, которая развивается через полтора-два года, сопровождается осознанием необходимости налаживать жизнь, брать на себя ответственность за решение настоящих проблем.

Знание психологического состояния жертв террористических актов и этапов восстановительного периода поможет найти оптимальный и верный путь оказания необходимой помощи жертве терроризма.

Личная безопасность зависит от поведения во время и после захвата, поэтому выбор правильной линии поведения требует определенных знаний. Захват заложников может происходить во время проведения массовых мероприятий (Норд-ост, Беслан), при следовании в транспорте (наземном, воздушном).

В момент захвата террористы действуют бесцеремонно, даже жестоко. Некоторых людей в подобном положении охватывает приступ клаустрофобии (боязнь замкнутого пространства). Необходимо стойко перенести все неудобства, помня, что ситуация эта временная.

Реальная, в подавляющем большинстве случаев единственная возможность вырваться из рук преступников бывает в начальной стадии захвата, в момент нападения (часть школьников в Беслане с учителем спаслись). Неожиданные для преступников и решительные действия способны привести к спасению. Но если безуспешность попыток освободиться очевидна, лучше не прибегать к крайним мерам, а действовать сообразно складывающимся обстоятельствам.

Заложник - это человек, находящийся во власти террористов. Став заложниками, люди меняются. Сначала почти у всех возникает шок и расщепление представления о том, что же случилось. Важный момент: здесь главное - не потеряться. Растерянности, конеч-

но, не избежать, но нельзя потерять разум. В этот момент у некоторых, ставших заложниками, как бы срывается с предохранителя пружина протеста против совершаемого насилия. Такой человек кидается бежать, даже когда это бессмысленно, бросается на террориста, борется, выхватывает у него оружие. Безрассудно взбунтовавшегося заложника террористы убивают. Их нервы давно перенапряжены подготовкой к захвату, страхом, сомнениями. Убивают безрассудного, даже если не хотели убийств и рассчитывали только попугать, пошантажировать захватом заложников.

После первого убийства все меняется. Преступность террористов возросла - они чувствуют себя обреченными и ожесточаются. И заложники, увидев реальную смерть - свою участь, подверглись сильнейшей психической травме. Ужас начинает рушить их психику.

С момента захвата необходимо контролировать свои действия и фиксировать все, что может способствовать освобождению. По возможности все эти сведения надо постараться передать тем, кто ведет переговоры с преступниками - информацией или запиской. Такого случая может не представиться, но в любом случае помните, что даже самая незначительная информация о месте содержания заложника может оказаться полезной для его освобождения, поимки и изобличения преступников.

Однако совершать подобные действия следует очень осторожно, так как в случае их обнаружения преступниками неизбежно последует суровое наказание. Надо запоминать все уви-

денное и услышанное за время пребывания в заточении - расположение окон, дверей, лестниц, не говоря уже о голосах, внешности и манерах самих преступников. Необходимо также наблюдать за их поведением, внимательно слушать разговоры, запоминать распределение ролей. Составлять в уме четкий психологический портрет каждого из них.

Человек становится жертвой с момента захвата и всегда испытывает сильное психическое потрясение (психологический шок). Реакция людей различна: одни оказываются буквально парализованными страхом, другие пытаются дать отпор. Поэтому жизненно важно быстро справиться со своими эмоциями, чтобы вести себя рационально, увеличивая шансы своего спасения.

3.2. Взаимоотношения террорист - заложник

В обращении с заложником преступники демонстрируют свое превосходство и власть, стремятся запугать и подавить волю своего пленника.

Заложник должен определить для себя позицию во взаимоотношениях с преступниками. Как свидетельствует практика, безвольное поведение, мольбы о пощаде, уступчивость и сговорчивость реальной пользы принести не могут. Преступники в любом случае действуют, исходя из своих планов и складывающихся обстоятельств. Поэтому внешняя готовность к контакту с преступниками и обсуждение интересующих их вопросов должны сочетаться с правилом: помогать не преступникам, а себе.

Реакция бандитов на очевидность факта неосуществимости их замыс-

ла, в сочетании с возбужденным психическим состоянием, в котором они, как правило, находятся, может оказаться роковой для заложника. К тому же террористы нередко находятся под воздействием наркотиков, в состоянии алкогольного опьянения.

Надо пытаться смягчить враждебность бандитов по отношению к себе, искать, если позволяют обстоятельства захвата, возможность установления индивидуальных контактов с некоторыми из них. Это необходимо хотя бы для того, чтобы избежать физических страданий или улучшить условия содержания. Но внешняя готовность найти общий язык с преступниками, участие в обсуждении волнующих их проблем не должны противоречить упомянутому главному принципу: помогать себе, а не бандитам.

Чтобы сломать заложника психологически, используют следующие меры давления:

- ограничивают подвижность, зрение, слух;
- держат связанным либо в наручниках, на цепи, с завязанными глазами;
- надолго лишают пищи и воды, сигарет, привычных лекарств;
- создают плохие условия пребывания.

Для слабых натур уже всего перечисленного более чем достаточно, чтобы выполнить любые требования террористов.

3.3. Правила самопсихокоррекции

Сохранение психологической устойчивости при длительном пребывании в заточении - одно из важнейших условий спасения заложника. Здесь хороши любые приемы и методы, от-

влекающие от неприятных ощущений и переживаний, позволяющие сохранить ясность мысли, адекватную оценку ситуации.

Основные правила:

- стараться, насколько возможно, соблюдать требования личной гигиены;
- делать доступные в данных условиях физические упражнения;
- напрягать и расслаблять поочередно все мышцы тела, если нельзя выполнять обычный гимнастический комплекс. Подобные упражнения желательно повторять не менее трех раз в день;
- практиковать аутотренинг и медитацию, которые помогают держать свою психику под контролем;
- вспоминать про себя любимые фильмы, прочитанные книги, стихи, песни;
- обдумывать различные отвлеченные проблемы: решать математические задачи, вспоминать иностранные слова;
- если есть возможность, читать все, что окажется под рукой, даже если текст совершенно не интересен. Можно также писать, несмотря на то, что написанное будет отбираться. Важен сам процесс, помогающий сохранить рассудок;
- следите за временем, тем более что похитители обычно отбирают часы, мобильные телефоны, отказываются говорить, какой сейчас день и час, изолируют от внешнего мира. Ведите календарь, отмечайте смену дня и ночи (по активности преступников, по звукам, по режиму питания);
- старайтесь относиться к происходящему с вами как бы со стороны,

не принимая случившееся близко к сердцу, до конца надейтесь на благополучный исход. Страх, депрессия и апатия - три ваших главных врага, и все они - внутри вас;

- не выбрасывайте вещи, которые могут вам пригодиться (лекарства, очки, карандаши, платки и пр.), старайтесь создать хотя бы минимальный запас питьевой воды и продовольствия на тот случай, если вас надолго изолируют или перестанут кормить.

В том случае, когда террористы сами отпускают на свободу заложника, они отвозят его в какое-то безлюдное место и там оставляют одного. Может случиться и так, что освободить вас будут спецподразделения. Если террористы пойдут на убийство, то всякие переговоры властей с ними теряют смысл. И тогда остается только штурм с применением оружия.

Когда преступники и заложники выходят наружу из убежища, им всем приказывают держать руки за головой. Не следует этим возмущаться, делать резкие движения. Пока не пройдет процедура опознания, меры предосторожности необходимы.

Если начался штурм или скоро начнется, попытайтесь прикрыть свое тело от пуль. Лучше всего лечь на пол подальше от окон и дверей, лицом вниз, не на прямой линии от оконных и дверных проемов. В момент штурма не берите в руки оружие преступников. Иначе бойцы штурмовой группы могут принять вас за преступника и выстрелить на поражение. Им некогда разбираться в это время.

Преступники во время штурма нередко стремятся спрятаться среди заложников. Старайтесь в меру своих

возможностей не позволять им этого делать, немедленно сообщайте о них ворвавшимся бойцам. В тех случаях, когда место содержания заложника и нахождение преступников установлено, спецслужбы стремятся использовать имеющиеся у них технические средства для подслушивания разговоров, ведущихся в помещении. Помните об этом, и в разговорах с бандитами сообщайте информацию, которая, будучи перехвачена, может быть использована для подготовки штурма. Особенно важны сведения о ярких и бросающихся приметах, по которым можно отличить заложника от преступника, о вооружении бандитов, об их количестве, моральном состоянии, намерениях и расположении внутри помещения.

3.4. Психологические аспекты реабилитации заложников

Что нужно и что не нужно делать родственникам и знакомым человека, ставшего свидетелем теракта?

В первую очередь нужно дать человеку выговориться. Не нужно его останавливать, даже если он снова и снова рассказывает свою историю по очереди всем членам семьи и знакомым.

Во время рассказа поощряйте выражение чувств. Можно задавать вопросы: «Тебе было страшно? Ты растерялся?»

Если женщина или ребенок начинают плакать - не останавливайте их, дайте выплакаться. При этом лучше обнять человека, дать ему физически почувствовать, что рядом с ним - близкие люди.

У человека, пережившего шок, часто случаются проблемы с дыханием: он говорит и плачет, как бы захлебываясь. Следите за его дыханием, и

если видите, что он задыхается - прямо говорите «Дыши, дыши!».

Мужчины в таких случаях часто выражают свою реакцию в виде гнева. Дайте человеку выплеснуть этот гнев, поощряйте его вопросами «Ты их ненавидишь?» и т.п. Пусть человек жестикулирует, топает, он может даже побить кулаками подушку - это полезно.

Что нельзя делать с человеком, пережившим такой шок:

Нельзя оставлять его одного, позволять ему долго молчать, замыкаться в себе.

Не нужно говорить: «Успокойся, замолчи, перестань плакать!». Даже если человек сразу же говорит «У меня все хорошо», это неправильно: невыраженная проблема просто уходит вглубь и потом проявится снова.

Не надо пытаться быстро переключить внимание пострадавшего на что-то другое. Человек должен отдавать себе отчет в том, что с ним действительно что-то случилось, должен выразить свою реакцию.

На данном этапе в Российской Федерации разработаны и эффективно внедряются ряд комплексных лечебно-реабилитационных программ, учитывающих: степень выраженности психических расстройств, длительность заболевания, сроки, прошедшие со времени психотравмы, преморбидные особенности личности, сопутствующую соматическую и неврологическую патологию, степень социальной и семейной дезадаптации, сопутствующую алкоголизацию.

Можно выделить несколько программ реабилитации.

Первая рассчитана на пациентов с отдельными симптомами посттравма-

тического стрессового расстройства и с минимальной дезадаптацией. В программе предусмотрены малые дозы транквилизаторов или растительные препараты седативного действия, адаптогены, витаминотерапия, физиотерапия по показаниям. Психокоррекционные мероприятия заключаются в обучении пациентов методикам прогрессивной релаксации, аутотренингу в индивидуальном и групповом вариантах.

Вторая предназначена для комбатантов с клинически выраженным посттравматическим расстройством и существенной дезадаптацией. В этом случае могут быть использованы более сильные транквилизаторы, как правило, в сочетании с трициклическими антидепрессантами седативного спектра (амитриптилин), иногда «малые» нейролептики. Часто транквилизаторы и антидепрессанты в первые дни пребывания назначаются внутривенно и внутримышечно. Психокоррекционные мероприятия подразумевают применение трансовых методов работы с травматическим опытом, элементы гештальттерапии, НЛП, дебрифинговые группы.

Третья программа выполняется в отношении пациентов с органическими непсихотическими расстройствами: ноотропы, сосудистые препараты, дегидратация, вегетостабилизаторы в сочетании с малыми дозами транквилизаторов и антидепрессантов, физиотерапевтическим воздействием, симптоматической терапией. Психотерапевтическая помощь носит симптоматический и поддерживающий характер (рациональная и когнитивная психотерапия). Практически выбор

программы коррелирует с разделением пациентов в зависимости от клинического варианта заболевания: невротический, патохарактерологический и неврозо- и психопатоподобный варианты ПТСР соответственно.

Четвертая программа предусмотрена для членов семей ветеранов. Большое внимание уделяется разъяснительной, психокоррекционной и поддерживающей психотерапевтической работе. Важную роль играет работа со всеми членами семьи комбатанта. При необходимости оказывается медикаментозная поддержка.

Пятая осуществляется для семей погибших: это работа с острым горем, жизненным кризисом, катастрофическими переживаниями. Эта программа предусматривает несколько этапов. В течение первой недели назначается медикаментозная терапия с парентеральным введением антидепрессантов и транквилизаторов, а также необходимое обследование. На второй неделе подключается интенсивная психотерапевтическая работа в индивидуальном режиме на фоне уменьшения дозировок психотропных препаратов. На следующей неделе оказывается поддерживающая медикаментозная и психотерапия (принятие решения жить, хотя и качественно иначе, выведение на уровень «грусти», «печали»). На четвертой неделе снижаются дозировки седативных препаратов, антидепрессантов, назначаются адаптогены, биостимуляторы. Продолжается психотерапевтическая перестройка дезадапtableных принципов и установок. Проводится экологическая проверка принятых решений.

Шестая программа предусматривает подготовку к работе в условиях боевых действий, повышение стрессоустойчивости, сплоченности, готовности к адекватным реакциям и действиям. Медикаментозные средства практически не назначаются. В группах отрабатываются основы и методики психологической само- и взаимопомощи на месте.

Таким образом, в XX веке тема международного терроризма приобрела особое звучание. Особенно ярко это проявилось в последнее десятилетие. События в Буденновске, Буйнакском, в Москве на Каширском шоссе, захват «Норд-Оста» и школы в Беслане являются прямым подтверждением этому.

Мировой терроризм вырос до уровня явления, угрожающего безопасности любого государства. Различного рода экстремистские организации и группировки, обзаведясь транснациональными связями и найдя иностранных покровителей, выходят на международный уровень, копируя нормы международного права и игнорируя международные границы. При этом они нередко провоцируют социальные и военные конфликты, наносят ущерб межгосударственным отношениям, а также «шагают в ногу» с организованными преступными сообществами, действующими в сфере незаконного оборота наркотиков, оружия, похищения людей.

Исламский террор начал формироваться еще в Средневековье, примером может послужить секта, а позднее могущественная организация, державшая в страхе всю средневековую Европу - организация исмаилитов.

Именно исмаилиты создали то, что сегодня принято на вооружение всеми экстремистскими организациями исламского мира - от ХАМАСА до «Мусульманских братьев»: они придали терроризму характер религиозного самопожертвования и духовного акта священной войны с неверными.

Отпор терроризму немислим без претворения в жизнь принципа международного сотрудничества в борьбе с этим явлением и, прежде всего обеспечения неотвратимости наказания за содеянное преступление.

Ведь завтра каждый из нас может оказаться заложником. Сумеет ли мы подавить страх? Сможем ли вести себя благоразумно, от нашего поведения зависит и наша собственная жизнь, и жизнь находящихся рядом людей. Обучение элементарным способам психологической саморегуляции и коррекции сегодня необходимо осуществлять не только военнослужащих, но и гражданских лиц в школах, в средних и высших учебных заведениях, фирмах, на производстве.

Литература

1. Колодзин Б. Посттравматический стресс. - М.: Шанс, 1992.
2. Тарабрина Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001.
3. Березин Ф. Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. - Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1988. - 270 с.
4. Виллюнас В. Психология эмоциональных явлений. М., 1976.
5. Военная психиатрия. Под ред. С. В. Литвинцева, В. К. Шамрея. - СПб.: ВмедА, ЭЛБИ-СПб., 2001.
6. Гиндикин В. Я., Гурьева В. А. Личностная патология. М.: «Триада-Х», 1999.
7. Литвинцев С. В., Снедков Е. В. Психиатрическая помощь военнослужащим в Афганистане (1979-1989 гг.): Учеб. Пособие. - СПб, 1997.

8. Антонян Ю. М. Насилие. Человек. Общество. - М., 2001.
9. Асмолов А. Г. Психология личности. - М., 1990.
10. Бодаев А. А. Психология общения. - М., 1996.
11. Божович Л. Н. Проблемы формирования личности. - М., 1995.
12. Барон Р., Ричардсон Д. Агрессия. - СПб., 1997.
13. Петровская Л. А. Компетентность в общении: Социально-психологический тренинг. - М., 1989.
14. Фромм Э. Анатомия человеческой дедуктивности. - М., 1998.
15. Федеральный закон «О борьбе с терроризмом» от 25 июля 1998 года.
16. Актуальные проблемы адаптации к военной службе и психологической реабилитации участников боевых и контртеррористических операций. Материалы научно-практической конференции. Н. Новгород, 2001 год.

К вопросу о криминальном поведении лиц, имеющих психические расстройства, исключаящие вменяемость

Т. Н. Волкова, А. В. Михайлова

Проблема взаимосвязи психических расстройств и общественно опасного поведения страдающих ими лиц издавна волнует человечество. В древних памятниках истории можно найти описание тяжких преступлений, совершенных людьми с нарушенной психикой. Так, в греческой мифологии описана ситуация, когда Гераклес «сошел с ума» и убил своих собственных детей и детей своего брата (Еврипид. Сказания о Гераклесе).

Представление о душевных болезнях и преступлениях как о божьей каре вызывало у населения суеверный страх перед психически больными. В средние века душевнобольные считались созданиями дьявола и одержимыми им. Овладевшие человеком силы ада инквизиция пыталась уничтожить, используя пытки и изощренные убийства. Исключение составляли страдающие священной болезнью — *morbus sacer* (эпилепсией).

В 17-м веке - эпоху просвещения, полагали, что сумасшествию способствует луна. Больных называли «lunatics» и помещали в тюрьмы вместе с преступниками, поскольку и тех и других считали опасными. В Германии в большинстве мест душевнобольным не выносили смертного приговора, но, чтобы оградить общество от таких больных, их брали под охранный арест, выдворяли из города, иногда топили.

Филипп Пинель (врач, основатель научной психиатрии во Франции, нача-

ло 19 века) «снял кандалы» с психически больных, вывел из тюрем и поместил в приюты, но с решетками и ключами, где обращение с душевнобольными скорее походило на пытки или дисциплинарные взыскания. Один из первых законов об обращении с «умалишенными» был принят более 150 лет назад во Франции при участии Жана Эскироля. Согласно этому закону душевнобольной приравнялся к страдающему физическим недугом и поэтому нуждался в уходе и защите. Подобные правила были утверждены в Англии в 18-м веке, в США - в первой половине 19-го века. Психиатрия была признана медицинской специальностью, стали строиться загородные больницы, где провозглашенный принцип гуманного отношения сосуществовал с тенденцией к достаточно жесткой изоляции психически больных.

Примерно с середины 20-го века эта точка зрения сменилась позицией ограничения применения изоляции в отношении душевнобольных, приоритетом реабилитации пациентов и организации внебольничного лечения.

На сегодняшний день лица, страдающие психическими расстройствами, входят в «группу риска» по вероятности совершения общественно опасных действий. Мы характеризуем их поведение как «криминальное» с большой долей условности, поскольку с точки зрения российского уголовного законодательства, совершенные ими де-

яния не являются преступными, а сами они - субъектами преступления.

Среди всех совершаемых противоправных действий на долю лиц с психическими расстройствами приходится менее одного процента, а на всех зарегистрированных официальной статистикой лиц, совершивших общественно опасные деяния и признанных невменяемыми, приходится менее двух процентов. Следует учесть, что значительное число дел об общественно опасных деяниях невменяемых не доходит до суда, поскольку они прекращаются еще на стадии предварительного расследования.

В целом по России состав невменяемых по нозологическим формам за последние годы оставался достаточно стабильным: 39,7% составили больные с психозами, 31,3% - с психическими расстройствами непсихотического уровня (заболевания, связанные с атрофическими процессами в головном мозге), 29,0% - лица с умственной отсталостью.

В научной литературе существуют противоречивые взгляды на опасность психически больных для общества, значение психопатологических феноменов и роль социальных факторов в формировании противоправного поведения душевнобольных, прежде всего, больных шизофренией, которые составляют более 39,7% лиц, признанных невменяемыми. В отдельных областях России (во Владимирской, Костромской, Рязанской областях) из числа невменяемых более 60% составляют больные шизофренией.

Риск больного, страдающего шизофренией, стать насильственным преступником примерно в девять раз

выше, чем для других групп заболевших. Данные о том, что у больных шизофренией риск совершения насильственных деяний и правонарушений выше, чем у здоровых, были подтверждены в работах Staedman et al., (1978), Sosowsky L. (1986).

По результатам выборочных исследований, среди совершенных невменяемыми деяний занимают: первое место - кражи, грабежи, разбои и другие хищения (44,5%); второе - убийства и причинение телесных повреждений (23,7); третье - хулиганство (15,1%); четвертое - сексуальные правонарушения (2,2%); пятое - все иные деяния, предусмотренные различными статьями УК РФ (14,5%).

Большинство общественно опасных деяний совершается невменяемыми в возрасте от 18 до 40 лет. Несовершеннолетние составляют 4%; лица в возрасте 41-50 лет - 16%, а свыше 50 лет - 9% к общему числу преступников, признанных невменяемыми. Рецидив общественно опасных действий у невменяемых составляет от 15% до 85% (в зависимости от вида преступления). Около 2/3 невменяемых при совершении общественно опасных деяний находились в состоянии алкогольного либо наркотического опьянения.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что значительное число общественно опасных деяний невменяемых совершено на почве семейно-бытовых отношений: в 90% случаев потерпевшими бывают дети, супруги, другие родственники, соседи, знакомые и т. п.

Как отмечалось ранее, среди преступлений, совершенных психически больными, доля насильственных дей-

твий значительно превышает показатель насильственной преступности в общей массе уголовно наказуемых деяний обычных преступников. У 644 больных шизофренией наблюдали насильственную криминальность в 3,9 раза чаще, чем среди населения. Из числа осужденных за убийство больные шизофренией составили: в Исландии 15%, в Северной Швеции и Стокгольме - 8%, в Калифорнии - 10%, в Англии и Уэльсе - 10%.

В России доля убийств, совершенных невменяемыми, достигает 5-10%. По данным отдельных исследований, мужчины, больные шизофренией, в три раза (по другим данным, - в 6,5 раз) чаще осуждались за насильственные действия, чем в контрольной группе. При этом риск агрессивных действий у больных шизофренией мужчин не снижается с возрастом. Доля женщин, больных шизофренией и совершивших насильственные правонарушения, в среднем выше, чем в популяции правонарушителей. Например, среди всех лиц, совершивших убийства в Дании в течение 25 лет, было зарегистрировано 44% - женщин и 20% - мужчин, больных шизофренией, в Западной Германии - 8% и 6% соответственно.

Изучая возрастные особенности противоправного поведения, ряд ученых пришли к выводу, что невменяемые больные подросткового и юношеского возраста чаще всего совершают корыстные, корыстно-насильственные, сексуальные преступления и посягательства на общественный порядок. В возрасте от 20 до 50 лет усиление асоциальной активности наблюдалось у больных шизофренией с длительными латентными состояниями, интеллектуальной и соци-

альной деградацией личности при непсихотических процессуально обусловленных нарушениях, при манифестации психоза. Данные лица, признанные невменяемыми, в основном совершали корыстные, корыстно-насильственные общественно опасные деяния.

Старение населения и рост числа психически больных пожилого возраста привели к увеличению общественно опасных действий, совершенных психически больными старше 50 лет. Ю. М. Антонян указывает на влияние слабоумия, развивающегося в возрасте 65-85 лет, на совершение ряда преступлений лицами пожилого и старческого возраста. «Старческие психические аномалии, - отмечает он, - в том числе слабоумие, чаще фиксируются в развитых странах. Но это не значит, что их меньше в развивающихся, просто они там хуже диагностируются».

Среди уголовно наказуемых деяний, совершенных стариками, отмечен высокий удельный вес особо опасных преступлений против жизни и здоровья, но более низкий уровень имущественных преступлений.

Психическая болезнь сама по себе не является непосредственной причиной совершения преступлений. Скорее, это условие, на фоне которого негативно влияющая на больного действительность, преломляясь через деформированное психическим расстройством сознание, находит отражение в его общественно опасном реагировании на данное воздействие. Опасность психически больного, риск совершения им общественно опасных действий - обычно временное состояние, при котором психопатологические изменения личности обуславливают неадекватное

ситуации поведение, в результате чего может быть нанесен ущерб окружающим, обществу и самому больному.

Выделено три основные составляющие социальной опасности рассматриваемой категории лиц: прежде всего, это актуальное психопатологическое состояние (синдром), имеющийся в данный момент у данного больного; это - реальная (или мнимая, болезненно трактруемая больным) ситуация; третья составляющая - личностные особенности, установки (в первую очередь, правовые) субъекта. Впервые эту триаду предложили Морозов Г. В. и Шостакович Б. В. В последующем Кондратьев Ф. В. описал ее как концепцию «синдром - личность - ситуация».

При анализе соотношения структуры правонарушений с типами и формами течения болезни было отмечено преобладание насильственных действий, направленных против личности, при злокачественных формах; при среднепрогредиентном течении был высок удельный вес агрессивных и хулиганских действий; при вялотекущих формах велико число имущественных преступлений. При шубообразном течении болезни не было обнаружено преобладания какого-либо типа общественно опасных действий.

Кербиков О. В. (1949), Харитонова Н. К. (1979) указывали на наибольшую криминальную опасность начальной стадии болезненного процесса, Холодковская Е. М. и Торубаров С. В. (1964), Молохов А. Н. (1967) - на отдаленные этапы болезни с кататонической симптоматикой, выраженными изменениями личности, Рыбальский М. И. (1989) считал, что больные шизофренией могут совершать общественно

но опасные действия и в дебюте, и в состоянии аффекта, и при обострении процесса. При изучении вопросов прогнозирования общественной опасности лиц с психическими расстройствами, необходимо отметить значение не столько собственно психиатрического диагноза, сколько структуры психопатологического расстройства. Еще Ковалевский П. И. писал, что «помешанный под влиянием своих иллюзий, галлюцинаций и безумных представлений или в результате раздражения может совершить всевозможные преступления».

Больные шизофренией наиболее социально опасны при усложнении синдромов появлением тревоги, растерянности, страха, при сочетании идей преследования и отравления с аффективными нарушениями, императивными галлюцинациями. Правонарушитель существует в мире своих болезненных переживаний, они для него абсолютная реальность. Под влиянием постоянного ощущения угрозы своему существованию, исходящей от мнимых врагов, преследователей, больной начинает бороться с ними, мстить им или защищается от них. Содержание паранойяльного бреда определяет вероятность агрессивного поведения: больные могут отстаивать свои убеждения («паранойя борьбы»), стремиться расправиться с мнимыми «врагами», соперниками, или заниматься сутяжничеством.

Эти больные, чаще всего, совершают преступления против личности, осуществляют незаконное врачевание, мошенничество, кражи, растраты. Значительной криминогенностью обладает поведение таких больных при галлюцинациях эротического и императивного содержания, при котором около 43%

больных подчиняются приказам голов и совершают преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности.

Больные с бредовыми идеями преследования, бредом воздействия, бредом особого значения, императивными и комментирующими галлюцинациями чаще совершали преступления против жизни и здоровья (более чем в 60%), реже противоправные действия против собственности (около 25%), в меньшей степени хулиганские действия (от 3% до 10%).

Числов А. В. отмечал, что около половины впервые совершенных опасных действий составляли убийства, тяжкие телесные повреждения, сексуальные правонарушения. В общей массе криминальных посягательств, совершенных больными шизофренией, отмечается высокий удельный вес повторных преступлений. При совершении рецидивных асоциальных деяний, среди больных реже встречались острые психопатологические состояния, а большее значение имела хроническая галлюцинаторно-бредовая симптоматика, изменения личности по шизофреническому типу и особенно благоприятные варианты течения непрерывной шизофрении с психопатоподобной симптоматикой.

В целом, при анализе структуры рецидивных криминальных посягательств, совершенных больными шизофренией в динамике, наблюдается тенденция изменения характера общественно опасных деяний от тяжких к наименее тяжким, что нехарактерно для обычного легального многократного рецидива в целом (как известно, при многократном рецидиве у мужчин констатируется усиление тяжести со-

деянного, у женщин - сохранение уголовно-правовых и криминологических характеристик первого совершенного преступления).

Семья играет главенствующую роль в становлении и формировании личности в детстве и остается важным фактором в подростковом и юношеском возрасте, когда закладываются и развиваются основные нравственные свойства личности, система его установок и отношение к реальной действительности. На поведении психически больного в период болезни, в той или иной степени зависимости от характера, остроты и других проявлений заболевания, сказываются личностные установки, сложившиеся в преморбиде.

Лица, совершившие общественно опасные деяния, чаще всего росли вне родительской семьи (у родственников, в детских домах, интернатах), в неполных семьях, нередко воспитывались душевнобольными родителями. Материально-бытовые трудности в семье обычно сочетаются с конфликтными взаимоотношениями между родителями, их пьянством, противоправным поведением, паразитизмом и иными формами проявления маргинальности. Конечно же, и собственный криминальный опыт, и пребывание в асоциальных группах и местах заключения также влияет на формирование нравственных и правовых установок и ценностных ориентаций больного, увеличивает риск совершения им новых преступлений.

Отмечено, что уровень социальной адаптации больных, совершивших преступления, ниже, чем у лиц здоровых и без асоциальных тенденций. Среди больных, совершивших общественно-опасные деяния, чаще встре-

чались лица с начальным, незаконченным средним образованием, занятые неквалифицированным трудом. Более половины больных из числа совершивших преступления не могли создать собственных семей, продолжали жить совместно с родителями. В этих случаях характер сложившихся взаимоотношений в семье, наряду с клиническими проявлениями патологического процесса в психической деятельности, в наибольшей степени влиял на поведение данных лиц.

Необходимо отметить важность позитивных социальных контактов с близкими в предотвращении агрессивного поведения больного, особенно при ухудшении его психического состояния. Непонимание родственниками его самочувствия и переживаний, искаженных в значительной степени болезнью, отношение к его поведению как к капризу и проявлению эгоизма, дискредитация личности больного, отношение к нему как к человеку второго сорта нередко провоцируют его общественно опасное поведение.

О склонности к насильственным действиям больных с низким образовательным уровнем, находящихся в материальной зависимости от семьи, говорили Положая З. Б. (1999), Estroff S. E., Zimmer C., Lachicotte W. S., Benoit S. (1994), Stueve A. (1997).

Как уже говорилось, у больных шизофренией, совершивших преступления, агрессия в первую очередь направлена на лиц из ближайшего окружения. Психотравмирующие факторы способствуют формированию аффективно-агрессивных тенденций. О возможности психогенной «кристаллизации» бреда у больных шизофренией

с направленностью агрессивных намерений в отношении лиц, от которых исходит травмирующее воздействие, писала Табакова Л. И.

Ильинский Ю. А. констатировал, что под влиянием психогении у больных шизофренией отмечается тенденция к развитию параноидных расстройств, что повышает их общественную опасность. В работах, посвященных изучению роли негативных расстройств в формировании механизма общественно опасных действий психически больных, отмечено значение таких нарушений, как притупление и утрата высших эмоций, морально-этическое огрубение, расторможенность низших влечений и т. п.

Отмечено, что свыше половины больных шизофренией в момент совершения повторных преступлений находились в состоянии алкогольного опьянения. Указывая на факторы риска опасного поведения при шизофрении, на первое место необходимо поставить сочетание психоза и употребления психоактивных веществ; затем наибольшую общественную опасность представляет поведение больных шизофренией, осложненной черепно-мозговой травмой. Преступность данных лиц отличается склонностью к рецидиву, преобладанием психопатологической мотивации. Изучение роли алкоголя в механизме совершения насильственных посягательств приводит к выводу, что его употребление значительно активизирует психически больных и провоцирует их на применение насилия, хотя корни агрессивности, как полагают специалисты, таятся все-таки в самой структуре личности, а не в нарушенной болезнью психике.

Анализируя факторы риска за последние десять лет, необходимо отметить, что для больных шизофренией наибольшее значение имели тяжелые материальные условия (65,3%) и социальная незащищенность (60,4%). Меньшее влияние оказывало проживание в неблагоприятном микросоциуме (конфликты в семье - 32,7%, асоциальное окружение - 29,7%). На третьем месте стояли потеря работы (19,8%) или возможности работать в индивидуальных условиях (16,8%). Насилие над собой и наличие криминального опыта отмечались у 9% шизофреников, совершивших общественно опасные действия.

В сравнении с данными 1994 года, в настоящее время у больных шизофренией возросло влияние таких факторов, как материальная необеспеченность (40,2%-65,3%), конфликты в семье (25,8%-32,7%). По данным статистических обзоров, в 90-х гг. на фоне роста преступности в целом по стране возросло и число больных шизофренией, совершивших общественно опасные деяния.

Таким образом, преступность лиц, имеющих психические расстройства, исключая вменяемость, обладает определенными, достаточно устойчивыми криминологическими характеристиками, а личность и механизм совершаемых ими деяний обусловлены специфическими, свойственными заболеванию, криминогенными чертами и особенностями. И хотя доля лиц, страдающих психическими расстройствами, невелика среди всех выявляемых преступников, социальная опасность их весьма значительна: она обусловлена непредсказуемостью их обще-

ственно опасного поведения, тяжестью и повторностью совершаемых антиобщественных деяний.

Соответственно, и предупреждение их криминальных действий требует не однозначных, комплексных подходов, тесного взаимодействия деятельности медицинской службы, правоохранительных органов, социальных учреждений. Несомненно, большая часть из подходов к профилактике общественно опасных деяний психически больных совпадает с задачами предупреждения правонарушений в обществе.

Вместе с тем, их преступность обладает определенными, достаточно устойчивыми криминологическими характеристиками, а личность и механизм совершения преступления обусловлены специфическими, свойственными заболеванию, криминогенными чертами и особенностями.

Литература:

1. Недопил Н. Опасны ли психически больные. Миф и реальность // Рос. психiatr. журн. - 2001. № 3. - С. 3-10.
2. Lenkner Th. Strafe, Schuld und Schuldfahigkeit: Handbuch der forensichen Psychiatrie // Berlin: Springer. - 1972. - S. 117-136.
3. Curran W. J., Harding T. W. The law and mental health: harmonizing objectives // Intern. Dig. Hlth. Leg. - 1977. - Vol. 28. - № 4. - P. 725-885.
4. Кондратьев Ф. В. Аспекты проблемы общественной опасности лиц с психическими расстройствами. // Российский психиатрический журнал. - 2006. № 3. - С. 64-69.
5. Основные показатели деятельности судебно-психиатрической экспертной службы Российской Федерации в 2005 г. Аналитический обзор. // Под ред. Дмитриева Т. Б. М. 2006 г.
6. Дмитриева Т. Б., Дроздов А. З., Коган Б. М. Периферические показатели метаболизма серотонина при психических расстройствах. // Российский психиатрический журнал. - 2000. № 4. - С. 52-56.
7. Nedopil N. Die Bedeutung von Persönlichkeitsstomngen fur die Prognosc kiinftiger Delinquenz. MonatsschriftfurKriminologieundStrafrechtsrefonn. - 1997. - 80. - P. 79-92.

8. Sosowsky L. Crime and the Mentally Ill // *Am J Psychiatry*. - 1986. - 143. - P. 276-277.
9. Основные показатели деятельности судебно-психиатрической экспертной службы Российской Федерации в 2005 г. Аналитический обзор. // Под ред. Дмитриева Т. Б. М. 2006 г.
10. Lindqvist P. and Allebeck P. Schizophrenia and crime: A longitudinal follow-up of 644 schizophrenics in Stockholm // *Br. J. Psychiatry*. - 1990. - 157/Sept. - P. 345-350.
11. Petursson H., Gudjonsson G. H. Psychiatric aspects of homicide // *Acta Psychiatrica Scandinavica*. - 1981. - Vol. 64. - P. 363-372.
12. Lindqvist P. Violence Against a Person. The role of Mental Disorder and Abuse // *Umayer University Medical Dissertations New Series No. 254*. Umea. Sweden:Umayer University. - 1999.
13. Wilcox D. E. The relationship of mental illness to Homicide // *American Journal of Forensic Psychiatry*. - 2000. - Vol. 6. - P. 3-15.
14. Taylor P. J., Gunn J. Homicides by people with mental illness: myth and reality // *British Journal of Psychiatry*. - 1999. - Vol. 174. - P. 9-14.
15. Шостакович Б. В. К вопросу об опасности психически больных // *Психиатрия и общество*. Материалы конференции, посвященной 80-летию ГНЦ СибСП им. В. П. Сербского. - М., 2001. - С. 320-328.
16. Eronen M. et al. Schizophrenia and homicidal behavior. // *Schizophr. Bull.* - 1996. - Vol. 22/1. - P. 83-90.
17. Gottlieb P., Gabrielsen G., Kramp P. Psychotic homicides in Copenhagen from 1957 to 1993 // *Acta Psychiatrica Scandinavica*. - 1997. - Vol. 76. - P. 285-292.
18. Boker W., Hafner H. Gewalttaten Geistesgestorter // Springer, Berlin, Heideferg, New York. - 1973.
19. Антонян Ю. М., Волкова Т. Н. Преступность стариков. Академия ФСИН России. Рязань, 2005. С. 46.
20. Коница И. В. Некоторые клинические и социально-демографические характеристики психически больных, признанных невменяемыми // *Актуальные вопросы принудительного лечения психически больных, совершивших ООД*. - М., 1993. - С. 116-118.
21. Морозов Г. В., Боброва И. Н., Печерникова Т. П., Шостакович Б. В. Некоторые актуальные аспекты проблемы вменяемости // *Теоретические и организационные вопросы судебной психиатрии*. - М., 1977. - С. 3-9.
22. Кондратьев Ф. В. Клинические особенности психопатоподобных расстройств при шизофрении и их судебно-психиатрическое значение: Дисс. ... докт. мед. наук. - М., 1973. - 313 с.
23. Шубообразное - (от нем. сдвиг, ступенька - приступообразное течение шизофрении) - Рослова Л. Г. Учебно-методическое пособие по психиатрии. - Изд. 2.- М., 1994 г.
24. Кербиков О. В. Острая шизофрения. - М., 1949. - 174 с. Харитоновна Н. К. Клиника и судебно-психиатрическая оценка инициальной стадии шизофрении у подростков, совершивших ООД: Автореф. дисс. ... канд. мед. наук. М., 1979.
25. Холодковская Е. М., Торубаров С. В. К вопросу о профилактике общественно опасных действий психически больных и показания к выписке // *Проблемы клиники, судебно-психиатрической экспертизы, патофизиологии и иммунологии шизофрении*. - М., 1964. - № 3. - Вып. XV. - С. 366-374.
26. Рыбальский М. И. Диспансеризация психически больных с общественно опасными тенденциями и действиями. - М., 1989. - С. 89-96.
27. Ковалевский П. И. Судебно-психиатрические анализы. Т. П., 1881.
28. Числов А. В. Диспансерное наблюдение больных шизофренией, совершивших общественно опасные действия (по данным катamnестического исследования): Автореф. дисс. . канд. мед. наук. - М. 1994. С. 16.
29. Положая З. Б. Клинико-эпидемиологическая характеристика психически больных, совершивших общественно опасные действия в разные периоды развития общества: Автореф. дисс. . канд. мед. наук. - М., 1999.
30. Estroff S., Zimmer C., Lachicotte W., Benoit S. The influence of social networks and social support on violence by persons with serious mental illness (see comments) // *Hosp. Community Psychiatry*. - 1994. - Jul 45:7. - P. 669-679.
31. Stueve A., Link B. Violence and psychiatric disorders: results from an epidemiological study of young adults in Israel // *Psychiatr. Q.* - 1997. - Winter. - 68:4. - P. 327-342.
32. Табакова Л. И. Опасные действия больных шизофренией, связанные с психогенными факторами: Автореф. дисс. ... канд. мед. наук. М., 1975. - С. 19.
33. Ильинский Ю. А. Значение некоторых клинических и микросоциальных особенностей в генезе общественно опасных действий больных шизофренией // *Социо-культуральные проблемы современной психиатрии*. - М., 1994. - С. 50-51.
34. Мальцева М. М., Котов В. П. Опасные действия психически больных. - М.: Медицина, 1995.

Подходы к изучению формирования личности террориста

Г. И. Белокуров

Формирование личности террориста и её характерного социально-психологического портрета происходит в результате специфической конвергенции трёх важнейших детерминант развития личности:

- социокультурной среды: демография, образование, религия национальная принадлежность и т. д.;
- неосознаваемых механизмов личностного развития: психодинамика поведения и общения, психологические защиты;
- формирования террористической направленности: осознаваемые мотивы, ценности (в том числе религиозные) и т. д.

В настоящее время особую актуальность приобретает проблема исследования природы терроризма. Как показывает опыт последних десятилетий прошлого столетия, терроризм имеет тенденцию к постоянному расширению своих интересов и сферы влияния.

В связи с этим необходимо «осмысление вопросов генезиса современного терроризма, вопреки получившему широкое распространение в мире силовому подходу к решению проблемы» (М. М. Решетников, СПб, 18.07.04).

Подход к исследованию проблемы, который мы предлагаем, не должен отодвигать на второй план необходимость противодействия терроризму силовыми методами. Но нужно согласиться, «что, несмотря на огромные усилия, предпринимаемые мировым сообществом, это всё-таки борьба с «симптомами» или с последствиями. А что же с

самим «заболеванием» и с его причинами? Многого ли мы достигнем с уничтожением главных вдохновителей и идеологов?» (М. М. Решетников, 2004 г.)

«Борьба с террором через "отлавливание" террористов так же фиктивна, как борьба с наводнениями, проводимая путем простого вычерпывания воды» (В. В. Цыганов, 2004 г.). В связи с этим хотелось бы обладать неким научно обоснованным объяснением того, что происходит, попытаться понять психологические причины роста насилия и далее определить, возможно-вероятные направления деятельности, которые позволили бы лишить терроризм его «психологической подпитки и социальной базы, из которой он последовательно черпает силы и сторонников». «Чтобы те мальчики и девочки, которые родились только сегодня или вчера или родятся завтра, к какой бы национальности или этносу они ни принадлежали, нашими общими усилиями могли быть ограждены от «трансляции» криминального и полукриминального опыта предшествующих поколений». (В. В. Цыганов, 2004 г.)

Терроризм (terror - лат. страх, ужас) является одной из серьезнейших глобальных проблем, потенциально или актуально затрагивающих каждого жителя планеты. Как это часто бывает, чем серьезнее, актуальнее и «очевиднее» проблема, тем большим количеством мифов и недоразумений она окружена.

Нет единого понимания терроризма. Приведем некоторые из имеющихся определений (всего их насчитыва-

ется свыше ста (Cassese A. *Terrorism, Politics and Law*. Cambridge: Polity Press, 1989. P. 3.)):

- «систематическое устрашение, провоцирование, дестабилизация общества насилием» (Чаликова В. *Терроризм*. В: 50/50 Опыт словаря нового мышления. М.: Прогресс, 1989. С. 309.);

- «форма угрозы насилием или применения насилия по политическим мотивам» (Das neue taschen Lexikon. Bertelsmann Lexikon Verlag, 1992. Band 16. S. 59-60.);

- «применение насилия или угрозы насилия против лиц или вещей ради достижения политических целей» (Шнайдер Г. Й. *Криминология*. М.: Прогресс-Ун и вере, 1994. С. 439.);

- «систематическое использование убийств, телесных повреждений и разрушений или угроз перечисленных действий для достижения политических целей» (Laquer W. *Terrorism*. L: Weidenfeld and Nicolson, 1977. P. 79.);

- «метод политической борьбы, который состоит в систематическом применении ничем не ограниченного, не связанного с военными действиями физического принуждения, имеющего целью достижение определенных результатов путем устрашения политических противников» (Дмитриев Л. В., Залысин И. Ю. *Насилие: Социо-политический анализ*. М.: РОССПЭН, 2000. С. 53.).

В целом вырисовываются два основных определяющих признака терроризма:

- 1) «применение или угроза применения насилия;

- 2) политическая мотивация преступных действий» (Я. И. Гилинский, 2004 г.).

Но есть еще один существенный признак терроризма как социального явления, а не индивидуального акта политического убийства: неопределенный круг непосредственных объектов террористического акта, применение насилия в отношении неопределенного круга лиц ради достижения отдаленной цели - удовлетворения политического (экономического, социального) требования.

На сложность и субъективизм определения терроризма обратил внимание еще Laqueur: «один - террорист, другой - борец за свободу» (Laqueur W. *The Age of Terrorism*. Toronto: Little, Brown & Co, 1987. P. 302.).

Эта тема рассматривается в статье сотрудника Международного полицейского института по контртерроризму В. Ganor (Ganor B. *Defining Terrorism: Is one Man's Terrorist another Man's Freedom Fighter?* // *Police Practice & Research. An International Journal*. 2002. Vol. 3, N4. P. 287-304.).

Как различить терроризм и партизанскую войну, терроризм и революционное насилие, терроризм и борьбу за национальное освобождение? Слишком многое зависит от позиции субъекта оценки тех или иных насильственных действий по политическим мотивам.

В. Ganor называет три важнейших элемента терроризма:

- «1) применение или угроза применения насилия; 2) политические цели (мотивы) деятельности; 3) реальными целями оказывается мирное население, граждане». (Ganor B. *Loc. cit.* P. 294-295.).

Обычно различают террор и терроризм:

- 1) «террор со стороны правящих властных структур (или «насилие силь-

ных над слабыми», присущее, в частности, тоталитарным режимам);

2) терроризм как насилие и устрашение «слабыми сильных», оружие слабых, жертв «государственного террора» (Чаликова В. Указ. соч. С. 310; Ферро. Терроризм. В: 50/50 Опыт словаря нового мышления. М.: Прогресс, 1989. С. 314.).

Иначе говоря: «Террор является насилием и устрашением, используемым объективно более сильным в отношении более слабых; терроризм - это насилие и устрашение, используемое более слабым в отношении более сильного» (Бернгард А. Стратегия терроризма. Варшава, 1978. С. 23.).

В рамках нашего исследования было проведено обследование лиц, участвовавших в террористической деятельности, за что им были назначены соответствующие сроки отбывания наказания.

По мнению многих специалистов в области исследования терроризма, сама террористическая деятельность может включать в себя (Устинов В. В. Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. М.: ООО Изд. «Юрлитинформ», 2002. - 560 с. С. 379.):

- организацию, планирование, подготовку и реализацию террористической деятельности;
- подстрекательство к террористической акции, насилию над физическими лицами или организациями, уничтожению материальных объектов в террористических целях;
- организация незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для соверше-

ния террористической акции, а равно участие в таковой акции;

- вербовка, вооружение, обучение и использование террористов;
- финансирование заведомо террористической организации или группы или иное содействие им.

Терроризм, приводя к бесчисленным жертвам и принося неисчислимые страдания, является преступной деятельностью (преступлением) и заслуживает суровой оценки. Но социально-политическая сущность терроризма и желание противодействовать ему требуют более широкого подхода. Да, террористам нет оправдания с общечеловеческой, принятой мировым сообществом и международными организациями точки зрения. Но все же терроризм - преступление «особого рода». С точки зрения террористов, организаций и движений, прибегающих к террористическим методам, их требования, отстаиваемые идеи - «справедливы» и имеют не меньшую ценность, чем те, против которых они выступают. Поэтому силовые методы противодействия терроризму, носящему политический (этнический, конфессиональный, идеологический) характер, - малоэффективны. Об этом свидетельствуют опыт Ольстера в Ирландии, затяжной, кровавый характер «борьбы» с баскскими сепаратистами в Испании, алжирскими террористами во Франции, с албанскими - в Сербии, с чеченскими - в России...

«Насилие и ненависть рождают насилие и ненависть, формируют идеологию и авторов «преступлений ненависти» (hate crimes) (Jacobs /., Potter K. Hate Crimes: Criminal Law and Identity Politics. Oxford University Press, 1998). Поэтому искусство цивилизованной

жизни состоит в том, чтобы «не плодить недовольных, обиженных, "мучеников", а строить благополучие людей в контексте их долгосрочных отношений друг с другом» (Дмитриев А., Кудрявцев В., Кудрявцев С. Введение в общую теорию конфликтов. М: ЦКИ РАН, 1993. С. 171.).

Мировое сообщество в целом и каждое государство в отдельности должны предпринимать прежде всего политические (экономические, социальные) усилия по предотвращению условий для терроризма, по ненасильственному разрешению межэтнических, межконфессиональных и социальных конфликтов. Безусловно, провозгласить принцип ненасильственного, упреждающего терроризма решения назревших проблем и конфликтов легче, чем его реализовать. Но не существует «простых решений» сложных социальных проблем. Так называемые «простые решения» (типа «ликвидировать», «подавить», «уничтожить») либо неосуществимы, либо приводят к осложнению ситуации. Можно (и нужно) «бороться» с отдельными исполнителями терактов - угонщиками самолетов, киллерами, лицами, закладывающими взрывные устройства, и т. п., но нельзя уголовно-правовыми или карательными мерами устранить причины, источники терроризма как результата острых или затяжных социальных (этнических, религиозных, политических, идеологических) конфликтов. Не случайно в послевоенном мире террористические организации и движения возникали прежде всего в постфашистских, посттоталитарных, посткоммунистических странах - Италии («Красные бригады»), Германии («Красная армия», неонацис-

ты), Японии (Японская революционная красная армия), Испании, Югославии, России, а также в странах с тоталитарным режимом (Латинская Америка, Ближний и Средний Восток), где отсутствовал опыт демократического, политического решения социальных конфликтов и проблем. «Из 79 известных к 1990 г. террористических организаций 37 принадлежали по своей идеологии к марксистским, ленинским, троцкистским, маоистским, 9 представляли различные направления панарабского и исламского фундаментализма, 7 служили примером удивительной смеси панарабизма и марксизма, 4 относились к правоэкстремистским и неонацистским» (Long D. The Anatomy of Terrorism. The Free Press, 1990.). Понимается, это соотношение претерпело существенные изменения к сегодняшнему дню. Количество известных террористических организаций увеличилось, доля «левых» сократилась за счет увеличения «правых» и исламских.

Количество серьезных исследований по терроризму пока невелико, а характерная особенность части из них состоит в том, что они пишутся на уровне здравого смысла и апеллируют к обыденному опыту и «частным случаям», поэтому некоторые феномены и общие закономерности терроризма (включая его иррациональную составляющую) остаются практически неизвестными.

Большая часть психологических моделей базируется на предположении, что «у террористов обнаруживается патологическая потребность добиваться абсолютных конечных результатов» (Kaplan, 1981). Созвучны этой модели и полученные в нашей работе психодинамические интерпретации терро-

ристического поведения (См. например «Подсознание террориста» под ред. Д. В. Сочивко).

В основе большинства из них - переживание унижения в руках агрессора в качестве ключевого фактора, ведущего к обострению чувства личной несостоятельности, результатом которой является потеря самоуважения (самооценки). По мере взросления личность такого типа становится «дефектной», не имеющей адаптивных и социально приемлемых стратегий совладания со стрессом. В поиске выхода субъект ассоциирует себя с людьми с похожими проблемами с целью восстановления своей самооценки. Он прочно связывает себя с такими личностями и таким образом поддерживает в себе самооценку и развивает чувство самоидентичности на основе идентификации с группой, в известной мере замещающей семью. В такой атмосфере он всегда найдет «причину» для совершения акта насилия.

С. В. Цыцарев предлагает типологию распределения ролей в террористической группе: лидер, авантюрист, идеалист.

«1) Лидеры изначально, как правило, переживают чувство собственной неадекватности и легко проецируют его на общество, полагая, что общество неадекватно и должно быть изменено. Такие личности имеют ясное представление о целях террористической группы и о корнях ее идеологии. Роль лидера привлекательна для личностей нарциссического и параноидного типов.

2) Авантюрист обычно имеет все необходимые навыки для участия в террористической группе. Как правило, это антисоциальный тип личности,

часто имеющий историю криминального поведения до вхождения в группу. Примерами являются многие «солдаты удачи», платные киллеры, участники разных вооруженных групп в рамках организованной преступности. Идеология в их поведении может существенно варьироваться или вообще отсутствовать. Поиск сильных ощущений в актах агрессии привлекает их больше всего.

3) Идеалистом является, как правило, молодой человек (или девушка) с наивным взглядом на социальные проблемы и возможность социальных изменений, который всегда неудовлетворен состоянием его общества или организации. Он (или она) является идеальным объектом для «промыывания мозгов», источниками которых могут быть идеологические, политические или религиозные влияния (С. В. Цыцарев, 2004 г.).».

В современной психологии социального научения терроризм рассматривается как психологически нормальное явление. Поведенческая психология настаивает на том, что чем больше субъект получает подкрепление за его террористическое поведение, тем вероятнее продолжение этого поведения; и чем чаще оно наказывается, тем менее вероятно его проявление вновь. Однако подкрепление и наказание нередко трудно идентифицировать, поскольку в некоторых ситуациях они меняются местами. Так, Crenshaw (1992, 2000) доказал, что «для террористов наказательные функции опасности, поимки и даже смерти подавляются подкрепляющей функцией осознания того, что их действия ведут к победе соответствующей идеологии. Использование насилия для достижения политических

целей является для них реально осуществимым, эффективным и хорошо морально обоснованным».

Чем больше субъект вовлечен в террористическое поведение, тем более он становится убежденным в правоте принятой в группе идеологии. Поэтому для лидеров террористических организаций вовлечение их членов в конкретные террористические поведенческие акты (а не только в подготовку к ним или пропаганду) является главной задачей. «В результате этого внушаемая лидерами организаций ксенофобия, постоянно создаваемый образ врага и ненависть по отношению к нему постоянно подкрепляются собственными действиями членов организаций» (С.В.Цыцарев, 2004г.).

В зарубежной науке многие авторы рассматривают террористическое поведение как патологическое, из чего следует:

- культура (субкультура) террористов исключает базовые ценности, свойственные «нормальным культурам»(крайний этноцентризм);
- отрицание какой бы то ни было общности в проявлениях террористического поведения в западных и не западных цивилизациях и игнорировать аналогичные терроризму проявления девиантного поведения в своей культуре;
- объяснение террористического поведения непосредственно из определенной религии или группы религий;
- реагирование «исторически проверенными» способами - антитеррористическими акциями возмездия (не всегда по назначению, но чтобы все боялись);
- распространение массовой ксенофобии и создание образа врага.

Игнорирование места и значения террористического поведения внутри и за пределами своей и чужой культуры (или субкультуры) ведет к неизбежному навязыванию стереотипов доминирующей культуры для объяснения терроризма и полностью блокирует возможность его научного анализа.

Наиболее важное культурологическое объяснение террористического поведения вытекает из понимания различий в функции убийства внутри каждой культуры. Например, понятие «кровавая месть» существует в одних культурах и не обнаруживается в других.

«Двойной стандарт на убийство также типичен для определенных культур и нетипичен для многих других (убийство своего и убийство чужого могут быть психологически совершенно разными феноменами)» (С. В. Цыцарев, 2004 г.).

Проведение социально-психологического анализа личности современного российского террориста, в частности основанное на тестовом психодиагностическом обследовании лиц, принимавших участие в террористической деятельности, позволяет составить социально-психологический портрет человека, склонного к тому, чтобы быть вовлеченным в террористическую деятельность. Причем здесь речь идет о психологических склонностях в широком смысле слова, т.е. (включая, конечно, и его морально нравственные и духовные поведенческие проявления) о том комплексе психологических свойств личности, который снижает ее естественный морально-нравственный иммунитет к различным и весьма изощренным способам втягивания человека в террористические организации.

С практической точки зрения анализ и интерпретация результатов таких исследований позволяют (Сочивко, 2006 г.):

- «разрабатывать конкретно психологические, педагогические, психокоррекционные, психотерапевтические, социально-психологические, социологические, духовно-воспитательные, другие гуманитарные мероприятия по предупреждению втягивания граждан в террористические организации (группировки), т.е. речь здесь идет о том, чтобы научно обоснованно воздействовать непосредственно на личность человека, формируя у него жесткие установки неприятия для себя возможности любого участия в террористической деятельности;

- давать научно обоснованную оценку различным (особенно новым) системам обучения и воспитания с точки зрения опасности развития у обучаемых личностных свойств и особенностей поведения, которые резко снижают их сопротивляемость воздействию пропагандистов из террористических группировок. В качестве примера можно привести деятельность различных сектантских и полусектантских обучающих и воспитательных организаций;

- научно обоснованно разрабатывать теоретические платформы воспитательных и иных гуманитарных организаций, призванных осуществлять антитеррористическое (в том числе и патриотическое) воспитание;

- разрабатывать новые системы и программы воспитательной работы по профилактике совершения повторных аналогичных преступлений в местах лишения свободы как в течение всего срока, так и, в особенности, в период подготовки к освобождению;

- разрабатывать научно обоснованные программы оказания психологической, воспитательной и духовной помощи освобожденным осужденным в рамках деятельности реабилитационных центров».

В целом полученные результаты могут быть использованы при разработке всего комплекса контртеррористических мер (John B. Wolf. *Fear of Fear: A survey of Terrorist Operations and Controls in Open Societies*. Plenum Press. New York and London, 1981. P. 30.) «политических, управленческих, экономических, социальных, военных, судебных, юридических и правовых, тюремно-режимных, разведывательных, духовно-нравственно-воспитательных, психологически-коммуникационно-образовательных и др.».

«Не существует универсальных рецептов предупреждения терроризма и разрешения сложных проблем, лежащих в его основе. Некоторые общие подходы предлагаются в конфликтологической и политологической литературе» (Дмитриев А. В. *Конфликтология*. М.: 200. С. 221-277; Дмитриев А. В., Залысин И. Ю. *Указ. соч.* С. 242-296; Дмитриев А., Кудрявцев В., Кудрявцев С. *Указ. соч.* С. 162-208.).

Важно понять:

- «мир без насилия в обозримом будущем невозможен;

- основная антитеррористическая задача - максимально сокращать масштабы терроризма (как насилия «слабых» по отношению к «сильным»);

- основной путь такого сокращения - предупреждение или урегулирование социальных проблем и конфликтов ненасильственными, не репрессивными, политическими методами;

• стратегическое направление - формирование толерантности и противодействие нетерпимости» (Я. И. Гилинский, 2004 г.).

«Абсолютно ненасильственный мир - это нереальная перспектива. Более реальной выглядит задача сократить масштабы политического насилия, попытаться свести его к минимуму» (Дмитриев А. В., Залысин И. Ю. Указ. соч. С. 296.). Об этом свидетельствует политическая жизнь развитых демократических государств, где насилие чаще всего второстепенное средство власти.

По мнению Strenz (1981), «субъект включается в террористическое поведение главным образом из-за наличия искаженных психологических потребностей (или дефектов личности)», а не потому, что стремится к достижению улучшений в политической и социальной сфере. Однако современные данные исследований часто опровергают эту точку зрения.

Как писал Ю. М. Антонян, «на путь терроризма чаще становятся люди со специфической личностной предрасположенностью, которая сама по себе не способна привести к каким-либо негативным последствиям, не будь воздействия микросреды». Поэтому одной из главных задач нашего исследования и является установление специфических личностных особенностей террориста, которые позволяют с гораздо большей легкостью специфической микросреде обеспечить втягивание человека в террористические группы или организации.

Привычное объяснение преступности в терминах rational choice theory срабатывает во многих случаях, напри-

мер, в объяснении преступлений против собственности. Низкий уровень доходов и образования прямо коррелирует с этим типом преступности. Однако другие преступления (например, домашнее насилие, убийства из ненависти, убийства в состоянии аффекта) имеют крайне невыраженную связь с дефицитом образования и бедностью. Что же касается «суицидальных террористов, то они не обнаруживают недостатка легитимных возможностей в жизни по сравнению с основным населением». (С. В. Цыцарев, 2004 г.)

Аналогичная ситуация наблюдается и при анализе роли образования как такового. Krueger and Malekova (2002) представили данные, в соответствии с которыми образование или не имеет корреляции, или имеет положительную корреляцию с поддержкой терроризма. В исследовании 1357 палестинцев, проживающих в районах Западного Берега и Газы, только 40% из числа лиц с университетскими степенями поддерживали диалог с Израилем в противоположность (не поддерживают) 53% выпускников колледжей и 60% имеющих за плечами 9 классов образования или менее. Таким образом, более образованная часть населения настроена в поддержку не применения насилия в форме терроризма.

В нашем исследовании мы также анализируем общебиографические особенности личности человека, осужденного за террористическую деятельность, его национальную принадлежность, возраст, уровень образования, наличие и особенности судимостей и др.

Начиная разговор об индивидуальной и массовой религиозности участников террористической деятельности,

следует в первую очередь ясно обозначить цели и причины, по которым мы привлекаем эту черту личности, ее духовной сферы, для составления социально-психологического портрета террориста.

Никто уже не оспаривает, что основы личности, ее отношений и установок закладываются в раннем детстве, где особую роль играют мифы, предания, традиции, религия, культура, на основе которых формируются психологические идентификации. И эти идентификации всегда имеют национально-историческую окраску и специфику.

Фрейд, в частности, отмечал, что «идентификация представляет собой самую первоначальную форму эмоциональной связи» (Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // Фрейд З. «Я» и «Оно» - Труды разных лет. Тбилиси: Мерани, 1991. Т. 1. С. 105.) с отцом, матерью, родом, племенем, народом. Или, как писал об этом Карл Ясперс: «Каждый человек есть то, что он есть, только потому, что в свое время был заложен совершенно определенный исторический (то есть не просто общечеловеческий) фундамент» (Ясперс К. Общая психопатология. Пер. с нем. Л. Акопяна. М.: Практика, 1997. С. 851.). И далее Ясперс утверждает, что «реальная психическая жизнь (любого члена социума) немислима вне традиций, передаваемых ему через ту человеческую общность, среди которой он живет», так как именно «в контексте традиции любая вещь или явление... обретает свой язык», при этом унаследованные через традиции признаки могут длительное время не проявляться, но затем, даже через несколько поколений, при воздействии способствующих условий они могут обнаружить себя

во всей полноте. «В сфере наследственных связей ничто не забывается» (Фрейд З. Психопатология обыденной жизни // Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений под ред. М. Г. Ярошевского. М.: Просвещение, 1990. С. 851.).

Каждому из этих народов была нанесена «мощная психорелигиозная травма», не оставившая безучастными ни одного из представителей этноса. Наша психика устроена так, что наиболее тяжелые, мучительные или непреносимые воспоминания вытесняются из сознания. Но когда мы говорим «вытесняются», это значит, что не произошло их естественного забывания, то есть во всех подобных случаях речь идет о том, что «и помнить невозможно, и забыть нельзя». «Эти мучительные воспоминания актуально отсутствуют в сознании, но тем не менее определяют значительную часть поведенческих реакций и мотивов сознательной деятельности» (Фрейд З. Психопатология обыденной жизни // Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений под ред. М. Г. Ярошевского. М.: Просвещение, 1990. С. 255, 309.), а применительно к большим массам людей - мифологию, религию, литературу, искусство, политику, отношение к самим себе, своим лидерам, а также историческим обидчикам.

Фрейд особенно отмечает, что при исследовании любых феноменов в жизни народов «приходится считаться с подобным мотивом, стремящимся вытравить воспоминания обо всем, что тягостно для национального чувства» (Фрейд З. Психопатология обыденной жизни // Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений под ред.

М. Г. Ярошевского. М.: Просвещение, 1990. С. 255.).

Вопрос религиозности важен для нашего исследования не только потому, что религиозность совсем недавно в отечественной гуманитарной науке стала рассматриваться как одна из важных характеристик личности (хотя и не всеми учеными), но, прежде всего, потому, что терроризм как относительно новое общественное явление в своей сущности вообрал в себя все наиболее острые религиозные противоречия. Д. В. Сочивко предложена систематизация основных внутренних противоречий в личности террориста (подробнее см. «Подсознание террориста» под ред. Д. В. Сочивко). О чем здесь идет речь.

Противоречие первое. «Терроризм зарождался как террор безбожия (французская, русская революции...), а превратился в террор религиозных фанатов»;

Противоречие второе. «Всякая религия запрещает насилие. Террористы, считая себя наиболее религиозной частью общества, совершают наиболее тяжелые преступления». По нашим данным, участники террористической деятельности при совершении преступления чаще (в 32 % случаях) приносили оружие по сравнению со всеми (в среднем по России) осужденными к лишению свободы (в 22,8 % случаях). Это общий фон, не говоря уже о крупных терактах.

Противоречие третье. «Всякая религия запрещает злоупотребление одурманивающими веществами (ислам вообще запрещает алкоголь). Террористы широко используют алкоголь и наркотики в своей жизни и деятельности (включая торговлю)». По нашим данным, 92% участников террористической деятель-

ности не признают себя наркоманами. Однако согласно содержанию уголовных дел более 20% участников террористической деятельности употребляли наркотические препараты либо до совершения преступления, либо после.

Возможно, этот список можно было бы продолжить, но для нас он является достаточным, т.к. включает в себя отношение к «трем основным (как с религиозной, так и с научной точки зрения) уровням устройства человека - духовному (отношение к высшим ценностям, Богу), душевному (отношение к ближнему), телесному (отношение к себе).»

Таким образом, основной чертой психологического портрета террориста является крайняя противоречивость его личности (подробнее см. «Подсознание террориста» под ред. Д. В. Сочивко).

Напомним, что И. К. Мельник выделяет три группы террористической деятельности: социально-политические террористы; криминальные (корыстные); патологические (имеющие какие-либо психические отклонения). Подавляющее большинство обследуемых нами участников террористической деятельности относятся, очевидно, к криминальным группам террористической деятельности.

В работе «Массовая психология и анализ человеческого "Я"» Фрейд высказывает революционную, по сути, идею о необоснованности противопоставления индивидуальных и массовых психических феноменов и подчеркивает, что в этом противопоставлении «... многое из своей остроты при ближайшем рассмотрении теряет», в силу чего психология отдельной личности «... с самого начала является одновремен-

но также и психологией социальной.. ». Одновременно Фрейд дополняет этот вывод тезисом о необходимости учета культурно-исторических аспектов, так как массовая психология должна рассматривать каждого отдельного человека не как самостоятельного субъекта, а «...как члена племени, народа, касты, условия, институции... » и особо подчеркивает, что «в отличие от отдельного индивида масса (народ, племя) всегда более импульсивна, изменчива и возбудима... «Импульсы, которым повинуются массы, могут быть, смотря по обстоятельствам, благородными или жестокими, героическими или трусливыми, но во всех случаях они столь повелительны, что не дают проявляться не только личному интересу, но даже инстинкту самосохранения... Она (масса) чувствует себя всемогущей, у индивида в массе исчезает понятие невозможного» (Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // Зигмунд Фрейд «Я» и «Оно» - Труды разных лет. Тбилиси: Мерани, 1991. Т. 1. С. 71, 72, 78).

В интересах наших рассуждений приведем еще одну объемную цитату из той же работы: «Чувства массы всегда просты и весьма гиперболичны. Масса, таким образом, не знает ни сомнений, ни неуверенности! Масса немедленно доходит до крайности, высказанное по дозрению сразу же превращается у нее в непоколебимую уверенность, зерно апатии - в дикую ненависть... Тот, кто хочет на нее влиять, не нуждается в логической проверке своей аргументации, ему подобает живописать ярчайшими красками, преувеличивать и всегда повторять то же самое» (Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // Зигмунд Фрейд «Я» и «Оно»

- Труды разных лет. Тбилиси: Мерани, 1991. Т. 1. С. 79.).

Итак, проблема исследования природы терроризма достаточно актуальна в настоящее время. В связи с этим необходимо, помимо получившего широкое распространение в мире силового подхода к решению, и «осмысление вопросов генезиса современного терроризма» (М. М. Решетников, СПб, 18.07.04).

Хотелось бы обладать неким научно обоснованным объяснением того, что происходит, попытаться понять психологические причины роста насилия и далее определить, возможно - вероятные направления деятельности, которые позволили бы лишить терроризм его «психологической подпитки и социальной базы, из которой он последовательно черпает силы и сторонников» (В. В. Цыганов, 2004 г.). В рамках нашего исследования проведено обследование лиц, участвовавших в террористической деятельности, за что им были назначены соответствующие сроки отбывания наказания.

Проведение социально-психологического анализа личности современного российского террориста, в частности основанное на тестовом психодиагностическом обследовании лиц, принимавших участие в террористической деятельности, позволяет составить социально-психологический портрет человека, склонного к тому, чтобы быть вовлеченным в террористическую деятельность. В ходе нашего исследования установлено, что основной чертой психологического портрета террориста является крайняя противоречивость его личности.

Эффективность обратной связи и ее специфика в организации

Е. Н. Стремоусова

Введение

Проблематика общения, занимающая одно из центральных мест в структуре психологического знания, является давней и традиционной темой теоретических, эмпирических и экспериментальных исследований (Андреева, 2002; Бодалев, 2002, 1997; Лентьев, 2005; Куницына, Казаринова, Погольша, 2003 Жуков Ю.М., 1988 и др.). К числу явлений, до сих пор недостаточно изученных, относится такой важный компонент межличностного общения, как межличностная обратная связь. Обратная связь изучалась как в отечественной психологии (Соловьева, 1992, 2002; Петровская, 1982, 1989), так и в зарубежной (Джекобс, 1974; Соловьева, 1992). Она стала предметом пристального внимания психологов лишь в 70-е годы прошлого века.

Обратная связь выступает в процессе становления самосознания личности как один из ведущих механизмов, то есть как средство, обеспечивающее индивиду возможность построения отношения к самому себе, опираясь на представления о себе со стороны окружающих. Именно с помощью обратной связи мы учимся видеть себя глазами других и корректировать свое поведение, что, безусловно, необходимо для работы в организации. В организациях люди постоянно общаются и, следовательно, подают обратную связь.

То, как влияет обратная связь на процесс общения и индивидуальное поведение людей, обуславливает ее эффективность. Многие исследования,

посвященные проблеме обратной связи, затрагивали и проблему эффективности (Рассел, 2002; Rubin, Cambell, 1998, Журавлева, 2004). Вопрос о критериях эффективности до сих пор остается открытым. Некоторые авторы решают данную проблему путем описания характеристик, присущих эффективной обратной связи (Федин, Уильямс, 2003; Кларин, 2002). Другие авторы исследуют проблему эффективности обратной связи в определенном контексте: в тренинге, в ассесмент-центре и т.д. (Жуков, 2003; Павлова, 2001; Рассел, 2002), т.е. преимущественно в организованном, а не непосредственном межличностном общении. Один из критериев эффективности обратной связи - ее принятие, то есть готовность человека работать с информацией (Вакуленко Ю.В., 1989). В связи с проблемой эффективности обратной связи, нам представляется целесообразным обратить внимание на функции обратной связи как регулятора поведения (Соловьева, 1992; Rauterberg, Datwyler, Sperisen, 1995) и межличностных отношений (Соловьева, 1992; Бодалев, 2002), а так же как источника самопознания (Вакуленко Ю.В., 1989; Копец, 1987). Эффективность обратной связи будет пониматься нами как выполнение ее функций на всех трех уровнях (эффективная обратная связь изменяет поведение, отношения и самоотношение). В данной работе исследуется первый уровень - поведенческий, и в качестве эффективной рассматривается такая обратная связь, которая изменяет по-

ведение реципиента в соответствии с целями коммуникатора.

С проблемой эффективности обратной связи как регулятора поведения тесно связаны проблемы вида обратной связи, а также специфика ее регулирующей роли в межличностном и деловом общении в организации. Виды обратной связи изучались и раньше (Петровская, 1989; Андреева, 2002; Жуков, 2003; Соловьева, 1992; London, Larsen, Thisted, 1999; Tata, 2002; Jacoby, 1984), но не анализировалась их связь с эффективностью обратной связи, а также с межличностным и деловым общением в организации.

Актуальность этой проблемы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, - смена политической и экономической ситуации в России, благодаря которой появилось множество крупных коммерческих организаций. Во-вторых, возникновение в этих организациях культуры строго делового общения и корпоративной культуры, по аналогии с западными компаниями (Джуэлл Л., 2002; Почебут, Чикер, 2000; Baker, 2002). В-третьих, проведение в них тренингов, которые способствуют ознакомлению людей с тем, что такое обратная связь, со способами ее подачи в повседневном общении.

Ранее обратная связь в основном изучалась в рамках межличностного общения (Соловьева, 1992; Петровская, 1989) или в рамках ее организованного сбора в организации (Rubin, Campbell, 1998; Джуэлл, 2001; Maurer, Mitchell, Barbeite, 2002). В реальности люди в организации постоянно общаются и подают обратную связь в рамках и межличностного и делового общения (Бодалев, 2002). Возникает вопрос, су-

ществуют ли какие-либо отличия в обратной связи в этих двух видах общения, в каком общении обратная связь лучше воспринимается реципиентом, в каком случае она будет более эффективна, какая обратная связь будет для реципиента наиболее значима.

Целью данного исследования было выявление различий в эффективности обратной связи в межличностном и деловом общении в организации и влиянии на эффективность обратной связи в этих видах общения таких характеристик обратной связи как ее предмет (работа, внешний вид, взаимоотношения) и знак (положительная или отрицательная). В работе также ставилась цель проанализировать взаимоотношения между видами общения и видами обратной связи, которые в них преобладают.

Методические аспекты исследования

В исследовании приняли участие сотрудники коммерческих организаций, имеющих разную специфику. Всего в исследовании участвовало 166 респондентов, из них 76 сотрудников коммерческих организаций и 90 студентов. Для сбора данных использовались авторская анкета и ролевая игра (метод моделирования).

Анкетирование

В ходе исследования был разработан опросник (первая часть анкеты), в котором респондентам предлагалось выбрать варианты возможного реагирования в различных ситуациях общения с использованием обратной связи (ОС). Вопросы были подобраны таким образом, чтобы в них варьировались виды общения (деловое и межличностное), предмет общения (работа, вне-

шний вид, взаимоотношения) и знак ОС (положительная или отрицательная). Варианты ответов были разделены на три класса для последующей оценки эффективности ОС: ответы, отражающие эффективность ОС (поведение изменилось бы в описываемой ситуации в соответствии с подаваемой ОС); ответы, отражающие игнорирование ОС (поведение никак бы не изменилось); ответы, отражающие неэффективность ОС (реагирование, не соответствующее подаваемой ОС).

После разработки авторского опросника была проведена его экспертная оценка для уточнения параметров анкеты. В экспертном опросе приняли участие 7 экспертов (преподавателей психологии - кандидатов и докторов психологических наук). По итогам экспертного опроса два вопроса анкеты были модифицированы.

Само анкетирование проводилось среди сотрудников коммерческих организаций. Структура выборки была следующей: мужчины - 27 человек в возрасте 22 - 55 лет, женщины - 49 человек в возрасте от 22 до 55 лет. Все участники исследования имели высшее образование и работали в коммерческих организациях.

При обработке первой части анкеты для выявления влияния выделенных параметров общения на эффективность обратной связи был применен дисперсионный анализ по схеме «повторных измерений» (Repeated Measure ANOVA), так как все респонденты отвечали на все виды вопросов, относящихся и к деловому, и к межличностному общению. В качестве факторов в схеме RM ANOVA выступали: вид общения (2 уровня - деловое, межличностное);

предмет общения (3 уровня - работа, внешний вид, взаимоотношения) и знак ОС (2 уровня - положительная или отрицательная).

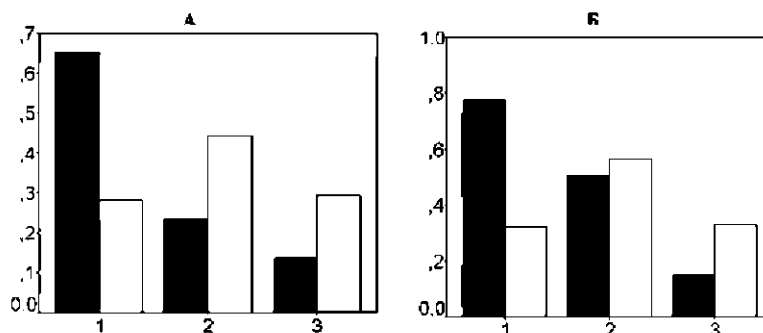
Эффективность ОС оценивалась по ответам испытуемых, которые, как было отмечено выше, были отнесены к трем классам - неприятие ОС (игнорирование), эффективная ОС, неэффективная ОС. По каждому респонденту подсчитывалось количество ответов (в процентах), относящихся к этим трем классам в соответствии с предметом и знаком ОС в двух видах общения. Эти показатели служили переменными при статистическом анализе.

Во второй части анкеты респондентам предлагались различные варианты ответов, отражающие разные виды обратной связи: дескриптивная; оценочно-атрибутивная; оценочная; автодескриптивная (высказывание чувства); автодескриптивная (высказывание отношения); совет. Эти варианты ответов необходимо было проранжировать, расположив их в порядке убывания частоты встречаемости в двух ситуациях - делового и межличностного общения. Для анализа взаимосвязи вида общения и вида обратной связи вычислялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Все статистические процедуры проводились с помощью стандартного пакета программ - SPSS 10,5.

Ролевая игра

Помимо анкетирования в качестве метода исследования была использована ролевая игра, в которой моделировались ситуации, анализируемые с помощью анкеты. Это было необходимо, так как в анкете обратная связь задается, а в ролевой игре респонденты сами

Рис. 1. Эффективная ОС в деловом (черный) и межличностном (белый) общении в трех ситуациях (предмет ОС). 1 - работа, 2 - внешний вид, 3 - взаимоотношения между людьми для мужчин (А) и женщин (Б). По оси ординат - средние значения частоты представленности ответов, отражающих эффективную обратную связь.

подавали обратную связь. Перед ролевой игрой участникам предлагалось небольшое теоретическое введение, в котором объяснялось, что такое обратная связь в общении. По окончании ролевой игры подводились итоги, и происходило обсуждение метода. В ролевой игре участвовали студенты психологических факультетов различных вузов. Всего было проведено 5 игр, в каждой участвовало по 18 человек (всего 90 студентов, из них 68 девушек и 22 юноши). Высказывания респондентов были отнесены к трем классам - эффективная обратная связь, неэффективная и игнорирование - на основании результатов экспертного опроса по анкете, так как вопросы анкеты и ситуации в ролевой игре были сходны. По каждому респонденту подсчитывалось количество высказываний (в процентах), относящихся к эффективной обратной связи, неэффективной и игнорированию в соответствии с предметом и знаком обратной связи в двух видах общения.

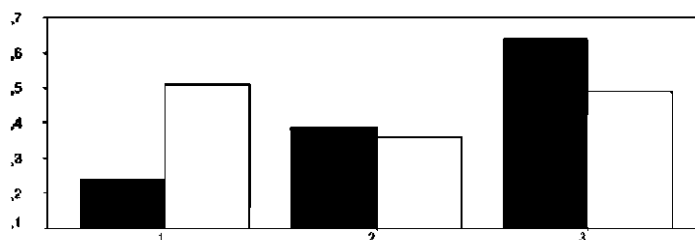
Результаты исследования

Анкетирование

Эффективная обратная связь

Результаты дисперсионного анализа по схеме повторных измерений показали, что эффективность обратной связи (без учета ее знака) значимо связана с ее предметом (работа, внешний вид, взаимоотношения) как у мужчин, так и у женщин в обоих видах общения ($F = 62,905$; $p < 0,001$): наиболее эффективной является обратная связь в ситуации «работа» и наименее эффективной - в ситуации «взаимоотношения между людьми» (рис. 1).

Влияние ситуации (предмет общения) зависит от вида общения, что по данным дисперсионного анализа отражается в значимом взаимодействии факторов «предмет x вид общения» ($F=74,541$, $p < 0,001$). В ситуации «работа» обратная связь наиболее эффективна при деловом общении, а в ситуациях «внешний вид» и «взаимоотношения между людьми» - при межличностном общении (рис. 1).

Рис. 2. Игнорирование ОС в деловом (черный) и межличностном (белый) общении в трех ситуациях (предмет ОС). 1 - работа, 2 - внешний вид, 3 - взаимоотношения между людьми по всей выборке. По оси ординат - средние значения частоты представленности ответов, отражающих игнорирование обратной связи.

Влияние ситуации в разных видах общения по-разному выражено у мужчин и женщин, что отражается во взаимодействии факторов «вид общения x пол» (значимость на уровне тенденции - $F = 3,277$; $p = 0,074$) и «предмет общения x пол» (значимое взаимодействие - $F = 5,697$, $p = 0,004$): у мужчин вид общения достоверно связан с эффективностью обратной связи во всех трех ситуациях, а у женщин эффективность обратной связи в ситуации «внешний вид» не связана с видом общения. В целом эффективность обратной связи для женщин выше, чем для мужчин, что отражается в значимом влиянии фактора «пол» ($F(1)=9,931$, $p = 0,002$).

Анализ знака обратной связи (без учета ее предмета) позволил обнаружить, что этот фактор как основной значимо влияет на эффективность обратной связи, как при деловом, так и при межличностном общении ($F = 21,409$, $p < 0,001$): во всех случаях положительная обратная связь более эффективна.

Игнорирование обратной связи

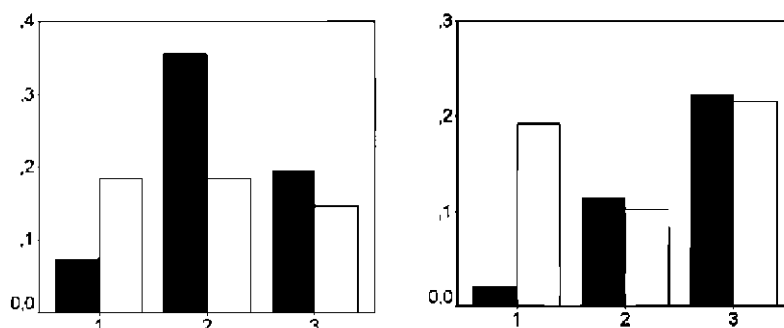
Ситуация (предмет ОС), в которой подается игнорируемая ОС, важна при обоих видах общения, что проявляется в значимом влиянии фактора «предмет

ОС» ($F = 31,571$, $p < 0,001$). Вместе с тем вид общения также сказывается на этом параметре обратной связи в зависимости от ситуации (значимое взаимодействие факторов «вид общения x предмет ОС» - $F = 31,570$, $p < 0,001$) - при деловом общении игнорирование преобладает в ситуации «взаимодействие между людьми», а при межличностном - в ситуации «работа»; в ситуации «внешний вид» вид общения не связан с игнорированием обратной связи (рис. 2).

Фактор «пол» не оказывал достоверного влияния на игнорирование обратной связи. Знак обратной связи также не был связан с ее игнорированием как у мужчин, так и у женщин. Статистический анализ без учета фактора «предмет обратной связи» выявил достоверное преобладание игнорирования обратной связи при межличностном общении по сравнению с деловым ($P = 6,101$, $p = 0,016$).

Неэффективная обратная связь

Ситуация, по поводу которой подается обратная связь, значимо влияет на неэффективность ОС как при деловом, так и при межличностном общении, и у мужчин, и у женщин ($F = 5,430$,

Рис 3. Неэффективная ОС в деловом (черный) и межличностном (белый) общении в трех ситуациях (предмет ОС: 1 - работа, 2 - внешний вид, 3 - взаимоотношения между людьми у мужчин (левый) и женщин (правый). По оси ординат - средние значения частоты представленности ответов, отражающих неэффективную обратную связь.

$p = 0,006$). Однако эффект ситуации зависит от вида общения (значимое взаимодействие факторов «вид общения x предмет ОС» - $F = 12,581$, $p < 0,001$) и от пола (достоверное взаимодействие факторов «предмет ОС x пол» - $F = 8,511$, $p < 0,001$): и у мужчин, и у женщин в ситуации «работа» неэффективность обратной связи достоверно чаще отмечается при межличностном общении, а в ситуациях «внешний вид» и «взаимоотношения между людьми» - при деловом, при этом неэффективность в ситуациях «работа» и «взаимоотношения между людьми» выше у женщин, а в ситуации «внешний вид» - у мужчин (рис. 3).

Знак обратной связи так же как для эффективности и игнорирования, значимо связан с неэффективностью обратной связи: отрицательная обратная связь достоверно чаще оказывается неэффективной ($F = 35,994$, $p < 0,001$). Интересно отметить, что отрицательная обратная связь одинаково неэффективна при деловом и межличностном

общении, а вот положительная чаще оказывается неэффективной при межличностном общении (значимое взаимодействие «вид общения x знак ОС», $F = 7,015$, $p = 0,010$).

При использовании схемы повторных измерений без учета фактора «предмет ОС» выявились достоверные гендерные различия показателей неэффективной обратной связи: неэффективная обратная связь достоверно чаще отмечается у мужчин ($F = 8,581$; $p = 0,005$), причем эти различия выше в ситуации делового общения (взаимодействие факторов «вид общения x пол», $F = 4,600$, $p = 0,035$).

Данные о распределении видов обратной связи в деловом и межличностном общении в различных ситуациях, полученные с помощью методики ранжирования, представлены в Таблице 1. Анализ корреляции вида обратной связи при деловом и межличностном общении в различных ситуациях и при разном знаке обратной связи показал, что различия в видах обратной связи в

Таблица 1

Распределение рангов видов обратной связи в различных ситуациях при деловом (Д) и межличностном (Мл) общении

Ситуация виды обратной связи	1		2		3		4		5		6	
	Д	Мл	Д	Мл	Д	Мл	Д	Мл	Д	Мл	Д	Мл
a	1	1	1	3	1	1	1	4	1	2	1	3
b	5	5	5	2	5	5	5	6	6	6	3	2
c	6	6	4	5	6	6	6	5	5	5	2	1
d	4	4	3	4	3	2	3	2	3	3	4	5
e	3	2	2	1	4	4	2	1	2	1	5	4
f	2	3	6	6	2	3	4	3	4	4	6	6

ситуациях делового и межличностного общения (отсутствие значимых корреляций) отмечаются для ситуаций 2, 4, 6. Это преимущественно ситуации, где обратная связь является положительной. Во второй ситуации («работа») при деловом общении преобладает описательная обратная связь, а при межличностном - автодескриптивная (высказывание чувств). Редко встречающимся в этой ситуации получился один и тот же вид обратной связи в двух видах общения - обратная связь - совет. При оценке внешнего вида (ситуация 4) также при деловом общении чаще всего используется описательная, а при межличностном - высказывание чувства. Реже всего встречающейся в деловом общении оказалась оценочная обратная связь, а в межличностном оценочно-атрибутивная. При оценке взаимоотношений в деловом общении (ситуация б) чаще всего встречается описательная обратная связь, а при межличностном - оценочная, а самым редким видом обратной связи в обоих видах общения оказался совет.

Ролевая игра

По итогам ролевой игры получились следующие результаты: в деловом общении обратная связь наиболее эффективна в ситуации «работа», часто неэффективна в ситуации «внешний вид», в ситуации «взаимодействие» чаще игнорируется. В межличностном общении обратная связь наиболее эффективна, когда ее предмет - «внешний вид», чаще неэффективна в ситуации «взаимодействие», чаще игнорируется, если ее предмет «работа», при этом положительная обратная связь намного эффективнее отрицательной, причем в двух видах общения.

Обсуждение результатов исследования

Анализ результатов исследования показал, что в деловом и межличностном общении есть значимые различия в эффективности, неэффективности и игнорировании обратной связи, и это зависит от ее предмета и знака. Хотелось бы подчеркнуть, что при анализе данных анкетирования и ролевой игры были получены сходные результаты.

Обратная связь в деловом общении более эффективна, чем в межличностном, когда подается в ситуации «работа». Это может объясняться тем, что деловое общение в организации предполагает определенный предмет общения, который чаще всего и касается работы. А. А. Бодалев акцентирует внимание на том, что на деловое общение влияет сама трудовая деятельность и особенности трудового коллектива, при этом участники коммуникации преследуют конкретные цели (Бодалев, 1994). Н.И. Леонов пишет о том, что в деловом общении предмет - дело (Леонов, 2003). Он также выделяет особенности делового общения, которые заключаются в следующем:

- партнер в деловом общении - значимая личность;
- у партнеров взаимопонимание по поводу дела;
- основная задача - продуктивное сотрудничество.

Этим можно объяснить то, что в деловом общении в организации чаще, чем в межличностном, игнорируется обратная связь, предметом которой являются взаимоотношения между людьми. Люди, между которыми установились чисто деловые отношения, просто не принимают друг от друга обратную связь по поводу своих взаимоотношений с близкими. Эта тема считается более интимной, затрагивает личностные переживания, а деловое общение предполагает определенные цели и задачи, касающиеся работы. Помимо этого оказалось, что если в деловом общении предметом обратной связи является внешний вид реципиента, то она чаще, чем в межличностном общении, оказывается неэффективной.

Это означает, что реципиент принимает обратную связь по поводу внешнего вида, но действует не в соответствии с ней, а наоборот. Возможно, это происходит потому, что существуют общепризнанные нормы и представления, характеризующие то, что каждый субъект делового общения может требовать и ждать от другого, и нарушение таких правил будет рассматриваться как нечто необычное и, скорее всего, мешающее общению (Алёшина, Петровская, 1989). Обратная связь по поводу внешнего вида необычна и не вписывается в нормы и правила делового общения. Предполагается, что это уже затрагивает личность субъекта, возможно, поэтому реципиент такой обратной связи предпочитает действовать от противного, и такая обратная связь в деловом общении оказывается неэффективной.

В межличностном общении в организации, в отличие от делового, обратная связь чаще более эффективна, если ее предметами являются внешний вид и взаимоотношения между людьми. Это может объясняться тем, что такое общение возникает не ради какой-то цели, а имеет эту цель в себе, и люди в нем раскрываются, создаются доверительные отношения. Об этом пишет и А. А. Бодалев, он выделяет такие характеристики межличностного общения, как: общение на равных, общение, проникнутое чувством гуманности и доброжелательности, диалогическое общение, лишенное стереотипов (Бодалев, 1994). Поэтому такие субъективно значимые ситуации обратной связи, как внешний вид и взаимоотношения, принимаются субъектом, и он действует в соответствии с тем, что ему сообщается.

В межличностном общении в организации чаще, чем в деловом, игнорируется обратная связь по поводу работы. В межличностном общении нет жестких регламентаций ролей, происходит сосредоточение на собеседнике, погружение в его внутренний мир. Поэтому тема работы оказывается как бы табуирована, она просто не принимается реципиентом. При получении обратной связи о работе реципиент хочет получить объективную информацию, и он понимает, что обратная связь от сослуживца - друга будет субъективно окрашена и не будет объективной, поэтому он ее игнорирует чаще, чем обратную связь от коллеги, с которым у него только деловые отношения. В межличностном общении также чаще, чем в деловом, обратная связь оказывается неэффективной, если ее предмет - работа или взаимоотношения. В межличностном общении и цель, и мотивы, и способы, и результат «очеловечены» на всем протяжении процесса общения (Бодалев, 2002). Из этого можно сделать вывод, что реципиент чаще будет действовать наоборот, если он понимает, что информация субъективна, и реже, если понимает, что она объективна. Что касается взаимоотношений с другими людьми, то обратная связь в межличностном общении оказывается более неэффективной, чем в деловом. Возможно, это связано с тем, что тема очень личная, но поступить от обратного по отношению к тому, что сказал друг, проще и не вызовет никаких последствий. Деловое же общение регламентировано определенными правилами и существует система наказаний, поэтому в нем обратная связь по поводу взаимоотношений реже не принимается,

чем в межличностном. Такая обратная связь в деловом общении чаще игнорируется. Хочется отметить, что у данного предмета обратной связи самый низкий из всех трех ситуаций показатель по эффективности.

Рассмотрим теперь влияние знака обратной связи. Результаты исследования свидетельствуют о том, что эффективность обратной связи связана с ее знаком. Мы обнаружили, что обратная связь более эффективна, если она положительна, и чаще игнорируется и не принимается, если она отрицательна, причем и в деловом и в межличностном общении (такие результаты мы получили и в результате анкетирования, и в результате ролевой игры). Люди действительно лучше воспринимают положительную информацию и действуют в соответствии с ней, а негативная либо не принимается, либо вызывает обратную реакцию. Многие авторы используют этот факт, когда дают рекомендации по поводу того, как нужно давать обратную связь. Например, Н. И. Леонов пишет следующее: «Не забывайте о положительной обратной связи - ваши замечания по поводу поведения другого скорее упадут на благоприятную почву тогда, когда Вы сообщите ему о том, что в нем Вас радует» (Леонов, 2003, с. 48).

Результаты анализа взаимодействия вида обратной связи, видов общения, предмета обратной связи и ее знака показали, что в зависимости от вида общения, есть различия в употреблении тех или иных видов обратной связи только в том случае, если она положительна. В обратной связи по поводу работы в деловом общении преобладает описательная обратная связь, а в меж-

личностном - автодескриптивная (высказывание чувства). Это можно объяснить тем, что в деловом общении в организации люди нуждаются в объективной оценке, а ее лучше всего давать просто в описательной форме, а также тем, что описательную обратную связь высказать проще. В межличностном же общении в организации люди общаются на уровне субъективных переживаний, и, возможно, поэтому высказывают чаще свои чувства по отношению к работе друг друга. Редко встречающимся в этой ситуации получился один и тот же вид обратной связи в двух видах общения - обратная связь-совет. Это может объясняться спецификой нашего исследования, а именно тем, что мы рассматриваем обратную связь в межличностном и деловом общении в организации, а советы чаще даются в общении с близкими людьми. Если предметом обратной связи является внешний вид, то также при деловом общении чаще всего используется описательная обратная связь, а при межличностном - высказывание чувства. Реже всего встречающейся в деловом общении оказалась оценочная обратная связь, а в межличностном - оценочно-атрибутивная. Это может быть связано с тем, что оценку всей личности редко основывают на внешнем виде реципиента, так как внешний вид понимается скорее как формальная характеристика. Если обратная связь дается по поводу взаимоотношений, то в деловом общении чаще всего встречается описательная обратная связь, а в межличностном - оценочная, а самым редким видом обратной связи в обоих видах общения оказался совет. В целом это схоже с тем, что представлено в дру-

гих ситуациях, а то, что в межличностном общении по поводу взаимоотношений преобладает оценочная обратная связь, можно объяснить тем, что именно ситуация взаимоотношений с другими часто является предметом межличностного общения.

Выводы

1. Обратная связь в деловом общении более эффективна, чем в межличностном, когда подается по поводу работы. В межличностном же общении в организации обратная связь чаще более эффективна, если ее предметами являются внешний вид и взаимоотношения между людьми.

2. В деловом общении чаще, чем в межличностном, игнорируется обратная связь, предметом которой являются взаимоотношения между людьми. В межличностном общении чаще игнорируется обратная связь по поводу работы.

3. Если в деловом общении предметом обратной связи является внешний вид реципиента, то она чаще, чем в межличностном общении, оказывается неэффективной. В межличностном общении чаще оказывается неэффективной обратная связь, предметом которой являются работа или взаимоотношения.

4. Обратная связь более эффективна, если она положительна, и чаще игнорируется и неэффективна, если она отрицательна, причем и в деловом и в межличностном общении.

5. Вид обратной связи связан с видом общения. В деловом общении чаще всего используется описательная обратная связь, а в межличностном - автодескриптивная обратная связь. В обоих типах общения

реже используется обратная связь - совет.

6. Эффективность обратной связи в межличностном и деловом общении зависит от пола реципиентов. У мужчин во всех ситуациях чаще отмечается игнорирование обратной связи или ее неэффективность.

Литература:

1. Алешина Ю. Е., Петровская Л. А. Психологическая компетентность пропагандиста. М.: Знание, 1989.
2. Андреева Г. М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2002.
3. Бодалев А. А. Психология общения. Избранные психологические труды. М.: Изд-во Моск. психол.-соц. инст.; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2002.
4. Бодалев А. А. Психология межличностного общения. Рязань: РВШ МВД РФ, 1994.
5. Вакуленко Ю. В. Принятие обратной связи как переживание. Дипломная работа. М.: МГУ, 1989.
6. Джуэлл Л. Индустриально-организационная психология. Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2001.
7. Жуков Ю. М. Эффективность делового общения. М.: Знание, 1988.
8. Жуков Ю. М. Коммуникативный тренинг. М.: Гардарики, 2003.
9. Журавлева Н. С. Способы подачи обратной связи и ее эффекты в корпоративном тренинге. Дисс...канд. психол. наук. М., 2004.
10. Журавлева Н. С. Современные тенденции подачи обратной связи в сфере управления человеческими ресурсами организации // Современный кадровый менеджмент Под ред. Базарова Т. Ю., М.: ИПК Госслужбы, 2004.
11. Кларин М. В. Корпоративный тренинг от А до Я: Научн.-практ. пособие. 2-е изд. М.: Дело, 2002.
12. Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М. Межличностное общение. Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2003.
13. Копец Л. В. Влияние обратной связи на самоконтроль личности в общении. Автореф. дис. . канд. психол. наук. М., 1987.
14. Леонтьев А. А. Психология общения. М.: Смысл, 2005.
15. Леонов Н. И. Психология делового общения. М.: Изд-во Моск. психол.-соц. инст.; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2003.
16. Павлова Е. Н. Методы повышения точности межличностного восприятия. Дисс...канд. наук. М., 2001.
17. Петровская Л. А. Теоретические и методологические проблемы социально-психологического тренинга. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
18. Петровская Л. А. Компетентность в общении. Социально-психологический тренинг. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989.
19. Петровская Л. А., Соловьева О. В. Обратная связь в межличностном общении // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1982 №3. С. 9-18.
20. Почебут Л. Г., Чикер В. А. Организационная социальная психология. СПб.: Речь, 2000.
21. Рассел Т. Навыки эффективной обратной связи. СПб.: Питер, 2002.
22. Соловьева О. В. Обратная связь в межличностном общении. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992.
23. Соловьева О. В. Общение: традиционные исследования и новая проблематика // Социальная психология в современном мире. М.: Аспект Пресс, 2002.
24. Уильямс Р. Управление деятельностью слушающих. СПб.: Питер, 2003.
25. Федин М. Концепция предоставления обратной связи в компании // Школа профессиональных бизнес-консультантов. <http://www.spbs.ru/library/article/doc10382/>
26. Baker K. Organizational communication 2002 // <http://www.management.com/changemanagement/organization-and-change-and-management-theory.html>
27. Jacoby J., Mazursky D., Troutman T., Kuss A. When feedback is ignored: Disutility of outcome feedback // Journal of Applied Psychology. 1984. Vol. 69, № 1, pp. 531-545.
28. Jacobs A. The use of feedback in groups // Tje group as agent of change / A. Jacobs, W.W. Spradlin. N.Y., 1974.
29. Leary M., Gallagher B., Fors E., Buttermore N., Baldwin E., Kennedy K., Mills A. The invalidity of disclaimers about the effects of social feedback on self-esteem // P.S.P.B., 2003, Vol. 29 № 5, pp. 623-636.
30. London M., Larsen H., Thisted L. Relationships between feedback and self-development//Group and organizational management, 1999, Vol. 24, № 1, pp. 5-27.
31. Maurer T. J., Mitchell R. D., Barbeite F. G. Predictors of attitudes toward a 360-degree feedback system and involvement in post - feedback management development activity // Journal of Occupational Psychology, 2002, Vol 75, pp. 87-107.
32. Rauterberg M., Datwyler M., Sperisen M. The shared social space as a basic factor for the design group-ware // K. Brunnstein & P. Sint (Eds.) Intellectual Property Rights and New Technologies. Oldenbourg, 1995, pp. 176-181.

33. Rubin I. M., Cambell T. The ABC's of effective feedback. San Francisco.: Jossey - Bass, 1998.

34. Sanitioso R, Wlodarski R. In search of information that confirms a desired self-perception: motivated processing of social feedback and choice of social interactions // PSPB, 2004, Vol. 30, №4, pp. 412-422.

35. Sosik J. J., Potosky D., Dong I. Adaptive self-regulation: meeting others' expectations of leadership and performance. // Journal of Social Psychology, 2002, Vol. 142, Issue 2, p. 211.

36. Tata J. The influence of managerial accounts on employee's reactions to negative feedback // Group and organizational management, 2002, Vol. 27, №4, pp. 480-503.

Развитие установки на толерантное поведение в общении (на примере курсантов и слушателей образовательных учреждений высшего профессионального образования ФСИН России)

Д. В. Пестриков

Гуманизация процесса исполнения уголовных наказаний предполагает при подготовке будущих специалистов в образовательных учреждениях ФСИН России развитие установки на толерантное поведение, на что ориентирует принятая Правительством Российской Федерации Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактики экстремизма в российском обществе». Одним из важных ее положений является создание и применение в образовательных учреждениях всех уровней программ, направленных на формирование толерантного сознания, веротерпимости и обучение межкультурному диалогу. Таким образом, развитие установки на толерантное поведение необходимо начинать еще в процессе обучения в образовательных учреждениях высшего профессионального образования Федеральной службы исполнения наказаний (далее вузы ФСИН России).

Следует отметить, что установка на толерантное поведение необходима там, где существуют группы людей

с противоположными социальными установками (нравственными, политическими, религиозными), что особенно характерно для пенитенциарных учреждений. Изучая и в дальнейшем развивая установку на толерантное поведение, мы находим для сотрудника уголовно-исполнительной системы (далее - УИС) альтернативу таким качествам личности, как конфликтность и агрессия, которые являются препятствующим фактором эффективности служебной деятельности.

Толерантность как свойство личности позволяет сотруднику оставаться устойчивым при воздействии фрустраторов, достигать взаимного понимания и согласования разного рода интересов и точек зрения без применения давления, преимущественно методами разъяснения и убеждения, а также воздерживаться от причинения вреда всем и самому себе. Это исходное положение определяет актуальность данной проблемы для УИС.

Имеющие место в деятельности уголовно-исполнительной системы конф-

33. Rubin I. M., Cambell T. The ABC's of effective feedback. San Francisco.: Jossey - Bass, 1998.

34. Sanitioso R, Wlodarski R. In search of information that confirms a desired self-perception: motivated processing of social feedback and choice of social interactions // PSPB, 2004, Vol. 30, №4, pp. 412-422.

35. Sosik J. J., Potosky D., Dong I. Adaptive self-regulation: meeting others' expectations of leadership and performance. // Journal of Social Psychology, 2002, Vol. 142, Issue 2, p. 211.

36. Tata J. The influence of managerial accounts on employee's reactions to negative feedback // Group and organizational management, 2002, Vol. 27, №4, pp. 480-503.

Развитие установки на толерантное поведение в общении (на примере курсантов и слушателей образовательных учреждений высшего профессионального образования ФСИН России)

Д. В. Пестриков

Гуманизация процесса исполнения уголовных наказаний предполагает при подготовке будущих специалистов в образовательных учреждениях ФСИН России развитие установки на толерантное поведение, на что ориентирует принятая Правительством Российской Федерации Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактики экстремизма в российском обществе». Одним из важных ее положений является создание и применение в образовательных учреждениях всех уровней программ, направленных на формирование толерантного сознания, веротерпимости и обучение межкультурному диалогу. Таким образом, развитие установки на толерантное поведение необходимо начинать еще в процессе обучения в образовательных учреждениях высшего профессионального образования Федеральной службы исполнения наказаний (далее вузы ФСИН России).

Следует отметить, что установка на толерантное поведение необходима там, где существуют группы людей

с противоположными социальными установками (нравственными, политическими, религиозными), что особенно характерно для пенитенциарных учреждений. Изучая и в дальнейшем развивая установку на толерантное поведение, мы находим для сотрудника уголовно-исполнительной системы (далее - УИС) альтернативу таким качествам личности, как конфликтность и агрессия, которые являются препятствующим фактором эффективности служебной деятельности.

Толерантность как свойство личности позволяет сотруднику оставаться устойчивым при воздействии фрустраторов, достигать взаимного понимания и согласования разного рода интересов и точек зрения без применения давления, преимущественно методами разъяснения и убеждения, а также воздерживаться от причинения вреда всем и самому себе. Это исходное положение определяет актуальность данной проблемы для УИС.

Имеющие место в деятельности уголовно-исполнительной системы конф-

ликты, массовые беспорядки и их анализ свидетельствуют, что причины их часто кроются не только в повышенной криминальности осужденных, но и в интолерантном поведении сотрудников УИС.

Нам представляется, что в процессе обучения курсантов и слушателей в вузах ФСИН России толерантность развивается как психологическое качество, имеющее сложную структуру. Мы исходим из понимания толерантности в рамках общения курсанта (слушателя) в процессе обучения в вузе ФСИН России. Особенности развития установки на толерантное поведение в общении курсантов и слушателей образовательных учреждений представляют интерес в комплексе проблем юридической психологии.

Таким образом, изучение психологических особенностей развития установки на толерантное поведение курсантов и слушателей образовательных учреждений ФСИН России в ходе подготовки к будущей профессиональной деятельности является актуальным для современной юридической психологии.

В отечественной психологии толерантность изучается как психологический феномен (А. Г. Асмолов, С. К. Бондырева, Д. В. Колесов, С. Л. Братченко, В. В. Бойко, Е. Ю. Клепцова, А. Г. Маклаков) в плане национальной, религиозной и расовой нетерпимости, ксенофобии (А. Г. Асмолов, Г. У. Солдатова и др.).

Изучение проблемы психологических особенностей установки на толерантное поведение в общении представлено в трудах В. В. Бойко, который рассматривает ее как основной компонент, влияющий на эффективность коммуникативной деятельности. В рам-

ках юридической психологии затрагиваются лишь отдельные вопросы, близкие к проблематике толерантности/интолерантности как характеристике профессионально важных качеств сотрудников правоохранительных органов (А. М. Столяренко, В. М. Поздняков, И. А. Папкин, А. И. Ушатиков, В. Н. Смирнов, Д. В. Сочивко и др.), обращается внимание на значимость толерантности для оптимизации труда сотрудников правоохранительных органов и на успешность их профессиональной деятельности. Однако проблема развития установки на толерантное поведение в общении у курсантов и слушателей вузов ФСИН России специально не изучалась, несмотря на ее значимость для успешной профессиональной деятельности будущего специалиста.

В зарубежной психологии исследовались: агрессивные формы поведения как проявление интолерантности (А. Басс, Л. Берковиц, Х. Хекхаузен); межэтническая толерантность (М. Боуэн, Т. Адорно, Т. Нельсон); способность к эмпатии (А. Маслоу, К. Роджерс).

Понятие «толерантность» используется в самых разных областях знания: этике, психологии, политике, теологии, философии, социологии, медицине и др. - таким образом, оно имеет междисциплинарный характер.

Можно согласиться с пониманием толерантности как терпимости (А. А. Гусейнов, И. С. Кон). По их мнению, это - моральное качество, характеризующее отношение к интересам, убеждениям, верованиям, привычкам и поведению других людей, выражающееся в стремлении достичь взаимного понимания и согласования разнородных интересов и точек зрения без применения давле-

ния, преимущественно методами разъяснения и убеждения.

Междисциплинарный анализ подходов к психологическому пониманию толерантности позволяет говорить о проявлении ее противоположности - интолерантности (нетерпимости), которая проявляется в широком диапазоне: от обычной невежливости, пренебрежительного отношения к другим или раздражения до агрессивности ко всем инакомыслящим, другим нациям, народностям, а в нашем случае - к людям, переступившим черту закона, - осужденным и заключенным.

Необходимо отметить, что в психологии и в настоящее время нет общепринятого понимания толерантности как сложного психологического феномена. На наш взгляд, одним из рабочих определений может быть следующее: толерантность как системное качество личности выражается в терпеливости, выносливости, отсутствии тяжелых переживаний и резких реакций, несмотря на наличие фрустраторов (Н. Д. Левитов). Представляется, что это понимание толерантности является более приемлемым в отношении психологии профессиональной деятельности сотрудников УИС.

Изучение установки на толерантное поведение в общении связано с социально-психологическим подходом, позволяющим связать личностную модель толерантности с коммуникативной, на основании чего представляется возможным изучить особенности установки на толерантное поведение в общении у курсантов и слушателей вузов ФСИН России.

Следует отметить, что при определении толерантности происходит его

расширенное или суженное толкование. Некоторые ученые (А. Г. Асмолов, Т. Адорно, Г. У. Солдатова, Э. И. Мещерякова) среди признаков толерантности называют: выносливость, допуск, допустимость отклонения. Другие включают нервно-психическую устойчивость (А. Г. Асмолов, С. Л. Братченко, А. Г. Маклаков) как компонент, входящий в структуру толерантности.

При дальнейшем рассмотрении научных подходов мы установили, что к компонентам структуры толерантности также относят: способность к эмпатии (А. Г. Асмолов, С. Л. Братченко), вид субъективного контроля (Е. С. Сухих), агрессивное поведение (А. Басс, Л. Берковиц, Х. Хекхаузен, С. К. Бондырева, Д. В. Колесов, Р. Р. Валитова), социально-психологическую компетентность (Б. И. Хасан, В. В. Бойко), личностный адаптационный потенциал (А. Г. Маклаков), психологические защиты (А. Г. Асмолов). Все эти компоненты позволяют обосновать нам структуру толерантности как психологического феномена.

Важнейшим этапом развития установки на толерантное поведение является обучение в специализированных вузах ФСИН России. На этой стадии, на наш взгляд, приобретаются необходимые знания, умения, навыки, происходит развитие установки на толерантное поведение.

Исследованием профессиональной подготовки курсантов (слушателей) высших образовательных учреждений ФСИН России и МВД РФ занимались И. В. Биочинский, А. В. Буданов, В. М. Галузинский, И. В. Горлинский, М. Г. Дедков, А. М. Киселев, М. И. Кузнецов, С. А. Лузгин, А. М. Лафуткин, В. М. Морозов, В. М. Поздняков, А. М. Столярен-

ко, С. Н. Тихомиров, Р. В. Пузыревский, А. Ф. Сизый, И. В. Упоров, А. А. Ушаков. Однако изучение толерантного поведения и процесса развития установки на него в общении у курсантов и слушателей оказалось мало исследованным в юридической психологии. Хотя в работах отдельных авторов мы находим указание на значимость толерантности как важного качества личности сотрудника УИС. Так, по мнению И. А. Папкина, особую важность для сотрудника представляет коммуникативная толерантность. Он связывает ее значимость со снижением уровня профессиональной виктимности и личной безопасности сотрудников правоохранительных органов.

На значимость исследования коммуникативной толерантности указывает и В. В. Бойко. Он понимает ее как «характеристику отношений к людям, показывающую степень переносимости ею неприятных или неприятных, психических состояний, качеств и поступков партнеров по взаимодействию». Солидаризируясь с В. В. Бойко, мы полагаем, что коммуникативная толерантность - одна из важнейших характеристик личности, связанная с установкой на толерантное общение персонала УИС.

Известно, что отношение сотрудников к осужденным нередко характеризуется предвзятостью, а иногда и неоправданной агрессивностью, неверием в возможность их исправления, превалированием наказательных мер перед убеждением, что свидетельствует о деформации в структуре толерантности.

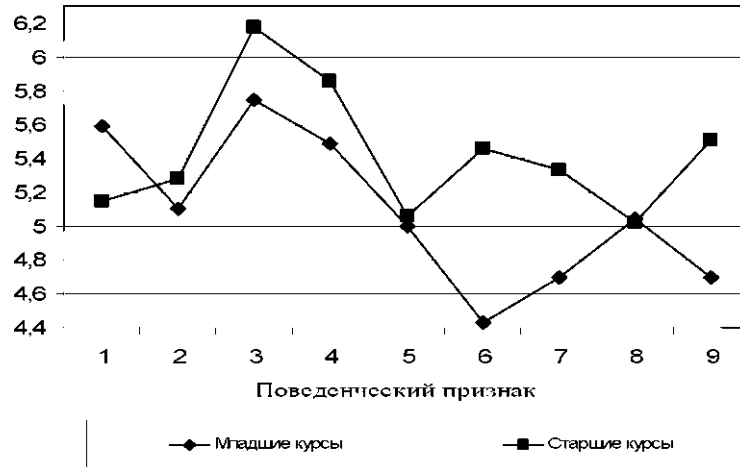
Анализ научных источников по проблеме психологического понимания толерантности позволил сделать вывод, что толерантность - это структурное ка-

чество личности, включающее установку на толерантное поведение в общении. Нам представляется, что развитие установки на толерантное поведение в общении способствует повышению эффективности в коммуникативной деятельности сотрудника уголовно-исполнительной системы.

На основании экспериментального исследования получены основные данные, характеризующие установку на толерантное поведение в общении курсантов и слушателей в зависимости от курса обучения.

Примечание. Поведенческие признаки коммуникативной толерантности (В. В. Бойко): 1-й - неприятие или непонимание индивидуальности человека; 2-й - рассматривает в качестве эталона себя; 3-й - категоричен или консервативен в оценках людей; 4-й - не умеет скрывать или сглаживать неприятные чувства; 5-й - стремится переделать, перевоспитать партнера; 6-й - хочет подогнать партнера под себя; 7-й - не умеет прощать другому его ошибки; 8-й - нетерпим к физическому или психическому дискомфорту партнера; 9-й - плохо приспосабливается к характерам окружающих.

Эмпирическое исследование осуществлялось на базе Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. В рамках констатирующей части исследования приняли участие 482 курсанта и слушателя в возрасте от 16 до 23 лет, обучающиеся в Академии ФСИН России, Вологодском институте права и экономики ФСИН России и Самарском юридическом институте ФСИН России. С целью экспериментального анализа данных выборка была поделена на две группы:

Рис. 1. Динамика изменения установки на толерантное общение у курсантов и слушателей в вузах ФСИН России, в зависимости от курса обучения.

в первую вошли обучающиеся на младших курсах (I и II курс, 16-19 лет); во вторую - на старших курсах (III-V курс, 20 лет и старше).

Проведенный анализ экспериментальных данных показал, что установка на толерантное поведение в общении у курсантов и слушателей вузов ФСИН России имеет неодинаковую динамику. Для изучения развития установки нами был проведен сравнительный анализ данных по показателям, входящим в структуру толерантности.

За ключевой показатель была взята шкала коммуникативной толерантности В. В. Бойко, позволяющая диагностировать поведенческие признаки, характеризующие установку на толерантное поведение в общении.

На рис. 1 видно, что наиболее максимальные различия имеют показатели по следующим поведенческим признакам: «человек хочет подогнать партнера под себя» (6-й признак); «че-

ловек не умеет прощать другому его ошибки» (7-й признак); «человек плохо приспосабливается к характерам окружающих» (9-й признак).

При анализе полученных результатов выяснилось, что значения данных показателей имеют значимые различия по t-критерию Стьюдента (6-й и 9-й поведенческие признаки на уровне значимости $p < 0,001$; 7-й на уровне значимости $p < 0,02$).

Согласно результатам анализа данных экспериментального исследования категория респондентов, получивших высокие показатели по 6-му поведенческому признаку, составила не менее 22% на старших курсах и не более 14% - на младших курсах.

Данный показатель является элементом установки на авторитаризм у респондентов, что является характерным признаком интолерантного поведения. При проведении корреляционного анализа на уровне значимости

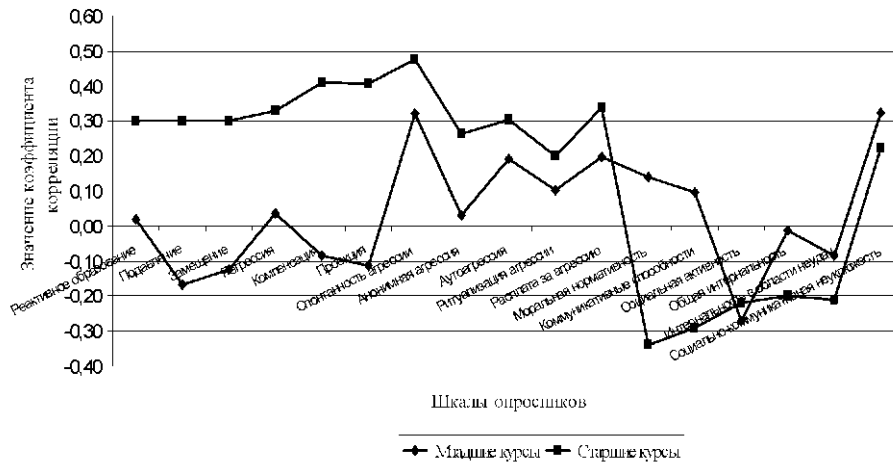
$p < 0,001$ нами было установлено, что обучающиеся на старших курсах, получившие высокие показатели по данному поведенческому признаку, имеют склонность к спонтанной агрессии (0,48), к выраженности механизмов психологических защит - «компенсация» (0,40), «проекция» (0,42), «замещение» (0,30), «реактивные образования» (0,30), низкий уровень моральной нормативности (-0,34), коммуникативных способностей (-0,30).

В ходе анализа полученных результатов исследования установлено, что 6-й поведенческий признак коммуникативной толерантности (желание подогнать партнера под себя) имеет больше значимых корреляций с другими структурными компонентами толерантности у обучающихся на старших курсах, чем на младших (рис. 2). Например, у курсантов старших курсов коммуникативная агрессия проявляется не только как спонтанная и вызывающая состояние удовольствия, но и характеризуется расплатой за агрессию по отношению к себе. Коммуникативная агрессия проявляется как в коммуникативной грубости, так и в отношениях к мнениям, убеждениям, мировоззрению другого человека, его личностным особенностям. Так, обучающиеся на старших курсах отмечают, что когда партнер по общению выражает недопустимые «выпады», 50% респондентов, получивших высокие показатели по 6-му поведенческому признаку, считают, что необходимо ответить тем же. Данная позиция свидетельствует о выраженности осознанной установки на интолерантное поведение в общении.

Важным представляется сравнение коэффициентов парной корреля-

ции шестого поведенческого признака коммуникативной толерантности («человек не умеет прощать другому его ошибки») с механизмами психологических защит у обучающихся на старших и младших курсах. Анализ коэффициентов парной корреляции (рис. 2) показал, что некоторые из них не превышают значение 0,30 или -0,30, что свидетельствует о слабой корреляции. В то же время сравнительный анализ позволил констатировать различия в значениях коэффициентов корреляции между показателями защитных механизмов у обучающихся на старших и младших курсах. Как видно на рис. 2, у курсантов старших курсов по шестому поведенческому признаку (желание подогнать партнера под себя) коэффициенты корреляции значительно выше, чем у курсантов младших курсов. Следовательно, нам представляется возможным утверждать, что толерантность у обучающегося на младших курсах не имеет значимой связи с защитным поведением, но в процессе обучения в вузе ФСИН России ее развитие связано с выраженностью защитных механизмов, ведущими из которых являются «компенсация», «проекция», «отрицание». Таким образом, в процессе обучения динамика психологических показателей установки на толерантное поведение связана с развитием защитного поведения.

Вторым по актуальности поведенческим признаком коммуникативной толерантности стал такой признак, как «неумение приспособливаться к партнерам по общению». Численность респондентов, получивших высокие показатели по этому признаку, составила не менее 26% от обучающихся на старших

Рис. 2. Коэффициенты парной корреляции 6-го поведенческого признака со шкалами дополнительных опросников на уровне значимости $p = 0,001$.

курсах и не более 17% от обучающихся на младших курсах.

Проведенный сравнительный анализ показателей по поведенческому признаку обучающихся старших и младших курсов показывает их некоторое сходство в личностных характеристиках. Однако выделен ряд качеств, которые присущи только одной из исследуемых групп. Так, обучающиеся старших курсов, получившие высокие показатели по 9-му поведенческому признаку, характеризуются значимыми корреляционными связями с выраженными формами коммуникативной агрессии (спонтанная агрессия - 0,40 и отраженная агрессия - 0,31), механизмами психологических защит («проекция» - 0,47 и «компенсация» - 0,68), уровнем эмпатических способностей (-0,55), тогда как у слушателей младших курсов таких связей не выявлено, но последние характеризуются низкой социальной активностью - 0,31, что, как мы считаем, связано с процес-

сом адаптации к условиям вуза ФСИН России. Необходимо подчеркнуть, что данный поведенческий признак имеет аналогичные корреляции с показателями шкал теста «Определение интегральных форм коммуникативной агрессивности» (В. В. Бойко), как и 6-й поведенческий признак коммуникативной толерантности «желание подогнать партнера под себя».

Третьим по максимальности различий между показателями исследуемых групп является 7-й поведенческий признак - «неумение прощать другому ошибки».

При проведении корреляционного анализа было установлено, что обучающиеся старших курсов, получившие высокие значения по 7-му поведенческому признаку коммуникативной толерантности «неумение прощать другому ошибки», склонны к спонтанной агрессии - 0,43, нетерпимости к неопределенности - 0,56, к таким видам механизмов психологических защит, как

«компенсация» - 0,60 и «отрицание» - 0,72.

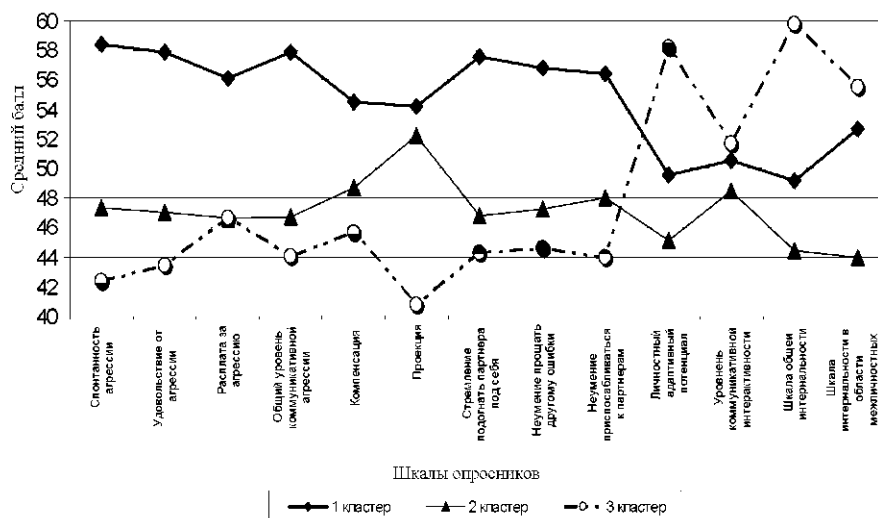
Таким образом, анализ данных по поведенческим признакам позволил выявить следующую психологическую закономерность - на младших курсах защитное поведение не связано с установкой на толерантное поведение в коммуникативном общении, тогда как на старших курсах установка характеризуется усилением связи с проекционно-компенсаторным защитным поведением. Нам представляется необходимым при психодиагностике толерантности учитывать выраженность механизмов психологических защит, которые являются показателями, характеризующими установку на толерантное поведение в общении.

В зависимости от курса обучения структурные компоненты толерантности, характеризующиеся связью с показателями установки на толерантное поведение в общении, имеют определенную динамику. Так, к пятому курсу структура толерантности личности обучающегося характеризуется выраженностью защитных механизмов, установки на доминирование в общении, форм коммуникативной агрессии, поведенческих признаков коммуникативной интолерантности (неумение прощать другому ошибок, неумение приспособливаться к партнерам по общению, стремление подогнать партнера под себя), снижением уровня общей интернальности. Следовательно, в процессе подготовки в вузе ФСИН России происходит развитие таких психологических особенностей у обучающегося, которые препятствуют актуализации установки на толерантное поведение в общении.

Для определения типов обучающихся использован метод кластерного анализа. Данный метод позволил более глубоко изучить природу толерантности и характер ее связей с личностными диспозициями установок респондентов, представленных в общении. С помощью компьютерного алгоритма в совокупной выборке из 482 респондентов выделены три кластера, которые в данном случае могут интерпретироваться как три типа личности. Они различаются между собой структурными компонентами толерантности и показателями установки на толерантное поведение в общении, которые были определены с помощью корреляционного анализа по данным экспериментального исследования динамики установки на толерантное поведение в коммуникативном общении у обучающихся в вузах ФСИН России: поведенческие признаки коммуникативной толерантности, личностный адаптационный потенциал, локус-контроль, эмпатия, нервно-психическая устойчивость, социально-коммуникативная и перцептивная компетентность, формы коммуникативной агрессии, механизмы психологических защит «проекция» и «компенсация».

Следует отметить, что выделение данных типов носило эмпирический характер, критерии классификации для изучения установки на толерантное поведение в общении нами были заданы специально. Компьютерный алгоритм кластерного анализа объединил респондентов по сходству их психологических профилей по определенному комплексу показателей.

Определены три типа обучающихся, отличающихся между собой по показателям (рис. 3), характеризующим

Рис. 3. Результаты кластерного анализа показателей, характеризующих установку на толерантное общение обучающихся в вузах ФСИН России.

установку на толерантное поведение в служебном общении: толерантный, сомневающийся, нетерпимый.

Нетерпимый тип личности обучающихся в вузе ФСИН России характеризуется низким уровнем развитости коммуникативных навыков, наличием социально-психологических установок, препятствующих эффективности коммуникативной деятельности, сниженным уровнем личностного адаптивного потенциала (в сравнении с толерантным типом), выраженностью форм коммуникативной агрессии и поведенческих признаков коммуникативной интолерантности. Следует отметить, что для данного типа личности характерно стремление к самостоятельной деятельности и он имеет достаточный уровень коммуникативной интерактивности. Нам представляется, что это достигается путем адаптации к особенностям процесса общения, через актуализацию механизмов психологических

защит, препятствующих конструктивному диалогу. Следовательно, межличностные отношения, в которые включены представители данного типа, могут характеризоваться неконструктивным поведением в общении, что определяет необходимость проведения психокоррекционных мероприятий с представителями данного типа личности.

Сомневающийся тип личности характеризуется психологическими качествами, препятствующими толерантности в общении. Так, по показателям психодиагностических методик, данный тип личности характеризуется недостаточным личностным адаптивным потенциалом, низким уровнем нервно-психической устойчивости, преобладанием экстернатального вида субъективного контроля, социально-психологическими установками, препятствующими коммуникативной интерактивности, однако он характеризуется средним уровнем коммуника-

тивной толерантности и коммуникативной агрессии. Таким образом, уровень коммуникативной толерантности сомневающегося типа личности находится в рамках нормы, но параллельный анализ с показателями опросника LSI позволяет утверждать, что данный уровень толерантности вынужденно построен на защитных механизмах из-за недостаточного личностного адаптационного потенциала. Следовательно, мы можем утверждать, что личностные особенности представителей данного типа препятствуют актуализации установки на толерантное поведение в общении, что значительно снижает эффективность коммуникативной деятельности.

В свою очередь, анализ показателей толерантного типа личности свидетельствует о наличии структурных компонентов толерантности, актуализирующих установку на толерантное поведение в общении. Мы считаем, что это связано с высоким личностным адаптационным потенциалом и преобладанием интернального вида локус-контроля в личности представителей данного типа, что позволяет избегать актуализации защитного поведения, препятствующего конструктивности в процессе общения.

Проведенное исследование развития установки на толерантное поведение в общении курсантов и слушателей образовательных учреждений высшего профессионального образования ФСИН России позволяет сформулировать следующие выводы и предложения.

1. Междисциплинарный анализ научных источников позволил определить основные компоненты, входящие

в структуру толерантности: эмпатия, нервно-психическая устойчивость, локус-контроль, формы агрессивного поведения, социально-психологическая компетентность и личностный адаптационный потенциал, механизмы психологических защит. Изучение механизмов психологических защит показало, что они характеризуют особенности функционирования установки, определяющей толерантное или интолерантное поведение в межличностных отношениях, влияющих на конструктивность процесса общения.

2. Толерантность как системное качество личности обучающегося изменяется в процессе обучения в вузе ФСИН России, о чем свидетельствует сравнительный анализ состояния выраженности установки на толерантное поведение в общении у курсантов (слушателей) старших и младших курсов. Установка на толерантное поведение в общении обучающихся на старших курсах характеризуется актуализацией защитных механизмов, авторитаризмом, проявлением различных форм коммуникативной агрессии, снижением уровня общей интернальности, наличием поведенческих признаков коммуникативной интолерантности (неумение прощать другому ошибок, плохая приспособляемость к партнерам по общению, стремление подогнать партнера под себя).

Полученные результаты экспериментального исследования рекомендуются использовать при отборе кандидатов на обучение в образовательные учреждения высшего профессионального образования ФСИН России и при дальнейшем их психологическом сопровождении в процессе профессио-

нальной подготовки в вузах ФСИН России.

3. В результате анализа эмпирических данных выделены три типа обучающихся в вузе ФСИН России в зависимости от выраженности психологических показателей, характеризующих установку на толерантное поведение в общении: толерантный, сомневающийся, нетерпимый.

Проведенный анализ личностных особенностей трех типов личности определяет необходимость психокоррекционной работы, направленной на развитие и коррекцию у обучающегося установки на толерантное поведение в общении, с сомневающимся и нетерпимым типом личности обучающегося в вузе ФСИН России.

Литература:

1. Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001-2005 годы)»: Утв. Пост. Правительства Российской Федерации от 25 августа 2001 г. № 629, И. 2001.

2. См.: Кулакова Н. И. Толерантность: современное понимание // Взаимодействие ОВД, образовательных учреждений и общественных организаций в деле формирования установок толерантности и борьбы с экстремизмом в российском обществе: Материалы науч.-практ. конф. Рязань, 2002. С. 41-46.

Особенности психокоррекционной работы с сотрудниками спецподразделений ФСИН России при выполнении служебных задач

Ю. Ю. Красикова

На современном этапе развития нашего общества участие сотрудников спецподразделений ФСИН России в контртеррористических операциях входит в состав их служебных обязанностей. Они периодически привлекаются к выполнению служебно-боевых задач в рамках антитеррористической операции на Северном Кавказе.

Деятельность сотрудников спецподразделений ФСИН России при выполнении служебно-боевых задач в

экстремальных условиях существенно осложняется воздействием на них комплекса экстремальных факторов, которые могут вызывать расстройства психической деятельности. Операции по разоружению незаконных вооруженных формирований на территории Северо-Кавказского региона являются примером оперативной служебной деятельности в условиях максимальной психической нагрузки. Эти условия приводят к изменениям личности, которые в дальнейшем ска-

нальной подготовки в вузах ФСИН России.

3. В результате анализа эмпирических данных выделены три типа обучающихся в вузе ФСИН России в зависимости от выраженности психологических показателей, характеризующих установку на толерантное поведение в общении: толерантный, сомневающийся, нетерпимый.

Проведенный анализ личностных особенностей трех типов личности определяет необходимость психокоррекционной работы, направленной на развитие и коррекцию у обучающегося установки на толерантное поведение в общении, с сомневающимся и нетерпимым типом личности обучающегося в вузе ФСИН России.

Литература:

1. Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001-2005 годы)»: Утв. Пост. Правительства Российской Федерации от 25 августа 2001 г. № 629, И. 2001.

2. См.: Кулакова Н. И. Толерантность: современное понимание // Взаимодействие ОВД, образовательных учреждений и общественных организаций в деле формирования установок толерантности и борьбы с экстремизмом в российском обществе: Материалы науч.-практ. конф. Рязань, 2002. С. 41-46.

Особенности психокоррекционной работы с сотрудниками спецподразделений ФСИН России при выполнении служебных задач

Ю. Ю. Красикова

На современном этапе развития нашего общества участие сотрудников спецподразделений ФСИН России в контртеррористических операциях входит в состав их служебных обязанностей. Они периодически привлекаются к выполнению служебно-боевых задач в рамках антитеррористической операции на Северном Кавказе.

Деятельность сотрудников спецподразделений ФСИН России при выполнении служебно-боевых задач в

экстремальных условиях существенно осложняется воздействием на них комплекса экстремальных факторов, которые могут вызывать расстройства психической деятельности. Операции по разоружению незаконных вооруженных формирований на территории Северо-Кавказского региона являются примером оперативно-служебной деятельности в условиях максимальной психической нагрузки. Эти условия приводят к изменениям личности, которые в дальнейшем ска-

зываются как на общем психологическом состоянии сотрудников спецподразделений ФСИН России, так и на всей системе отношений личности и ее психодинамике, иногда вплоть до развития психических отклонений и заболеваний.

Для успешного проведения психокоррекционной и психопрофилактической работы необходимо учитывать сопротивление, которое сотрудники спецподразделений, как и всякий клиент психотерапевта, оказывают в процессе получения психологической помощи. Эти сопротивления исходят из защитной сферы и впервые были описаны З. Фрейдом. Как пишут авторы учебника по гештальт-терапии Н. М. Лебедева и Е. А. Иванова, термин «сопротивление» заимствован из психоанализа, где он имеет буквальный и понятный смысл. Клиент психоаналитика сопротивляется аналитику и процессу анализа: лукавит с ассоциациями, не принимает интерпретаций, преадаптится внешнему отреагированию вместо проживания невроза трансфера и так далее. Ф. Перлз пользовался этим термином в бытность свою аналитиком и продолжает его употреблять, сделавшись гештальтистом, но совсем в другом значении. Новое значение «сопротивления» парадоксально - это сопротивление удовлетворению собственных потребностей!».

Как правило, основная масса сотрудников отрицает наличие проблем в связи с фактором травмирующей ситуации, болезненно переживая и агрессивно реагируя на предложения медицинской и специализированной психологической помощи. Но, тем не менее, многие осознают, что какие-то

изменения с ними произошли. Иногда отмечая при этом появление трудностей в межличностных конфликтах за пределами своего социума, постоянно жестко разделяя окружающих на своих и чужих и считая себя выше и сильнее других людей. Такие состояния как отчаяние, фрустрация, апатия, конфликты с близкими, приводят к формированию у сотрудников спецподразделений искаженной картины мира, а также к агрессивному и конфликтному поведению.

Одной из распространенных ошибок при применении психокоррекционных процедур по возвращении к постоянному месту службы является попытка вернуть сотрудников к «прежним» стереотипам жизнедеятельности и общения, без учета тех особенностей, которые произошли с ними в период служебной командировки.

В рамках исследования использовался тест-опросник «Индекс жизненного стиля» (LSI Р. Плутчик, Г. Келлерман, Х. Конт) для определения типа наиболее часто используемых механизмов защит, на основе которых разработаны практические рекомендации для эффективной психокоррекционной работы с сотрудниками спецподразделений ФСИН России, участвовавшими в выполнении служебно-боевых задач. На базе данного тест-опросника выявлена специфическая факторная структура психологических защит у сотрудников спецподразделений ФСИН России. Показаны изменения ее психодинамики до и после служебной командировки.

Факторная структура защитной сферы до убытия в зону вооруженного

конфликта состоит из трех факторов, первый из которых имеет достаточно типичный состав защит, окружающих проекционно-регрессионный механизм избегания неприятных и сложных ситуаций. Остальные два фактора включают в себя пары защит с разными знаками нагрузок.

Именно поэтому факторная структура защитной сферы существенно изменяется после возвращения из служебной командировки. В частности, компенсация объединяется с переносом (замещением), что свидетельствует о потребности более глубокого осмысления своих отношений с окружением (особенно если они строятся по типу переноса своего негатива на других).

В целом факторная структура становится развернутой, добавляется еще один фактор. Каждый фактор включает в себя две защиты. Такая факторизация защит свидетельствует об их объединении в психодинамические циклы, которые можно рассматривать как направления психотерапевтической работы с сопротивлениями.

Первый фактор «регрессионное подавление» предполагает дефлексивное сопротивление с регрессом в детство, по типу: «Я не готов ответить, не знаю, не видел (и т. п.), и вообще, мне еще рано об этом думать (я не так умен...)».

Второй фактор «рационализация отрицания» лучше всего может быть представлен цитатой классика: «Этого не может быть, потому что не может быть никогда». При таком сопротивлении дефлексивного типа требуется настойчивая фиксация на реальности происходящего.

Третий фактор «компенсация замещений» предполагает уже пред-

посылку личностного роста, направленности сотрудников спецподразделений на анализ межличностных отношений.

Четвертый фактор «реактивные проекции» предполагает превращение проекций в реактивные образования, по типу «ты виноват уж тем, что хочется мне кушать». У сотрудников спецподразделений часто встречается высказывание «кто начальник, тот и прав».

Таковы основные сопротивления предпосылок к личностному росту, которые выявлены в нашем исследовании как специфические для сотрудников спецподразделений ФСИН России после возвращения из служебной командировки. Их целесообразно учитывать в организации психокоррекционных мероприятий.

Основным вектором изменения внутренней психодинамики, обуславливающей личностный рост сотрудников спецподразделений является нарастающее глубинное противодействие между осознаваемым ростом самодостаточности и неосознаваемой острой потребностью в принятии близким окружением и самопринятии. Изменения личности сотрудников спецподразделений в период выполнения боевых задач по типу личностного роста происходят по двум основным направлениям:

- перестройка защитной сферы личности в направлении снижения сопротивления личностному росту;
- перестройка психодинамики базовых личностных свойств, направленная на принятие близким окружением и формирование нового, устойчивого социального статуса в

новом качестве и на новом уровне личностного развития.

Одной из важных тенденций, которая характеризует психодинамические особенности сотрудников спецподразделений ФСИН России, участвовавших в контртеррористических операциях, заключается в том, что сотрудники не осознают наиболее важные факторы, которые определяют их поведение. Не осознается направленность личностного роста по таким критериям (как внутренним, так и внешним), которые заключаются в формировании новой системы мировоззренческих ценностей - это самопринятие и принятие близкими, ответственность выбора, целостность, динамичность, социализированность, творческая адаптивность.

Возвратившиеся сотрудники спецподразделений нуждаются в большой глубине и содержательности общения, а также формировании неконфликтного стиля общения. Остро проявляются потребности быть выслушанным, понятым, психологически защищенным.

В первую очередь, с такими людьми необходимо проводить большую, кропотливую работу по разъяснению причин нарушения душевного равновесия и гармонии с окружающим миром, тех неприятных ощущений и тяжелых переживаний, которые зачастую сопровождают послевоенную жизнь. При этом необходимо подчеркнуть, что это вполне закономерные последствия пребывания человека в ненормальных для него обстоятельствах, каковыми являются ситуации угрозы для жизни. От них трудно избавиться самому и именно поэтому

сотрудник нуждается в помощи профессионального психолога. Для этого необходимо сформировать готовность у сотрудников спецподразделений работать с психологами.

Таким образом, метод гештальт-терапии является одним из эффективных методов терапии, так как он заключается в снятии блокировки, стимулировании процесса личностного развития и реализации потребностей. В связи с этим, ключевым аспектом психокоррекционного процесса является осознание и переживание контакта с самим собой и окружением. Внимание и активность психолога концентрируется на том, чтобы помочь сотруднику спецподразделения, по прибытии к постоянному месту службы, в расширении и обогащении осознания и способности переживания своего контакта с окружающим и внутренним миром. Много внимания также психолог должен уделять повышению осознания различных установок и способов поведения и мышления у сотрудников спецподразделений, которые закрепились в прошлом. Также важной особенностью этого метода является раскрытие их значений и функций в настоящее время.

Проблема изучения психодинамики личности сотрудников спецподразделений ФСИН России, участвовавших в выполнении служебно-боевых задач в следующих направлениях является перспективной областью исследований. Дальнейшее ее развитие возможно в направлении изучения духовно-нравственных (психологических) основ подготовки к несению службы в боевых условиях.

Литература:

1. Караяни А. Г., Сыромятников И. В. Прикладная военная психология. - СПб.: Питер, 2006. - (Серия «Учебное пособие»).
2. Колодзин Б. Как жить после психологической травмы. М., 1992.
3. Лебедева Н. М., Иванова Е. А. Путешествие в гештальт. СПб., 2005.
4. Магомед-Эминов М. Ш. Трансформация личности. М., 1998.
5. Сочивко Д. В. Расколотый мир. Опыт анализа психодинамики человека в экстремальных условиях жизнедеятельности. - М.: ПЕР СЭ, 2002.
6. Столяренко А. М. Экстремальная психопедагогика: Учеб. пособие для вузов. - М.: ЮНИТИ - ДАНА, 2002.

Типологический подход к исследованию характера осужденных**О. А. Майоров**

Вопрос о соотношении индивидуального и типического в характере имеет большое теоретическое и практическое значение. Следует считать глубоко ошибочными попытки свести характер только к общим или только к индивидуальным чертам. Если каждый характер рассматривать как носителя некоторого типа, к которому полностью сводится его своеобразие, то это приведет к отказу от рассмотрения живого человека со всеми его конкретными чертами и формами деятельности и к ограничению лишь конструированием типологий. Став же на точку зрения существенности только индивидуального в характере, мы тем самым останавливаемся перед фактом бесконечного разнообразия совершенно различных характеров, в которых не отражаются общие черты. Если психология должна иметь дело только с индивидуальными характерами, отказываясь от рассмотрения типического, то она фактически не будет вправе пользоваться какого-либо рода характерологическими понятиями, так как каждое понятие основано на обобщении.

По словам Н. Д. Левитова вопрос о соотношении индивидуального и типического в характере решается следующим образом: «Проблема разрешается тем, что единичное, или индивидуальное, и типическое, или общее (групповое), в характере - противоположности, образующие единство». Подобным же образом сопоставляет индивидуальное и типическое в характере С.Л. Рубинштейн: «Общие, типические и индивидуальные черты в характере человека всегда представлены в единстве и взаимопроникновении, так что общее, типическое выступает в индивидуально-своеобразном преломлении; поэтому существенное свое выражение характер человека часто получает как раз в присущем ему индивидуально-своеобразном поведении». Исследуя интегральную индивидуальность личности, В.С. Мерлин высказывает свою точку зрения о соотношении индивидуального и типического: «Человеку присуще бесконечное количество свойств и особенностей. Очевидно, что такая бесконечность не может быть объектом специального изучения. Для того

Литература:

1. Караяни А. Г., Сыромятников И. В. Прикладная военная психология. - СПб.: Питер, 2006. - (Серия «Учебное пособие»).
2. Колодзин Б. Как жить после психологической травмы. М., 1992.
3. Лебедева Н. М., Иванова Е. А. Путешествие в гештальт. СПб., 2005.
4. Магомед-Эминов М. Ш. Трансформация личности. М., 1998.
5. Сочивко Д. В. Расколотый мир. Опыт анализа психодинамики человека в экстремальных условиях жизнедеятельности. - М.: ПЕР СЭ, 2002.
6. Столяренко А. М. Экстремальная психопедагогика: Учеб. пособие для вузов. - М.: ЮНИТИ - ДАНА, 2002.

Типологический подход к исследованию характера осужденных**О. А. Майоров**

Вопрос о соотношении индивидуального и типического в характере имеет большое теоретическое и практическое значение. Следует считать глубоко ошибочными попытки свести характер только к общим или только к индивидуальным чертам. Если каждый характер рассматривать как носителя некоторого типа, к которому полностью сводится его своеобразие, то это приведет к отказу от рассмотрения живого человека со всеми его конкретными чертами и формами деятельности и к ограничению лишь конструированием типологий. Став же на точку зрения существенности только индивидуального в характере, мы тем самым останавливаемся перед фактом бесконечного разнообразия совершенно различных характеров, в которых не отражаются общие черты. Если психология должна иметь дело только с индивидуальными характерами, отказываясь от рассмотрения типического, то она фактически не будет вправе пользоваться какого-либо рода характерологическими понятиями, так как каждое понятие основано на обобщении.

По словам Н. Д. Левитова вопрос о соотношении индивидуального и типического в характере решается следующим образом: «Проблема разрешается тем, что единичное, или индивидуальное, и типическое, или общее (групповое), в характере - противоположности, образующие единство». Подобным же образом сопоставляет индивидуальное и типическое в характере С.Л. Рубинштейн: «Общие, типические и индивидуальные черты в характере человека всегда представлены в единстве и взаимопроникновении, так что общее, типическое выступает в индивидуально-своеобразном преломлении; поэтому существенное свое выражение характер человека часто получает как раз в присущем ему индивидуально-своеобразном поведении». Исследуя интегральную индивидуальность личности, В.С. Мерлин высказывает свою точку зрения о соотношении индивидуального и типического: «Человеку присуще бесконечное количество свойств и особенностей. Очевидно, что такая бесконечность не может быть объектом специального изучения. Для того

чтобы исследование индивидуальности было интегральным, достаточно изучить связи между ограниченным количеством индивидуальных свойств, но относящихся к разным иерархическим уровням».

Греческое слово «тип» имеет четыре основных значения: а) удар, б) то, что является результатом удара: примета, след, в) образ, характер и г) пример, образец. Эти значения представляют собой развитие содержания понятия типа от действия к результатам, неоформленным и оформленным (сравнить: примета, след, образ, характер), и, наконец, к чему-то нормативному. Имея в виду психологию человеческого характера, Н. Д. Левитов различает: а) типичность отдельных черт и проявлений для данного человека (обобщение в отношении к индивидууму); и б) типичность черт и проявлений для группы людей (обобщение в отношении нескольких индивидуумов). К типичности отдельных черт и проявлений для данного человека относится то в индивидуальности, что является более устойчивым, определенным, постоянным. Наоборот, неожиданное в поведении человека часто является нетипичным и потому нехарактерным. Типичность означает также показательность, яркую выраженность характера в целом или в его существенных особенностях. В этом смысле слова «типичное» и «характерное» для человека употребляются как синонимы.

Типичное может означать общее для целой группы людей. Характер относится к индивидуальным особенностям человека. Но не отражается ли в характере человека то, что свойственно другим людям? Если ранее мы говорили о типичном для данного человека, то теперь речь должна идти о типичном в данном

человеке для других людей. Данное положение может быть в полной мере рассмотрено при характеристике личности, принадлежащей любой социальной группе (большой или малой). Рассматривая такую категорию как осужденные, мы с полной уверенностью сможем выделить особенности характера личности осужденного как представителя данной социальной группы.

С. Л. Рубинштейн подчеркивает типическое в характере личности исходя из принадлежности ее не только к одной социальной группе, но и к определенной исторической эпохе: «В характере каждого человека есть черты и черточки, которые отражают своеобразие его индивидуального жизненного пути, его личного образа жизни. Но в нем же в той или иной мере по большей части представлены - в своеобразном индивидуальном преломлении - и черты, отражающие общие для людей данной эпохи особенности. В характерах эпохи получают свое типизированное идеальное выражение те общие многим людям, хотя и по-разному в них представленные, черты, которые связаны со временем, в котором люди живут. Подлинное понимание типического в различных характерах как реально общего, общего в единичном, типичного в индивидуальных возможно только на этой основе».

Данный принцип единства индивидуального и типического является основанием выделения различного рода типологий и классификаций характера, попытки создания которых неоднократно имели место в истории изучения характера как в отечественной, так и в зарубежной психологической науке.

Практическая значимость типологического подхода к исследованию лич-

ности подчеркивается многими учеными, так Ю. А. Алферов и Е. В. Черносивтов делают важное замечание: «Актуальность проблемы разработки типологии личности в настоящее время признается всеми учеными: социологами, экономистами, психологами, нейро-психофизиологами, медиками, психиатрами, а также представителями других наук. Огромное практическое значение такой типологии для всех сфер человеческой жизнедеятельности - воспитания, образования, выбора профессии, различных форм трудовой деятельности, управления, выбора и организации досуга, различных сфер медицинского обслуживания, в т. ч. психиатрии, а также исправления и перевоспитания осужденных в условиях ИТУ».

В результате специальных экспериментальных исследований по широкому спектру психодиагностики характерологических свойств личности осужденных (тест Р. Кеттелла «16-факторный личностный опросник» форма С, тест Леонгарда-Шмишека «Определение личностно-характерологических акцентуаций», опросник формально-динамических свойств индивидуальности В. М. Русалова, опросник Баса-Дарки «Диагностика состояния агрессии», методика «Диагностика эмоциональной направленности личности» Б. И. Додонова) методами многомерного анализа данных была построена двухуровневая типология характерологической сферы личности осужденного. На первом этапе по результатам факторного анализа было получено одиннадцать факторов, представляющих собой устойчивые типы характеров осужденных.

В первый фактор со значимыми весами входят шкалы физической агрес-

сии (0,650462), косвенной агрессии (0,631259), вербальной агрессии (0,628939), раздражительности (0,771707), негативизма (0,593369) и застревающего типа акцентуации характера (0,585109). Мы назовем данный тип характера «агрессивный». Для этого типа характерна вспыльчивость, грубость, высокая устойчивость аффекта, длительность эмоционального отклика, переживаний. Постоянное недовольство, неудовлетворенность чем-либо, практически всегда в подавленном настроении, нетерпимость к окружающим, жесткость и критичность суждений и установок, прямолинейность, конфликтность. Оскорбление личных интересов и достоинства, как правило, долго не забывается и никогда так просто не прощается. Проявление агрессивности в поведении, как устойчивой черты характера, возможно в диапазоне от вербального (визг, крик, словесные угрозы) до физического воздействия, направленного на объект (прямого) или другое лицо (косвенного). Второй фактор образуют шкалы демонстративности (0,876400), Н (робость - смелость) (0,763394) и Q2 (конформизм - нонконформизм) (-0,850532). Мы назовем данный тип характера «демонстративный». Данный тип характеризуется потребностью и постоянным стремлением произвести впечатление, привлечь к себе внимание, быть в центре внимания, это проявляется в тщеславном поведении, часто нарочито демонстративном. Поведение этих осужденных отличается сильным стремлением любым путем выделиться, добиться восхищения, удивления собой. Самое обидное для них - это остаться незамеченными. Они любят быть в центре внимания, обладают богатой фанта-

зией, склонны к позерству, очень высоко оценивают себя и, чтобы добиться признания могут пойти на ложь, причем зачастую делают это настолько искусно, что у собеседника не вызывает сомнений правдивость их слов. Смелость, предприимчивость, активность всегда направлены и ориентированы на социальное одобрение. В третий фактор со значимыми весами и отрицательным знаком входят шкалы тревожности (-0,885585), О (спокойствие - тревожность) (-0,898992), Q4 (расслабленность - напряженность) (-0,860006) и с положительным знаком шкала MD (адекватная самооценка - неадекватная самооценка) (0,889676). Данный тип характера мы назовем «самонадеянный». Данный тип характера отражает следующие особенности: расслабленность, спокойствие, низкая мотивация, излишняя удовлетворенность, невозмутимость, беспечность, безмятежность, жизнерадостность, хладнокровие, спокойствие. Данные осужденные зачастую переоценивают свои возможности, самоуверенны и довольны собой, как правило, они не раскаиваются и не чувствуют вины в содеянном. Четвертый фактор представлен шкалами обиды (0,558424), подозрительности (0,818225), и L (доверчивость - подозрительность) (0,773382). Мы назовем этот тип характера «подозрительный». Данный тип характера отражает такие особенности, как излишняя осторожность, эгоцентричность, настороженность по отношению к людям, подозрительность, склонность к ревности, стремление возложить ответственность за ошибки на окружающих, раздражительность, крайняя обидчивость, осужденные данного типа за-

частую могут проявлять зависть и даже ненависть к окружающим как за действительные, так и вымышленные действия. Пятый фактор образуют шкалы возбудимости (0,915923), F (сдержанность - экспрессивность) (0,887692) и шкала Q3 с отрицательным знаком (низкий самоконтроль - высокий самоконтроль) (-0,897181). Данный тип характера мы можем назвать «импульсивный». Этот тип отражает такие характерологические особенности, как экспрессивность, экспансивность, эмоциональная значимость социальных контактов, эмоциональная яркость в отношениях между людьми, динамичность общения, импульсивность, восторженность, безрассудность в выборе партнеров по общению. Вся манера общения и поведения данных осужденных в значительной мере зависит не от логики, не от рационального оценивания своих поступков, а обусловлена импульсом, влечением, инстинктом или неконтролируемыми побуждениями. В области социального взаимодействия, общения для них характерна крайне низкая терпимость, что часто может характеризоваться как отсутствие терпимости вообще, низкая дисциплинированность, зависимость от настроений, неумение контролировать свои эмоции и поведение. В шестой фактор со значимыми весами входят шкалы ЭРИ (эргичность интеллектуальная) (0,822953), ПИ (пластичность интеллектуальная) (0,514433), СИ (скорость интеллектуальная) (0,634037) и фактор В (интеллект) (0,792070). Мы назовем данный тип характера «сообразительный». Для осужденных данного типа характера свойственно развитое абстрактное мышление, оперативность, сообрази-

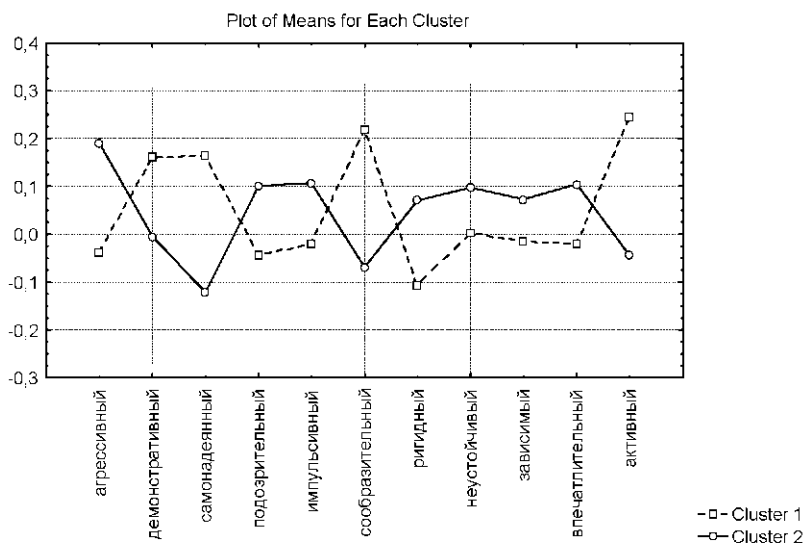
тельность, гибкость мышления, быстрая обучаемость, достаточно высокий уровень общей культуры, особенно вербальной. Для таких осужденных характерно постоянное стремление к разнообразным формам интеллектуальной активности, творческий подход к решению проблем. Седьмой фактор образуют шкала педантичности (0,754774) и шкала Q1 с отрицательным знаком (консерватизм - радикализм) (-0,777479). Данный тип характера можно назвать «ригидный». Для осужденных данного типа характерны следующие свойства: аккуратность, тяга к порядку, нерешительность и осторожность, консервативность, устойчивость по отношению к традициям, сомнение в отношении новых идей и принципов, склонность к морализации и нравоучениям, сопротивление переменам, узость интеллектуальных интересов, ориентация на конкретную реальную деятельность. Данные осужденные, прежде чем что-либо сделать, долго и тщательно все обдумывают, очевидно, за их внешней педантичностью стоит нежелание и неспособность к быстрым переменам, к принятию ответственности. Эти люди без нужды не меняют место работы, а если это требуется, то с трудом идут на это, любят свое производство, привычную работу. Восьмой фактор представлен шкалами циклотимности (0,778822) и С с отрицательным знаком (эмоциональная нестабильность - эмоциональная стабильность) (-0,730464). Данный тип характера мы назовем «неустойчивый». Человек находится под влиянием чувств, переменчив в настроениях, неустойчив в интересах, легко расстраивается. Низкая толерантность по отношению к фрустрации, раздражительность, утомляе-

мость. При этом перемены настроения являются и не редкими, и не случайными. В фазе «хорошего» настроения радостные события вызывают не только радостные эмоции, но также и жажду деятельности, повышенную словоохотливость, активность. Печальные события вызывают (причем очень быстро) не только огорчение, но и подавленность. В этом состоянии характерны замедленность реакций и мышления, замедление и снижение эмоционального отклика. В девятый фактор со значимыми весами и положительными знаками входят шкалы дистимности (0,547420) и N (прямолинейность - дипломатичность) (0,743951), с отрицательным знаком в данный фактор входит шкала E (подчиненность - доминантность) (-0,519736). Мы назовем данный тип характера «зависимый». Осужденные данного типа отличаются эмоциональной выдержанностью, серьезностью, даже подавленностью настроения, слабостью волевых усилий. Для них характерно пессимистическое отношение к будущему, заниженная самооценка. Их трудно назвать общительными, скорее они застенчивы, однако они умеют вести себя в обществе, в общении проявляют дипломатичность, тактичность, любезность и почтительность. Данные осужденные обычно не бывают лидерами в группах, им не свойственно проявление инициативы, они скорее зависимы от своего окружения. Им присущи такие качества, как осторожность, проницательность, хитрость, поэтому они обычно стараются избегать ситуаций, которые могут привести к межличностным противоречиям и неудачам. Десятый фактор образуют шкалы эмотивности (0,689885), экзальтированности (0,865132) и шкала I (жес-

тость - чувствительность! (0,892068). Данный тип характера мы назовем «впечатлительный». Для осужденных впечатлительного типа характера свойственны чувствительность, богатство эмоциональных переживаний, склонность к романтизму, художественное восприятие мира, развитые эстетические интересы, артистичность, женственность, склонность к эмпатии, сопереживанию и пониманию других людей, утонченная эмоциональность. Они легко приходят в восторг от радостных событий и в отчаяние от печальных. При этом внутренняя впечатлительность и переживание сочетаются с ярким их внешним выражением. Одиннадцатый фактор образуют шкалы: эргичность моторная (ЭМ) (0,765029), эргичность коммуникативная (ЭРК) (0,541587), пластичность моторная (ПМ) (0,616411), пластичность коммуникативная (ПК) (0,542435), скорость моторная (СМ) (0,765176), гипертим-

ности (0,503079), шкала А (замкнутость - общительность) (0,687062), шкала G (низкая нормативность поведения - высокая нормативность поведения) с отрицательным знаком (-0,804797). Мы можем назвать данный тип характера «активный». Для осужденных данного типа характера свойственны общительность, открытость, естественность, непринужденность, активность, готовность к сотрудничеству, внимание к людям, готовность к совместной работе, активность в устранении конфликтов в группе, приподнятое настроение. В поведении и общении - легкость в установлении непосредственных, межличностных контактов, трудности часто преодолевают без особого труда в силу органично присущей им активности и инициативности. Данные осужденные склонны к непостоянству, подвержены влиянию чувств, случая и обстоятельств, могут проявлять безответс-

Рис. 1. Характерологические особенности личности осужденных.

твенность и гибкость по отношению к социальным нормам.

Таким образом, факторная типология характерологических особенностей осужденных представлена одиннадцатью типами, каждый из которых отражает наиболее весомые характерологические особенности личности осужденного. Классификация осужденных на практике по описанным факторам может быть проведена по преобладающим значениям по одному фактору. В этом случае факторы предстают как одиннадцать типов характера.

В результате кластерного анализа указанных выше типов характера осужденных было получено два профиля, отражающих характерологические особенности личности осужденных (см. рис. 1).

В первом кластере ярко выражены четыре типа характера: демонстративный, самонадеянный, сообразительный и активный. Второй кластер образуют типы: агрессивный, подозрительный, импульсивный, ригидный, неустойчивый, зависимый и впечатлительный. Профиль личности, представленный первым кластером, образуют типы характера осужденных, отражающих общую внутреннюю активность индивида, в то время как типы, образующие второй профиль личности, отражают общую эмоциональность. Главным образом, это связано с особенностями темперамента осужденных и его проявлением в характере как основы в соответствии с теоретической позицией в изучении темперамента В. Д. Небылицына и В. М. Теплова. По мнению В. Д. Небылицына, попытки анализа содержания

темперамента приводят к выделению главных, ведущих, его компонентов, относящихся к сферам общей активности индивида, его моторики (которая входит как составная часть в сферу общей активности) и его эмоциональности, что, собственно, подтверждает наше положение. Для пенитенциарной психологии этот результат особенно важен тем, что экспериментально демонстрирует преимущество концепции темперамента В. Д. Небылицына (по сравнению, например, с более общей концепцией четырех типов темперамента Гиппократ - Павлова) именно в пенитенциарной психологии, т.е. для личности осужденных. Возможно, это связано с особыми условиями жизнедеятельности осужденных в местах лишения свободы. Таким образом, можно говорить о двух более общих типах характера осужденных - с ярко выраженной высокой общей активностью или с более ярко выраженной общей эмоциональностью, являющихся первичными по отношению к одиннадцати типам, выявленным ранее в результате факторного анализа данных. Тогда можно выделить два уровня характерологических особенностей личности осужденных: темпераментальный уровень, представленный (по В. Д. Небылицыну) общей активностью и эмоциональностью как типами характера, и уровень собственно характерологических особенностей, представленный одиннадцатью типами характера осужденных (агрессивный, демонстративный, самонадеянный, подозрительный, импульсивный, сообразительный, ригидный, неустойчивый, зависимый, впечатлительный, активный).

Литература:

1. Алферов Ю. А., Черносивов Е. В. Экспериментальная методика изучения особенностей характера человека в условиях ИТУ. М., 1981. С. 3.
2. Небылицин В. Д. Темперамент. Психология индивидуальных различий. Тексты / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. - М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 153-159.
3. Левитов Н. Д. Психология характера. - М.: «Просвещение», 1969. С. 277.
4. Левитов Н. Д. Психология характера. - М.: «Просвещение», 1969. С. 278.
5. Мерлин В. С. Психология индивидуальности: Избранные психологические труды. Под ред. Е. А. Климова. - М.: Издательство Московского психолого-социального института, 2005. С. 25.
6. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии - СПб: Издательство «Питер», 2000. С. 630.
7. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии - СПб: Издательство «Питер», 2000. С. 630.

Особенности «образа Я» профессиональных юристов

М. М. Абдуллаева

Изучение профессионального становления человека, включающее развитие и особенности «образа Я», является одним из приоритетных направлений в современной психологии. Особую значимость эта проблема приобретает в работе со специалистами, деятельность которых связана с обеспечением благополучия людей. В России такими специалистами являются юрист-консультанты, относящиеся к самым востребованным профессиональным группам. Это объясняется рядом существенных факторов. Во-первых, стали другими нормы права, регуляторы поведения граждан и их объединений, во-вторых, отношения субъектов правового общения наполнились новым содержанием и, соответственно, во многом изменилась их форма, в-третьих, ответственность лиц, участвующих в самых разных правовых отношениях, существенно изменилась (Основы..., 2006). Современный юрист-консультант должен иметь серьезную базовую подготовку по основным отраслям права: конституционного, административного, гражданского, семейного, международного, уголовного, экологического и т.д. а также ориентироваться в природе возникновения проблем, возникающих в жизни человека или организации, и, самое главное, знать, как их можно решить.

В связи с тем, что большинство людей обращается за помощью к профессионалам в сложных ситуациях, юрист-консультанты, являющиеся по сути, профессионалами-универсала-

ми, должны мастерски владеть всеми составляющими своей профессии (коммуникативной, организационной, познавательной и т. п.), уметь действовать в условиях жесткой нехватки времени, быть стрессоустойчивыми. При этом юридический труд, разнообразный по характеру и сложный по исполнению, имеет ряд специфических черт, отличающих его от большинства других профессий, что постепенно накладывает свой отпечаток на личность каждого юриста (Чуфаровский, 2008).

Профессиональные деформации и «образ Я»

Идея о том, что по мере накопления профессионального опыта меняется личность человека и его представления о себе, подтверждается многочисленными данными (Климов, 1988; Зеер, Сыманюк, 2005; Безносков, 2004). Так, Э. Ф. Зеер (2005) в контексте обсуждения негативного влияния профессии на человека говорит о «правой подозрительности» следователя, профессиональной «изворотливости» адвоката, актуальной агрессивности у оперативных работников. Такого рода «симптомы» отражают серьезную проблему, получившую название профессиональных деформаций, выражающихся в утрате положительного отношения к предмету своей деятельности и, как следствие, - потере соответствующей квалификации. Кроме того, следует учесть, что на деле мы имеем достаточно сложную соотношенность естественного стремления человека к высотам

профессионализма, накоплению опыта, трудовым успехам и ограниченности его внутренних ресурсов и реальных возможностей. Одним из таких внутренних источников, обеспечивающих успех профессионализации, является сформированный образ себя. Становление специалиста, заключающееся в полном овладении профессией, кроме усвоения определенных когнитивных схем, способов манипулирования предметом своего труда, принятия профессиональных норм и ценностей, особенностей коммуникации и стиля общения социального окружения, закономерно сопровождается изменением представлений человека о себе, своих способностях и слабостях, интенсивным самоопределением и поиском собственного места в профессиональном мире.

При этом сколько ситуаций для проявления активности субъекта, столько может быть «образов Я». Множественность этих образов неоднократно обсуждалась в психологической литературе: «познающее-познаваемое» у У. Джемса (1991), «Я-как-есть»-«Я-глазами-других» у Дж. Мида (Mead, 1975), «социальное-персональное» (Бернс, 1986; Кон, 1984; Столин, 1983; Чеснокова, 1977), «социальное-духовное» (Соколова, 1989 и др.). Современные исследователи выделяют в структуре «образа Я» когнитивный («Я-концепция» или «образ Я», самокатегоризация), аффективный (эмоционально-ценностный аспект отношения к себе), поведенческий (принятие и процесс решения жизненно важных задач) компоненты (Жичкина, 2000; Савина, 2003).

Наиболее важным для становления специалиста является «образ Я» как субъекта профессиональной деятель-

ности (что в современной литературе связывается с понятием «профессиональная идентичность»). Формирование такого образа связано, с одной стороны, с тем, как коллеги и клиенты воспринимают и оценивают специалиста, а с другой - с самовосприятием и профессиональным самосознанием (Хамитова, 1999). По мере накопления профессионального опыта специалисты приобретают специфическое восприятие окружающего мира и себя в нем (Артемьева, 1999; Кукосян, 1979 и др). И эта совокупность акцентов отношений к себе и миру может быть описана по субъективным оценкам значимых объектов.

Описание «образов Я»

В нашем исследовании в качестве объектов оценивания юристам были предложены три «образа Я»: «Я-реальное», «Я-идеальное», «Я-возможное». Выбор этих объектов был обусловлен следующими соображениями. «Я-реальное», как образ себя в настоящем, в большинстве случаев не совпадает с «Я-идеальным», с безупречным образом себя. Сопоставление «реального Я - идеального Я» в психологии традиционно обсуждается в двух аспектах, когда желание соответствовать собственному идеальному образу стимулирует личностный и профессиональный рост и когда становится источником внутрличностного конфликта, приводящего к неудовлетворенности собой, своими достижениями, разрушающего личность.

Многие исследователи (в частности автор концепции социальной идентичности Дж. Тэджвел (Tajfel, 1974)), рассматривают «идеальное Я», как исходно внешнее и социальное, которое

потом становится внутренним. Такой же механизм развития мы обнаруживаем и в профессиональной идентичности. Это дает основание признать существование сходства «идеального Я» с профессиональной идентичностью по их происхождению. Также близость этих конструктов обнаруживается и в роли их детерминации адаптивной или нормативной активности. Однако «идеальное Я» отражает не столько актуальные, сколько прошлые социальные идентификации. Проекции «Я» в будущее связаны с понятием «возможных Я». Х. Маркус (Markus, 1991) рассматривал «возможные Я» как «посредники между мотивацией и Я-концепцией», что представляется удачным решением проблемы анализа ситуативного изменения профессиональной идентичности.

Поэтому близкой, но принципиально отличающейся от рассмотренной оппозиции «идеальное Я-реальное Я» является дихотомия «реальное Я-возможное Я», означающее лишь возможность развития по тому или иному пути в будущем при некоторых условиях, но не предполагающее обязательности и долженствования того или иного варианта развития. Включенность в «Я-концепцию» конструкта «возможное Я» как представления о том, каким человек мог бы стать, отличающегося от представления о том, каким человек хотел бы стать, была постулирована еще М. Розенбергом (Rosenberg, 1982). Детально «возможное Я» рассматривается в концепции Х. Маркуса (Markus, 1991) в контексте решения проблемы изменчивости-стабильности «Я» при введении понятия «рабочая Я-концепция», определяемая как «Я-концепция в

данное время и в заданном социальном контексте взаимодействия».

Психосемантическое исследование «образа Я» у юрист-консультантов

Известно, что одним из важных условий «благополучного» вхождения в профессию, обеспечивающего гармоничное развитие личности профессионала, является построение адекватного эмпирической реальности образа мира, расставляющего акценты значимости в мире предметов и отношений. Большинство исследователей, занимающихся проблемами профессионального становления, допускают выделение в обобщенном образе мира «мира своей профессии» как особой устойчивой категориальной сетки типизации и интерпретации профессиональных задач и проблем, как комплекса глубинных структур, отражающих пристрастное отношение человека к миру и определяющих стиль и способ поведения в жизненных и профессиональных ситуациях (Артемьева, 1999).

Одним из продуктивных способов изучения категориальных структур различных уровней является психосемантический метод, позволяющий по субъективным оценкам значимых объектов, реконструировать образ мира в целом (Абдуллаева, 1993; Артемьева, Вяткин, 1986). Самой известной в этой области является техника семантического дифференциала (СД), разработанная в 1952 году группой американских психологов во главе с Ч. Осгудом. В методе СД оцениваемые объекты (в нашем случае различные «образы Я») оцениваются по биполярным шкалам, полюса которых заданы антонимичными прилагательными, например, «хороший

- плохой», «сильный - слабый». Респонденты оценивают выраженность этих качеств в оцениваемом объекте. Интересно, что благодаря механизму синестезии, обеспечивающему возможность метафорического описания объектов, в списке шкал СД присутствуют такие, как «шершавый - гладкий», «влажный - сухой». Оценки различных «образов Я» по некоторым шкалам коррелируют между собой, и с помощью процедуры факторного анализа удастся увидеть более широкие основания для их категоризации (Петренко, 2003).

Мы остановились на рассмотрении только одного аспекта профессиональной идентичности юрист-консультантов - «Я-концепции» как когнитивной системы, функция которой заключается в построении позитивного самоотношения, обеспечивающего принятия себя как представителя своей профессиональной общности (Абдуллаева М. М., 2004). Программа изучения деятельности юриста включает анализ его представлений о себе как профессионале на разных этапах его становления. Мы учитывали, что юридическая специальность предполагает специфические профессиональные установки; особое восприятие профессионально значимых объектов и профессионального поведения по отношению к ним; систему мотивов и ценностных ориентаций, нормативно заданных в этой профессии, ведущей к глубинной перестройке личностных структур.

В исследовании приняли участие 50 юристов с высшим профильным образованием (38 мужчин, 12 женщин) в возрасте от 25 до 47 лет (средний возраст по выборке - 31,7 лет) со стажем работы по своей специальности не

менее 5 лет (средний стаж работы по выборке - 10,6 лет). Ограничение испытуемых по стажу работы было неслучайным. Понятно, что время обретения профессиональной идентичности как обязательного условия принятия своей профессии - индивидуально, но практический опыт показывает: на это требуется не менее четырех лет. Кроме того, «синдром выгорания» - один из признаков потери идентичности может «проявиться» уже после пяти лет работы.

Испытуемым предлагалось оценить следующие объекты: «Я-реальное» (представление о том, какой я профессионал на самом деле), «Я-идеальное» (каким я хотел бы стать), «Я-возможное» (каким я могу стать). Объекты оценивались по 25-шкальному стандартному семантическому дифференциалу (СД) Ч. Осгуда (Osgood, 1957; русскоязычная версия Е.Ю.Артемяевой, 1999) с 3-балльной градацией выраженности каждого качества, которые включают и эмоционально-оценочное (хороший - плохой), и метафорическое (дорогой - дешевый, влажный - сухой), и физическое описание (легкий - тяжелый). Этот список, благодаря семантической «разноплановости» прилагательных, универсален как действующий механизм синестезии и подходит к описанию любого класса объектов (см. таблицу 1).

Для обработки данных, представляющих массив оценок трех объектов по 25 шкалам, помимо стандартной описательной статистики, был применен факторный анализ (по методу главных компонент с VARIMAX-вращением), ставший классической формой подачи материала, полученного с помощью СД. Цель этой процедуры - группировка, структурирование и компактная визуа-

Таблица 1

Стандартный бланк семантического дифференциала (СД)

Попарно сгруппированные прилагательные (характеристики, качества)

	Степень выраженности качеств							
	3	2	1	0	1	2	3	
Легкий	3	2	1	0	1	2	3	Тяжелый
Радостный	3	2	1	0	1	2	3	Печальный
Слабый	3	2	1	0	1	2	3	Сильный
Плохой	3	2	1	0	1	2	3	Хороший
Большой	3	2	1	0	1	2	3	Маленький
Темный	3	2	1	0	1	2	3	Светлый
Активный	3	2	1	0	1	2	3	Пассивный
Противный	3	2	1	0	1	2	3	Приятный
Горячий	3	2	1	0	1	2	3	Холодный
Хаотичный	3	2	1	0	1	2	3	Упорядоченный
Гладкий	3	2	1	0	1	2	3	Шершавый
Простой	3	2	1	0	1	2	3	Сложный
Расслабленный	3	2	1	0	1	2	3	Напряженный
Влажный	3	2	1	0	1	2	3	Сухой
Родной	3	2	1	0	1	2	3	Чужой
Мягкий	3	2	1	0	1	2	3	Твердый
Дорогой	3	2	1	0	1	2	3	Дешевый
Быстрый	3	2	1	0	1	2	3	Медленный
Злой	3	2	1	0	1	2	3	Добрый
Жизнерадостный	3	2	1	0	1	2	3	Унылый
Любимый	3	2	1	0	1	2	3	Ненавистный
Свежий	3	2	1	0	1	2	3	Гнилой
Умный	3	2	1	0	1	2	3	Глупый
Острый	3	2	1	0	1	2	3	Тупой
Чистый	3	2	1	0	1	2	3	Грязный

лизация полученных данных, сопоставление факторных структур по каждому оцениваемому объекту. Важными для нас показателями данного анализа были: 1) величина факторной нагрузки каждой шкалы, вошедшей в фактор, и 2) процент описываемой, полученной факторной структурой, дисперсии (статистическая программа «SPSS 10,0» для Windows). Рассмотрим полученные результаты.

В результате факторного анализа оценок «Я-реальное» юристов было получено восьмифакторное решение.

Величина факторных нагрузок свидетельствует об относительной устойчивости вхождения шкалы в каждый из выделенных факторов, а величина общей описываемой дисперсии составляет 83,7%.

Первый фактор «Общая оценка объекта», объясняет 15,98%¹ общей дисперсии. Составлен этот фактор такими шкалами, как «легкий - тяжелый» (0,979)², «свежий - гнилой» (0,979), «расслабленный - напряженный» (0,551), «родной - чужой» (0,635). При этом «Я-реальное» описывается как

легкий, свежий, родной и скорее рас-слабленный.

Второй фактор «Физическая характеристика объекта» (13,6%) включает шкалы «темный - светлый» (-0,934), «горячий - холодный» (0,949), «острый - тупой» (0,691), «чистый - грязный» (0,651). Интересно, что если «Я-реальное» юристов темное, то скорее горячее, острое и чистое.

Третий фактор (10,6%) включает в описаниях «Я-реальное» шкалы «простой - сложный» (0,857), «мягкий - твердый» (0,740), «противный - приятный» (0,563). Юристы описывают себя в настоящем скорее как сложных, твердых, но при этом приятных.

Четвертый фактор (9,8%) составлен шкалами, получившими одинаково высокую нагрузку (0,967), «радостный - печальный» и «умный - тупой». «Я-реальное» юристов радостное и умное.

Пятый фактор «Силы» (9,7%) получил название по шкале, вошедшей в него с самой высокой нагрузкой «слабый - сильный» (0,866), дополненной шкалами «быстрый - медленный» (-0,657), «жизнерадостный - унылый» (-0,672). Если «Я-реальное» сильное, то жизнерадостное, быстрое.

Шестой фактор (9,3%) составлен шкалами «большой - маленький» (-0,716), «гладкий - шершавый» (-0,611), с одной стороны, с другой, «влажный - сухой» (0,941). Если «Я-реальное» большое, гладкое, то сухое.

Седьмой фактор (7,7%), обозначенный нами как «Активность», включает шкалы «активный - пассивный» (0,848), «злой - добрый» (0,587), «дорогой - дешевый» (0,560), «любимый - ненавистный» (-0,456). Интересно, если «Я-реальное» ненавистное, то оно

у юристов пассивное, злое и дешевое.

Восьмой фактор (6,0%) составлен оппозицией шкал «плохой - хороший» (0,862), «хаотичный - упорядоченный» (-0,623). У юристов «Я реальное» если хорошее, то хаотичное.

В описаниях юристов **«Я-идеальное»** также было получено восьмифакторное решение, объясняющее 76,3% общей дисперсии.

Первый фактор (11,5%) у юристов - это сочетание эмоционально-оценочных шкал, описывающих «Я-идеальное», как «радостное - печальное» (0,789), «дорогое - дешевое» (0,814), «простое - сложное» (0,826), «любимое - ненавистное» (0,481). Идеальный юрист - радостный, дорогой, простой, любимый.

Второй фактор (11,5%) объединил шкалы «горячий - холодный» (0,900), «гладкий - шершавый» (-0,886), «острый - тупой» (0,747). «Я-идеальное» юристов если горячее и острое, то шершавое.

Третий фактор (9,9%) включает шкалы «большой - маленький» (0,778), «влажный - сухой» (0,750), «свежий - гнилой» (0,583). «Я-идеальное» большое, влажное и свежее.

Четвертый фактор (9,9%) составлен оппозицией шкал «плохой - хороший» (-0,830), «умный - тупой» (-0,550), с одной стороны, с другой - «быстрый - медленный» (0,667), «жизнерадостный - унылый» (0,570). «Я-идеальное» если плохое и умное, то обязательно медленное и унылое.

Пятый фактор (9,7%) включает, с одной стороны, шкалу «злой - добрый» (0,900), с другой - «активный - пассивный» (-0,811). Если «Я-идеальное» юристов доброе, оно активное.

Шестой фактор (9,7%) включает шкалы «мягкий - твердый» (0,773), «родной - чужой» (0,692), «темный - светлый» (0,567), «противный - приятный» (0,566). «Я-идеальное» юристов может быть мягким, родным, темным и противным.

Седьмой фактор (7,7%) составлен оппозицией шкал «слабый - сильный» (-0,781), «хаотичный - упорядоченный» (0,612). Если «Я-идеальное» сильное, оно хаотичное.

Восьмой фактор (6,4%) представлен одной шкалой «легкий - тяжелый» (0,812). «Я-идеальное» юристами описывается как легкое.

Таким образом, «Я-идеальное» юристами эмоционально принимается, все описательные характеристики «силы», «напряженности», «сложности», «упорядоченности» сопровождаются положительной оценкой.

Рассмотрим факторную структуру, выделенную в описаниях «Я-возможное».

Первый фактор (14,02%) «Я-возможное» юристов условно назван фактором эмоциональной оценки. Здесь самые высокие нагрузки получили шкалы «родной - чужой» (0,936), «любимый - ненавистный» (0,936), «умный - глупый» (0,711), «острый - тупой» (0,566). «Я-возможное» описывается как родное, любимое, умное, острое.

Второй фактор (11,8%) составлен оппозицией шкал «простой - сложный» (0,709), «активный - пассивный» (0,692), «жизнерадостный - унылый» (0,610), «расслабленный - напряженный» (0,561), с одной стороны, «большой - маленький» (-0,851), с другой. Если «Я-возможное» маленькое, то оно простое, активное, жизнерадостное, расслабленное.

Третий фактор (9,77%) включает шкалы «влажный - сухой» (0,832), «горячий - холодный» (0,704). Юристы описывают «Я-возможное» либо как сухое, холодное, либо как влажное и горячее.

Четвертый фактор (9,3%) содержит шкалы «быстрый - медленный» (0,847), «дорогой - дешевый» (0,713), «радостный - печальный» (0,645). «Я-возможное» может быть радостным, быстрым и дорогим.

Пятый фактор (8,36%) составлен шкалами «злой - добрый» (0,881), «темный - светлый» (0,672). «Я-возможное» юристами описывается либо как доброе и светлое, либо злое и темное.

Шестой фактор (8,2%) включает оппозицию шкал «плохой - хороший» (-0,871) и «противный - приятный» (0,593). Если «Я-возможное» плохое, то приятное. Это парадоксальное описание можно объяснить, например, «разведением» человеческих и профессиональных характеристик юриста. Возможно, если юрист хороший, то, как человек он может быть противным.

Седьмой фактор (7,81%) включает шкалы «слабый - сильный» (0,835), «чистый - грязный» (0,701), «гладкий - шершавый» (0,587). «Я-возможное» юристов может быть сильным, грязным, шершавым или слабым, чистым, гладким.

Восьмой фактор (7,5%) содержит только одну шкалу «мягкий - твердый» (0,943). «Я-возможное» описывается большинством юристов как твердое.

Девятый фактор (6,89%) включает оппозицию шкал «легкий - тяжелый» (-0,614), «свежий - гнилой» (-0,401), с одной стороны, и «хаотичный - упоря-

Таблица 2
Сводная таблица полученных факторных структур различных «Я» на группе юристов

Я-реальное		Я-идеальное		Я-возможное	
Выделенные факторы в описаниях различных «Я» по шкалам семантического дифференциала					
1 (15,9%) ³	«легкий - тяжелый» (0,979) ⁴ , «свежий - гнилой» (0,979), «расслабленный - напряженный» (0,551), «родной - чужой» (0,635).	1 (11,5%)	«радостное - печальное» (0,789), «дорогое - дешевое» (0,814), «простое - сложное» (0,826), «любимое - ненавистное» (0,481)	1 (14,0%)	«родной - чужой» (0,936), «любимый - ненавистный» (0,936), «умный - глупый» (0,711), «острый - тупой» (0,566)
2 (13,6%)	«горячий - холодный» (0,949), «темный - светлый» (-0,934), «острый - тупой» (0,691), «чистый - грязный» (0,651).	2 (11,5%)	«горячий - холодный» (0,900), «гладкий - шершавый» (-0,886), «острый - тупой» (0,747)	2 (11,8%)	«большой - маленький» (-0,851) «простой - сложный» (0,709), «активный - пассивный» (0,692), «жизнерадостный - унылый» (0,610), «расслабленный - напряженный» (0,561)
3 (10,6%)	«простой - сложный» (0,857), «мягкий - твердый» (0,740), «противный - приятный» (0,563)	3 (9,9%)	«большой - маленький» (0,778), «влажный - сухой» (0,750), «свежий - гнилой» (0,583)	3 (9,8%)	«влажный - сухой» (0,832), «горячий - холодный» (0,704)
4 (9,8%)	«радостный - печальный» (0,967), «умный - глупый» (0,967)	4 (9,9%)	«плохой - хороший» (-0,830), «умный - глупый» (-0,550), «быстрый - медленный» (0,667), «жизнерадостный - унылый» (-0,570)	4 (9,3%)	«быстрый - медленный» (0,847), «дорогой - дешевый» (0,713), «радостный - печальный» (0,645)
5 (9,7%)	«слабый - сильный» (0,866), «быстрый - медленный» (-0,657), «жизнерадостный - унылый» (0,672)	5 (9,7%)	«злой - добрый» (0,900), «активный - пассивный» (-0,811)	5 (8,4%)	«злой - добрый» (0,881), «темный - светлый» (0,672)
6 (9,3%)	«большой - маленький» (-0,716), «гладкий - шершавый» (-0,611), «влажный - сухой» (0,941)	6 (9,7%)	«мягкий - твердый» (0,773), «родной - чужой» (0,692), «темный - светлый» (0,567), «противный - приятный» (0,566)	6 (8,2%)	«плохой - хороший» (-0,871) «противный - приятный» (0,593)
7 (7,7%)	«активный - пассивный» (0,848), «злой - добрый» (0,587), «дорогой - дешевый» (0,560), «любимый - ненавистный» (-0,456)	7 (7,7%)	«слабый - сильный» (-0,781), «хаотичный - упорядоченный» (0,612)	7 (7,8%)	«слабый - сильный» (0,835), «чистый - грязный» (0,701), «гладкий - шершавый» (0,587)
8 (6,0%)	«плохой - хороший» (0,862), «хаотичный - упорядоченный» (-0,623)	8 (6,4%)	«легкий - тяжелый» (0,812)	8 (7,5%)	«мягкий - твердый» (0,943)
				9 (6,9%)	«легкий - тяжелый» (-0,614), «свежий - гнилой» (-0,401), «хаотичный - упорядоченный» (0,829)

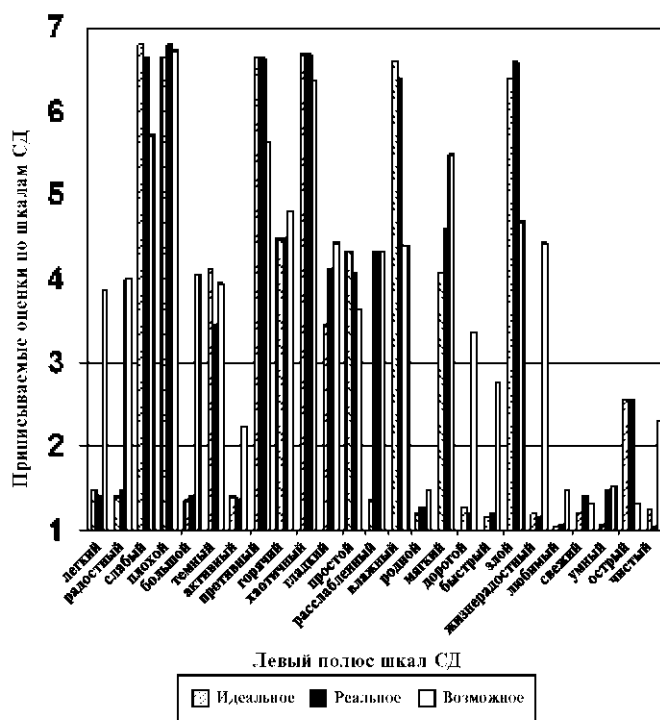

Рис.1. Средние оценки по шкалам СД в описаниях «Я» юристами.

доченный» (0,829), с другой. Если «Я-возможное» легкое, свежее, то упорядоченное, и наоборот.

Итак, нами получены факторные структуры большой размерности (8-9 факторов) описаний юристами различных «Я» (см. таблицу 2). Эти результаты подчеркивают и необходимость увеличения выборки респондентов, и некоторую условность полученных оценок по шкалам, «навязанным» исследователем. Однако, нам важна не столько диагностическая «точность» этих данных, сколько констатация особенностей изучаемых объектов. На одной и той же выборке юристов, с помощью одного СД при оценке различных «Я» нами получены разные по смысловому наполнению факторы.

Первый фактор в описаниях всех оцениваемых объектов содержит их эмоциональную оценку. Во второй фактор в описаниях «Я-реального» и «Я-идеального» и третий фактор в «Я-возможном» с большой нагрузкой вошла шкала «горячий - холодный», дополненная в первых случаях шкалой «острый - тупой», возможно трактуемая как «актуальный». Четвертый фактор включает шкалу «умный - глупый», но если «Я-реальное» умное и радостное, то в «Я-идеальном», если умный, то унылый. В «Я-возможном» эта шкала вошла в первый фактор и сочетается с положительными характеристиками (родной, любимый). Любопытным результатом является отношение юристов к шкале «хаотичный - упорядоченный». Во все описаниях

«Того, какой я сейчас» и «Того, каким я бы хотел быть» полюс «упорядоченный» сопровождается негативными «дополнениями». Так, если «Я-реальное» упорядоченное, то плохое, если «Я-идеальное» упорядоченное, то слабое, при этом «Я-возможное» если упорядоченное, то легкое и свежее. Возможно, шкала «хаотичный - упорядоченный» трактуется юристами как «творческая, свободная - ограниченный, зажатый». Интересен 7 фактор, который можно условно обозначить как «негативная эмоциональная оценка активности» в описаниях «Я-реального». В описаниях «Я-идеального» он распадается на два отдельных фактора 1 и 5, при этом активность связывается с добротой. Возможно, в оценках «Я-реального» отражается рефлексия наших респондентов в целом недоброжелательного, хотя и очень уважительного отношения к деятельности юристов в обществе (так, профессиональные прозвища известных английских адвокатов «М-р Акула» и «М-р Челюсти») и желания изменить это отношение - в оценках «Я-идеального». Такое «пошкальное» рассмотрение выделенных факторов создает впечатление, что «Я-возможное» юристов - это некоторый упрощенный вариант профессионального развития. Так, если «Я-возможное» маленькое, то простое, активное жизнерадостное (фактор 2), если слабое, зато чистое и гладкое (фактор 7).

Подводя итоги, можно отметить, что факторный анализ данных позволил зафиксировать структуры отношений к оцениваемым объектам, рассмотреть содержание отдельных факторов как смысловые «склейки» некоторых шкал. Но, чтобы получить более конкретные и

очевидные различия в описаниях «Я» мы прибегли к использованию методического хода в анализе данных психосемантических исследований, предложенного Е.Ю. Артемьевой (1999). Она отказалась от построения факторных пространств и занялась доказательством существования семантических структур без прямого их описания.

Для начала мы сравнили средние оценки по шкалам СД, полученные различными «Я» (см. диаграмму). Рисунок распределения оценок и их средние значения по шкалам СД в описаниях «Я реальное» и «Я идеальное» практически совпадают, за исключением 2 шкал из 25. Следовательно, юристы в среднем по группе оценивают себя в настоящем практически как идеальных. «Я-идеальное» юристов только более расслабленное и гладкое, чем «Я-реальное». Анализ разброса оценок по шкалам СД (min - 1 и max - 7) показывает, что в описаниях «Я-идеальное» оценки более категоричнее (1, 2 или 6, 7 баллов), чем в «Я-реальном» (1, 3 или 5, 7). Шкалы, в которых представлены оценки одного и того же объекта на обоих полюсах (оценки от 1 до 7), - «темный - светлый», «горячий - холодный», «гладкий - шершавый», «простой - сложный», «мягкий - твердый», т.е. по этим шкалам единодушие среди респондентов в описании «Я» не наблюдается (см. таблицу 3). Список шкал СД, по которым юристы оценивают «Я возможное» с разных полюсов значительно расширяется, по сравнению с другими «Я». Наше предположение о том, что «Я, каким могу стать» юристами рассматривается скорее как некоторое «отступление» от идеального развития, подтверждается. По некоторым шкалам получены статистически

Таблица 3

Средние и разброс оценок различных «Я» по шкалам СД

№	Шкалы СД	Я реальное			Я идеальное			Я возможное			Значимые различия
		min	max	Среднее	min	max	Среднее	min	max	Среднее	
Баллы	1 2 3 4 5 6 7										
1	Легкий - тяжелый	1	2	1,4	1	2	1,48	1	7	3,88	(p<0,01)
2	Радостный - печальный	1	2	1,48	1	2	1,4	1	6	4,0	(p<0,05)
3	Слабый - сильный	6	7	6,64	6	7	6,8	2	7	5,72	(p<0,01)
4	Плохой - хороший	6	7	6,8	6	7	6,64	6	7	6,72	
5	Большой - маленький	1	3	1,4	1	2	1,36	1	7	4,04	
6	Темный - светлый	1	7	3,44	1	7	4,12	1	7	3,96	
7	Активный - пассивный	1	2	1,36	1	3	1,4	1	4	2,24	
8	Противный - приятный	6	7	6,64	6	7	6,64	4	7	5,64	
9	Горячий - холодный	1	7	4,48	1	7	4,48	1	7	4,8	(p<0,05)
10	Хаотичный - упорядоченный	6	7	6,68	6	7	6,68	5	7	6,36	
11	Гладкий - шершавый	1	7	4,12	1	7	3,44	3	6	4,44	
12	Простой - сложный	1	7	4,08	1	7	4,32	1	7	3,64	
13	Расслабленный - напряженный	1	7	4,32	1	2	1,36	2	6	4,32	
14	Влажный - сухой	5	7	6,4	6	7	6,6	1	7	4,4	
15	Родной - чужой	1	2	1,28	1	2	1,2	1	2	1,48	
16	Мягкий - твердый	1	7	4,6	1	7	4,08	2	7	5,48	
17	Дорогой - дешевый	1	2	1,2	1	2	1,28	1	6	3,36	
18	Быстрый - медленный	1	2	1,2	1	2	1,16	1	5	2,76	(p<0,05)
19	Злой - добрый	6	7	6,6	5	7	6,4	2	7	4,68	(p<0,05)
20	Жизнерадостный - унылый	1	2	1,16	1	2	1,2	2	7	4,44	(p<0,05)
21	Любимый - ненавистный	1	2	1,08	1	2	1,04	1	2	1,48	
22	Свежий - гнилой	1	2	1,4	1	2	1,2	1	2	1,32	
23	Умный - глупый	1	2	1,48	1	2	1,08	1	2	1,52	
24	Острый - тупой	1	4	2,56	1	4	2,56	1	2	1,32	
25	Чистый - грязный	1	2	1,04	1	2	1,24	1	4	2,32	

значимые различия между оценками «Я идеальное» и «Я возможное»⁵. Набор шкал, по которым юристы описывали «Я идеальное» и «Я реальное» одним полюсом, в описаниях «Я возможного» представлены обоими полюсами. Так, «Я возможное» может быть легким или тяжелым ($p < 0,01$)⁶, радостным или печальным ($p < 0,05$), слабым или сильным ($p < 0,01$), противным или приятным, дорогим или дешевым ($p < 0,05$), быстрым или медленным, жизнерадостным или унылым, злым или добрым ($p < 0,05$). При этом «Я возможное» описывается юристами как любимое, умное, родное (min - 1 и max - 2) и скорее чистое (min - 1 и max - 4 баллов по шкале).

На наш взгляд, исследование самокатегоризаций как «упрощенного» варианта, «практического конструкта» идентичности профессионалов в целях выявления в этих описаниях специфического, того, что мы можем ожидать от каждого отдельного профессионала в профилях «Я», позволяет дополнить материал, относящийся к особенностям профессионального мира юристов. При наличии в арсенале психологов описания «образов Я» профессионалов на каждом этапе, от ученичества до наставничества, от уровня профессиональной зависимости до уверенности и интеграции, индивидуальные профили могли бы стать косвенными показателями особенностей профессионального развития.

Диагностика степени сформированности «профессиональной идентичности» с помощью психосемантических методов позволит подойти к решению проблем профессионального отбора и грамотной расстановки кадров с учетом индивидуальных особенностей. От-

бор только по уровню знаний, формальным характеристикам профессионала (образование, стаж, предыдущие места работы и т.п.) не гарантирует «результативности» человека на новом рабочем месте, но, если бы мы могли диагностировать, например, структуру сформировавшейся идентичности, соответствующую требованиям профессии, то проблема отбора и подбора персонала, возможно, решалась бы более продуктивно. Психосемантические методы в силу своей «проективности» позволяют проникать через психологические защиты и зафиксировать атрибутирующее отношение к оцениваемым объектам. Близость оценок «Я реальное» и «Я идеальное» у юристов возможно является необходимым условием успешного осуществления их профессиональной деятельности, которая характеризуется повышенной ответственностью, высокой ценой ошибки, эмоционально нагруженным социальным общением. Уверенность в том, что «Я, какой есть» близок к Идеалу, позволяет принимать решения в ситуациях жесткой нехватки времени, стрессовых нагрузок и т.д. При этом конструкт «Я возможное» задает возможные перспективы, которые юристами учитываются. «Я, каким могу стать» может быть успешным или неудачником, но при этом юристы описывают его как родного, умного и любимого. Т.е. в отношении возможного будущего юристы надеются реализоваться в другой сфере, например, в области личных отношений. Возможно, в таком описании «Я возможного» отражается феномен профессионального маргинализма как полярный по отношению к профессиональной идентичности и психологически проявляющийся «в ее

утрате, равнодушии к профессиональным обязанностям и нормам, замещении профессиональных ценностей и морали ценностями и целями другой среды» (Ермолаева, 2001, с. 69). Таким образом, профессиональная идентичность как объект психологического анализа - это многомерное образование, различающееся по степени сложности и организованности, и подходы к ее изучению различны.

Практическая значимость такого рода исследований заключается в обосновании программ психологической поддержки специалистов (Антонова Н. В., 1996; Шнейдер Л. Б., 2001 и др.). Особенности профессиональной идентичности акцентируют внимание на проблемах специалиста, обусловленных профессиональной средой: необходимостью принимать самостоятельные решения при большей свободе выбора, полноценно решать профессиональные задачи, отвечать требованиям самоопределения в системе социальных ролей, осознавать свои особенности и способности с точки зрения соответствия своему профессиональному статусу, приобретать определенную независимость от влияния оценок внешнего окружения.

¹ Далее процент описываемой фактором дисперсии будет дан в скобках.

² В скобках указаны полученные нагрузки по шкалам.

³ В скобках указан процент объясняемой дисперсии 88.

⁴ В скобках указаны полученные нагрузки по шкалам 9.

⁵ Был использован U-критерий Манна-Уитни, адекватный для малых выборок.

⁶ Уровень значимых различий.

Литература:

1. Абдуллаева М. М. Семантические характеристики профессиональной направленности мексиканцев. Дисс. ... канд. психол. наук. - М., 1993.
2. Абдуллаева М. М. Психосемантический подход к профессиональной идентичности личности // Психологический журнал. - 2004. - № 2. - С. 86-95.
3. Антонова Н. В. Идентичность педагога и особенности его общения: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1996.
4. Артемьева Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики. М., 1999.
5. Артемьева Е. Ю., Вяткин Ю. Г. Психосемантические методы описания профессий // Вопросы психологии. - 1986. - №3.
6. Безносков С. П. Профессиональная деформация личности. - СПб: Речь, 2004. - 272 с.
7. Бернс Р. Развитие «Я-концепции» и воспитание. М., 1986.
8. Джемс У. Психология. М., 1991.
9. Ермолаева Е. П. Профессиональная идентичность и маргинализм: концепция и реальность (статья первая) // Психол. журн. 2001. Т. 22. № 4. С. 51-59.
10. Жичкина А. Е. Взаимосвязь идентичности и поведения в Интернете пользователей юношеского возраста: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук., М., 2000.
11. Зеер Э. Ф. Психология профессий. - М., 2005. - 336 с.
12. Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Э. Психология профессиональных деструкций. - М., Екатеринбург, 2005. - 240 с.
13. Климов Е. А. Введение в психологию труда. - М., 1988.
14. Кон И. С. В поисках себя: личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984.
15. Кукосян О. Г. Профессиональные особенности первого впечатления // Психология общения и познания людьми друг друга. - Краснодар, 1979.
16. Основы права / Под ред. В. В. Лазарева. - М.: Юристъ, 2006. - 429 с.
17. Петренко В. Ф. Основы психосемантики. - СПб.: Питер, 2005. - 479 с.
18. Савина О. О. Психологический анализ становления идентичности в подростковом и юношеском возрасте (условия, структура, динамика, типология): Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2003.
19. Соколова Е. Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М.: МГУ, 1989.
20. Столин В. В. Самосознание личности. М., 1983.
21. Хамитова И. Ю. Развитие профессиональной идентичности консультанта // Семейная пси-

хология и семейная терапия. 1999. № 3. С. 84–98.

22. Чеснокова И. И. Проблема самосознания в психологии. М., 1977.

23. Чуфаровский Ю. В. Юридическая психология. В вопросах и ответах: учебное пособие.- М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. - 256 с.

24. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность: структура, генезис и условия становления. Автореф. дисс....д-ра психол.наук. М., 2001.

25. Markus H. R., Kitayama Sh. Culture and the self: implications for cognition, emotion and motivation // Psychological review. 1991. V. 98. № 2. P. 224–253.

26. Mead G. H. Mind, self and society / Ed. by C. W. Morris. Chicago: University of Chicago press, 1975.

27. Osgood Ch. et al. The measurement of meaning. Urbana, 1957.

28. Rosenberg M., Kaplan H. (eds.). Social psychology of the self-concept. Arlington Heights, 1982.

29. Tajfel H. Social identity and intergroup behavior // Social science information. 1974. № 13 (2). P. 65-93.

Оптимизация функционального состояния профессионалов в процессе бизнес-тренингов

Т. А. Злоказова

В настоящее время быстрое развитие новых форм экономической деятельности, интенсификация и усложнение трудового процесса требуют оперативной адаптации профессионала к актуальным условиям труда, усвоения новых знаний и их незамедлительного включения в процесс выполнения профессиональной деятельности [Бодров, 2000; Дикая, 2002; Chmiel, 2000]. Непрерывное обучение, постоянное профессиональное совершенствование становится необходимым условием профессиональной эффективности и долголетия [Жуков, 2003]. В связи с данными обстоятельствами организации все чаще обращаются к интенсивным формам повышения квалификации персонала, в частности, тренинговым технологиям обучения [Макшанов, 1997; Bassi, Cheney & Van Buren, 1997].

Тренинговые формы обучения приобретают особую актуальность в современных условиях бизнеса благодаря их широким возможностям в моделировании реальной деятельности, изучении материала в контексте рабочих ситуаций в условиях коллективного решения профессиональных задач [Макшанов, 1997]. Совершенствование умений, усвоение и тренировка навыков работы, обогащение новым опытом достигается с помощью применения таких методов и технологий, которые обеспечивают высокую степень активности участников на протяжении всего перио-

да обучения [Жуков, 2003; Макшанов, 1997].

Необходимо отметить, что классический тренинг, в соответствии с запросами современных организаций, к настоящему моменту претерпел ряд изменений. В частности, в практике развития персонала крупных фирм и компаний возникло понятие «бизнес-тренинга» - интенсивного обучения, направленного на подготовку и развитие навыков профессионала для эффективной работы в данной организации [Кларин, 2002]. Основными особенностями бизнес-тренинга становятся: подчиненность целей и содержания обучения целям конкретной организации; краткосрочность, а также высокая интенсивность и насыщенность обучения.

Хотя эффективность тренинговых форм повышения квалификации персонала была доказана в серии научных работ, внимание исследователей и практиков было направлено в основном на оценку результатов тренингов: степени сформированности умений и навыков, профессиональных достижений специалиста, а также данных об экономической выгоде проведения тренингов для организации [Жуков, 2003; Patrick, 1992]. К сожалению, при изучении эффективности тренинга достаточно мало внимания уделялось анализу «цены» достигнутых результатов - степени напряжения ресурсов специалистов, затраченных при интенсивном обучении и оперативном реструкту-

рировании сложившихся структур профессионального опыта.

В то же время, очевидно, что обучение в процессе бизнес-тренинга предъявляет специфические требования к психофизиологическим ресурсам профессионала как участника тренингового процесса и, в частности, предполагает:

1. При работе с учебным материалом:

- активное осуществление мыслительной деятельности по отношению к предлагаемому теоретическому материалу; рефлексивной деятельности - к собственным действиям и действиям других участников [Давыдов, Неверкович и Самоукина, 1990];

- оперативное переключение внимания, мобилизацию интеллектуальных и энергетических ресурсов для выполнения различных типов тренинговых задач, интенсивно сменяющихся друг друга [Макшанов, 1997];

- формирование и поддержание профессионалом познавательной мотивации, изыскательской позиции и открытости к новым знаниям [Жуков, 2003].

2. В отношении работы с собственным состоянием:

- активное управление эмоциями и противостояние естественным защитным реакциям в напряженных ситуациях, вызванных групповыми процессами, а также возможными противоречиями между интересами сотрудника и организации-заказчика обучения [Жуков, 2003; Кларин, 2002];

- гибкую подстройку к интенсивному темпу обучения и особенностям работы других участников; поддержание заданного темпа работы не только на фоне естественного развития утомления, но и, возможно, утомления, накоп-

ленного ранее [Ли, 2002; Макшанов, 1997; Хрящева (ред.), 2001].

Анализ изложенной информации позволяет сделать предположение, что условия обучения профессионалов в процессе бизнес-тренинга, обуславливающие необходимость активно задействовать перечисленные ресурсы, создают риск для развития таких неблагоприятных функциональных состояний (далее ФС) профессионалов как выраженное умственное и позитивное утомление, а также эмоциональная напряженность как следствие высокой значимости результатов обучения и рассматриваемых рабочих ситуаций, актуализации защитных реакций при перестройке привычных способов деятельности, активного межличностного взаимодействия.

В данных условиях становится очевидной необходимость поиска эффективных средств управления ФС участников бизнес-тренинга с целью оптимизации процессов освоения новых знаний и приобретения навыков. В ряде фундаментальных исследований было показано, что наличное ФС является одним из основных факторов обеспечения эффективности выполняемой деятельности, а развитие неблагоприятных состояний препятствует качественному выполнению рабочих задач с заданным результатом и, при определенных условиях, может потребовать от субъекта прекращения деятельности для восстановления требуемых ресурсов [Дикая, 2002; Леонова, 1989; Обознов, 2003].

В то же время анализ учебных пособий и научных работ, посвященных тренинговым формам обучения, показал, что исследования и методические

рекомендации в основном посвящены отдельным частным аспектам оптимизации состояний участников [Вачков, 2005; Жуков, 2003; Кларин, 2002; Ли, 2002; Макшанов, 1997; Хрящева (ред.), 2001 и др.]. Подобная степень проработки проблемы, на наш взгляд, недостаточна для разработки научно-обоснованных рекомендаций по формированию состояний, оптимальных с точки зрения осуществления учебной деятельности.

В качестве основания для проведения содержательной классификации средств оптимизации ФС в процессе бизнес-тренинга представляется целесообразным опираться на структуру базовых компонентов трудовой деятельности, разработанную в рамках системного подхода к психологическому изучению деятельности профессионала [Иванова, 2003; Леонова и Медведев, 1981]. Согласно данному подходу, базовыми компонентами трудовой деятельности являются: человек как субъект труда, цели труда, средства и орудия деятельности, процесс труда, условия труда. Применение системного подхода к анализу обучения персонала организаций в процессе бизнес-тренинга является продуктивным при рассмотрении обучения как специальной деятельности, направленной на развитие профессионально важных качеств.

Анализ научных исследований и методических пособий, затрагивающих обсуждаемую тему, позволил структурировать средства управления ФС в процессе бизнес-тренинга с точки зрения оптимизации каждого из компонентов учебной деятельности профессионала: 1) условий протекания учебного процесса; 2) средств, обеспе-

чивающих осознание и принятие целей обучения, объективацию результатов; 3) способов организации пространства и средств для индивидуальной и групповой работы; 4) характеристик учебного процесса; 5) учета индивидуальных особенностей обучающихся [Злоказова, 2007]. Обобщая результаты систематизации, важно отметить, что большинство средств управления состоянием участников в процессе тренингов представляет собой способы опосредованного воздействия на ФС и касается реорганизации объективного содержания и условий деятельности [Леонова и Кузнецова, 2007].

Непосредственно управлению состоянием посвящены классы психогимнастических, психотехнических упражнений [Вачков, 2005; Хрящева, 2001 (ред.); Цзен и Пахомов, 2006] и методов психологической саморегуляции [Вачков, 2005; Макшанов, 1997]. Психогимнастические средства представляют собой короткие игровые упражнения, которые направлены на активизацию внимания, памяти, либо носят универсальный характер - ориентированы на изменение целостного состояния [Кларин, 2002; Хрящева, 2001 (ред.); Цзен и Пахомов, 2006]. Необходимо отметить, что специального изучения эффективности данных техник не проводилось. Как следствие, рекомендации по их применению опираются скорее на общепсихологические знания о динамике ФС человека в течение дня и не содержат точных указаний относительно действия конкретных упражнений на определенные параметры ФС.

Класс средств психологической саморегуляции (далее - ПСР) включает

техники, которые позволяют человеку совершать активную, индивидуальную деятельность по управлению ФС [Кузнецова, 1993; Леонова, 1989; Леонова и Кузнецова, 2007; Лобзин и Решетников, 1986]. В существующих методических пособиях по проведению бизнес-тренингов техники ПСР в основном рассматриваются в качестве элементов медитативных и телесно-ориентированных упражнений, визуализаций [Вачков, 2005; Макшанов, 1997]. Важно, что в данной литературе отсутствует подробное описание существующих техник ПСР, методики их освоения, рекомендаций касательно оптимальных ситуаций для их использования.

Таким образом, несмотря на то, что эффективность использования методов ПСР с целью психопрофилактики неблагоприятных ФС в различных видах трудовой и учебной деятельности подтверждается рядом научных исследований [Барабанщикова, 2005; Кузнецова, 1993; Леонова и Кузнецова, 2007; Лобзин и Решетников, 1986], опыт применения данных техник для управления ФС профессионалов в процессе бизнес-тренингов описан достаточно скромно. На наш взгляд, такая ситуация может быть связана со следующими обстоятельствами:

- Возможности использования техник ПСР и примеры их прикладного применения касаются преимущественно долгосрочных тренинговых программ [Вачков, 2005]. Следовательно, существует необходимость адаптации методик ПСР к специфике интенсивного краткосрочного обучения: разработки вариантов методик, которые участник сможет быстро освоить и успешно применить для управления собственным со-

стоянием в процессе бизнес-тренинга.

- Тренеры зачастую избегают включать в программу элементы, не связанные с тематикой обучения, опасаясь негативной реакции участников и заказчиков обучения [Кларин, 2002; Хрящева (ред.), 2001].

Решение перечисленных проблем приобретает особую актуальность в связи с прикладной задачей достижения высокой эффективности проводимых тренингов, как на уровне профессионала, так и организации в целом. В связи с вышеперечисленными обстоятельствами нами была предложена и реализована программа исследования, направленного на изучение целесообразности применения средств ПСР для оптимизации ФС профессионалов в процессе бизнес-тренинга [Злоказова, 2007]. Исследование было выполнено с целью определения эффективности применения приемов ПСР для оптимизации состояния профессионалов в процессе бизнес-тренингов. Достижение поставленной цели потребовало решения следующих задач:

1. Определение и качественная характеристика эффектов профессионально-учебной нагрузки на ФС профессионалов в процессе бизнес-тренинга.

2. Качественная характеристика эффектов приемов ПСР и процедур самостоятельно организуемого участниками отдыха; определение их сравнительной эффективности.

Основные гипотезы исследования были сформулированы следующим образом:

1. Высокая интенсивность обучения и активный характер участия в процессе бизнес-тренинга приводят к развитию неоптимальных функцио-

нальных состояний у участников тренинга.

2. Степень выраженности оптимизационных эффектов при применении приемов ПСР выше по сравнению с результатом действия процедур самостоятельно организованного участниками тренинга отдыха.

Методика

Исследование было реализовано в рамках коммуникативных бизнес-тренингов, посвященных развитию знаний, умений и опыта в сфере межличностного общения. Участники тренингов - руководители отделов продаж, менеджеры по продаже, операторы справочных служб, бизнес-тренеры.

В ряде исследований было показано, что специалисты профессий социомического типа (в которых коммуникативная составляющая имеет ключевое значение) наиболее подвержены риску развития состояния выгорания, которое является следствием интенсивного общения и высокой нагрузки на эмоциональную сферу [Водопьянова и Старченкова, 2005; Никифоров (ред.), 2003]. Эмоциональная устойчивость и умение управлять собственным ФС является для данных специалистов профессионально важным качеством, а предлагаемые в исследовании методы ПСР - актуальными и востребованными как в процессе тренинга, так и при решении рабочих задач. Поэтому в качестве экспериментальной модели для проверки основной гипотезы исследования был выбран именно коммуникативный бизнес-тренинг для специалистов социомических профессий.

В целом в исследовании были за-

действованы 92 участника бизнес-тренингов: 20 мужчин и 72 женщины в возрасте от 20 до 46 лет; стаж работы на занимаемых должностях - от 1 месяца до 8 лет. Каждая тренинговая группа включала сотрудников одной организации (всего 10 тренинговых групп). Продолжительность тренингов - 2-4 дня. Обучение проходило в течение 7-8 часов, начиная с 10.00, с часовым перерывом на обед и двумя 15-ти минутными перерывами.

В качестве средств оптимизации ФС, обследуемых в процессе тренингов, применялись два вида активного воздействия, целью которых было формирование такого состояния, которое было бы оптимально для последующего выполнения тренингового задания (итогового теста):

1. Десятиминутная пауза для отдыха, самостоятельно организуемого участниками. Обследуемым предлагалось индивидуально подготовиться к выполнению итогового теста, не разговаривая друг с другом и не выходя из помещения.

2. Сеанс а) нервно-мышечной релаксации (НМР) или б) НМР с элементами аутогенной тренировки. Техника НМР, воздействуя на определенные физиологические системы, позволяет снижать тонус поперечно-полосатой мускулатуры внутренних органов, сердечно-сосудистой системы и дыхательного аппарата, а также способствует эмоциональному успокоению, возникновению положительных эмоций, чувства покоя и удовлетворенности. Выбор данной техники в качестве основного средства оптимизации ФС участников тренинга обусловлен ее доступностью и простотой с точки зрения первоначаль-

Таблица 1

Перечень используемых методик и диагностических показателей

Методики*	Показатели**
Уровень субъективных проявлений ФС	
1. Методика «Шкала состояний» (Русскоязычная адаптация - А. Б. Леонова, 1984)	1. Индекс субъективного комфорта (ИСК)
2. Методика «Шкала ситуативной тревожности» (Русскоязычная адаптация - Ю. Л. Ханин, 1977)	2. Индекс ситуативной тревожности (РТ)
3. Методика «Шкала дифференциальных эмоций» (Русскоязычная версия опросника К. Изарда - А. Б. Леонова, 1987)	3. Индекс текущих позитивных эмоций (ПЭ)
4. Методика для оценки острого утомления (А. Б. Леонова, 1984)	4. Индекс острого утомления (ОУ)
Уровень физиологического обеспечения	
5. Измерение артериального давления (АД) и частоты сердечных сокращений (ЧСС)	5. Частота сердечных сокращений (ЧСС)
	6. Систолическое давление (АДс)
	7. Диастолическое давление (АДд)
	8. Вегетативный индекс Кердо - показатель баланса вегетативной регуляции (ИК)
Уровень оценки результатов выполнения нагрузочного теста	
6. Тест на точное восприятие информации (итоговый тест)	9. Точность восприятия информации - количество ошибок по тесту (ОШ)

* Подробное описание и ссылки на публикации можно найти в ряде источников [Злоказова, 2007; Леонова и Капица, 2003; Леонова и Кузнецова, 2007].

** В скобках даны сокращенные названия показателей, используемые в дальнейшем в тексте.

ного обучения средствам произвольного расслабления [Леонова и Кузнецова, 2007].

Данные виды активного воздействия соответствуют двум группам эмпирического исследования: группе самостоятельно организованного отдыха (30 участников) и группе ПСР (62 участника). Обследуемые не имели опыта участия в сеансах ПСР и не проходили специального обучения данным методам.

Выбор методик для исследования ФС участников тренингов осуществлялся в соответствии с основными принципами структурно-интегративного подхода к диагностике и коррекции ФС (см.

таблицу 1) [Леонова, 1989]. Данный подход включает выявление структуры разноуровневых показателей проявлений состояния (на уровнях характеристик функционирования физиологических систем, основных психических процессов, субъективных переживаний и результативности деятельности), которое служит цели реконструкции сложившегося в конкретной ситуации механизма регуляции деятельности [Леонова, 1989; Леонова и Медведев, 1981].

Исследование проводилось на 2-3 день тренингов. Сеанс ПСР или процедура самостоятельно организованного отдыха проводились в фиксированный

временной интервал - во второй половине дня (15.30 - 16.00) после 5-6 часов интенсивного обучения. В течение тренингового дня проводилось три диагностических серии для оценки ФС: 1) в начале учебного дня (через 40 минут после начала тренинга); 2) во второй половине дня, перед паузой для отдыха; 3) после паузы для отдыха.

Порядок проведения диагностики в трех диагностических сериях был следующим: измерение ЧСС и АД, заполнение опросников субъективной оценки ФС. В конце последней диагностической серии (после паузы для отдыха) для оценки эффекта активного воздействия на результативность деятельности проводился тест на точное восприятие информации. Выбор данного теста обусловлен его согласованностью с тематикой обучения, а также типичностью подобных заданий в процессе тренинга.

Статистическая обработка результатов проводилась с помощью программного пакета SPSS (версия 13) в соответствии с задачами исследования:

- для качественной характеристики показателей ФС в течение дня использовались данные описательной статистики;
- для сравнительного анализа динамики показателей ФС в течение дня в разных группах исследования применялись методы параметрической статистики (t-критерий Стьюдента);
- с целью определения структурных особенностей ФС на различных этапах тренинга проводился факторный анализ по методу главных компонент с вращением Varimax.

Также для сбора материалов об отношении участников тренинга к исполь-

зуемым типам отдыха проводился качественный анализ результатов бесед с обследуемыми.

Результаты и их обсуждение

1. Динамика ФС профессионалов в процессе бизнес-тренинга.

Собранные в начале учебного дня (через 30-40 минут после начала тренинга) данные показали, что значения показателей текущего состояния находятся в границах нормы (см. таблицу 2). В пользу позитивного восприятия участниками происходящего на тренинге свидетельствуют выраженность позитивных переживаний по шкалам «Интерес» и «Радость». Был зарегистрирован умеренный уровень реактивной тревожности, что можно трактовать как наличие общего эмоционального тонуса, характерного для готовности выполнять определенную деятельность и свидетельство вовлеченности обучающихся в тренинговый процесс [Леонова и Кузнецова, 2007].

Таким образом, состояние участников в начале дня можно охарактеризовать как соответствующее направленности на решение тренинговых задач - состояние адекватной мобилизации функциональных ресурсов. Реализация процесса формирования оптимального ФС происходит при активном задействовании мотивационного компонента деятельности, который является необходимым условием обеспечения мобилизации необходимых ресурсов. В процессе бизнес-тренинга мотивационная направленность обеспечивается путем совместной постановки индивидуальных задач обучения и их согласования с целями организации, с перспективами профессионального роста.

Таблица 2
Динамика показателей ФС под влиянием учебной нагрузки
по всей группе обследуемых

Показатели	Замеры		
	1 замер - начало учебного дня	2 замер - вторая половина дня до паузы для отдыха	Значимые сдвиги показателей (t-критерий Стьюдента)*
	Среднее (ст. откл)	Среднее (ст. откл)	Уровень значимости, значение t-критерия
ЧСС	81.82 (10.68)	81.68 (9.98)	-
АДс	121.21 (11.07)	120.41 (14.36)	-
АДД	79.23 (9.22)	77.46 (10.81)	p<0.1 (+), t=1,739
ИК	1.50 (15.62)	4.26 (14.71)	p<0.1 (-), t= -1,697
ИСК	50.39 (9.14)	47.98 (9.21)	p<0.05 (-), t=2,354
РТ	36.23 (7.19)	36.67 (6.05)	-
ПЭ	23.55 (5.10)	22.07 (6.10)	p<0.05 (-), t=2,525
- Интерес	9.75 (2.47)	9.07 (2.87)	p<0.05 (-), t=2,439
- Радость	9.10 (2.79)	8.55 (2.94)	p<0.1 (-), t=1,749
- Удивление	4.71 (2.26)	4.45 (2.18)	-
ОУ	7.64 (6.51)	9.67 (7.05)	p<0.01 (-), t= -2,920

* В скобках обозначен характер сдвигов диагностических показателей: (-) - ухудшение, (+) - улучшение.

Для оценки эффектов учебной нагрузки был проведен анализ текущего ФС во второй половине дня тренинга (см. таблицу 2). Данные позволяют сделать вывод о том, что спустя 5 часов интенсивной тренинговой работы наблюдалась негативная динамика показателей субъективной оценки ФС, проявляющаяся в усилении признаков субъективного дискомфорта, росте уровня утомления, снижении выраженности позитивных эмоциональных переживаний (прежде всего, по компонентам «Интерес» и «Радость»). Вместе с тем, уровень реактивной тревожности значимо не изменился и остался в рамках нормативных значений.

Накопление негативных изменений в текущем ФС обусловлены характером обучения в процессе тренинга: преобладающим задействованием когнитивных и эмоциональных ресурсов (большой объем коммуникаций, актив-

ное межличностное взаимодействие как основная тема и форма работы, интенсивная обратная связь от участников и тренера), и низкой физической нагрузкой: физиологические показатели остаются в границах нормы, на уровне тенденции отмечается снижение диастолического АД, а также рост значений индекса Кердо.

Анализ факторной структуры ФС подтверждает выявленные особенности негативной динамики состояния (см. таблицу 3). Факторная структура показателей ФС в начале дня представлена тремя основными блоками: субъективная оценка ФС, физиологическое обеспечение и энергетическая мобилизация, что можно интерпретировать как сбалансированную структуру текущего состояния. Это свидетельствует об оптимальности ФС для выполнения текущей деятельности и формировании готовности к работе.

Таблица 3

Факторная структура ФС в течение тренингового дня по всей группе обследуемых

В начале дня	Фактор 1 - Субъективная оценка состояния (вес - 2,25; 28,1 % дисперсии)	ИСК (-.889), ОУ (.773), РТ (.695), ПЭ (-.610)
	Фактор 2 - Физиологическое обеспечение (вес - 1,90; 23,7% дисперсии)	АДс (.920), АДд (.864)
	Фактор 3 - Энергетическая мобилизация (вес - 1,77; 22,2% дисперсии)	ЧСС (.940), ИК (.855)
Во второй половине дня - до паузы для отдыха	Фактор 1 - Субъективная оценка состояния (вес - 2,70; 33,8 % дисперсии)	ИСК (.897), ПЭ (.817), ОУ (-.779), РТ (-.771)
	Фактор 2 - Физиологическая регуляция ФС (вес - 2,11; 26,4% дисперсии)	АДд (.945), АДс (.837), ИК (-.654)
	Фактор 3 - Энергетическая мобилизация (вес - 1,49; 18,6% дисперсии)	ЧСС (.947), ИК (.727)
Во второй половине дня - после паузы для отдыха	Фактор 1 - Субъективная оценка состояния (вес - 2,38; 26,4 % дисперсии)	ПЭ (.843), РТ (-.822), ИСК (.786), ОУ (-.604)
	Фактор 2 - Физиологическая регуляция ФС (вес - 2,02; 22,4% дисперсии)	АДд (.934), АДс (.869), ИК (-.573)
	Фактор 3 - Энергетическая мобилизация (вес - 1,68; 18,7% дисперсии)	ЧСС (.939), ИК (.788)
	Фактор 4 - Результативность выполнения деяти (вес - 1,01; 11,3% дисперсии)	ОШ (.971)

Во второй половине дня происходит переструктурирование ФС, отражающее отмеченные эффекты развития утомления и приводящее к осознанию негативной динамики ФС на уровне субъективного отражения. Изменения в структуре ФС отчетливо видны в перераспределении физиологических показателей: интегративный показатель индекса Кердо, ранее вместе с показателем ЧСС формирующий блок энергетической мобилизации, теперь присоединяется также к фактору физиологического обеспечения (показателям артериального давления), образуя новый блок физиологической регуляции ФС. Смысл данных структурных перестроек заключается в следующем: на данном этапе тренинга обеспечение нужной

для работы направленности физиологических процессов (доминирования симпатического отдела вегетативной системы) реализуется через подключение дополнительных физиологических ресурсов. Обобщая полученные результаты, можно сделать заключение о развитии начальной стадии утомления: на уровне субъективной оценки состояния появляются признаки дискомфорта и утомления, на физиологическом уровне не нужный уровень работоспособности пока поддерживается за счет активизации компенсаторных механизмов - привлечения дополнительных физиологических ресурсов к регуляции ФС.

Важно отметить, что применяемые опосредованные способы оптимизации ФС и периодическое проведение психогимнастических упражнений в первой

Таблица 4

**Динамика показателей ФС под влиянием паузы для отдыха
по всей группе обследуемых**

Показатели	Замеры		
	2 замер - вторая половина дня до паузы для отдыха	3 замер - после паузы для отдыха	Значимые сдвиги показателей (t-критерий Стьюдента)*
	Среднее (ст. откл)	Среднее (ст. откл)	Уровень значимости, значение t-критерия
ЧСС	81.68 (9.98)	78.45 (10.49)	p<0.01 (+), t=4,289
АДс	120.41 (14.36)	118.74 (12.58)	p<0.1 (+), t=1,830
АДд	77.46 (10.81)	76.24 (9.19)	-
ИК	4.26 (14.71)	1.14 (15.84)	p<0.05 (+), t=2,498
ИСК	47.98 (9.21)	51.83 (8.13)	p<0.01 (+), t=-3,936
РТ	36.67 (6.05)	33.42 (6.15)	p<0.01 (+), t=7,155
ПЭ	22.07 (6.10)	23.25 (6.42)	p<0.05 (+), t=-2,484
- Интерес	9.07 (2.87)	9.62 (2.68)	p<0.05 (+), t=-2,073
- Радость	8.55 (2.94)	8.75 (2.99)	-
- Удивление	4.45 (2.18)	4.88 (2.53)	p<0.05 (+), t=-2,375
ОУ	9.67 (7.05)	6.62 (5.20)	p<0.01 (+), t=6,052
ОШ		2.87 (2.22)	

* В скобках обозначен характер сдвигов диагностических показателей: (-) - ухудшение, (+) - улучшение.

половине тренингового дня только в некоторой степени способны компенсировать такие особенности тренинговой нагрузки, как интенсивный темп обучения, необходимость следования заданному регламенту и активного участия в групповых формах работы.

2. Эффекты отдыха и восстановления ресурсов. Рассмотрим, прежде всего, как повлияло на ФС участников включение в процесс тренинга паузы для отдыха *безотносительно к ее содержанию* (см. таблицу 4). Эффекты отдыха и оптимизации ФС проявились, прежде всего, в позитивной динамике показателей субъективной оценки состояния: значимом повышении уровня субъективного комфорта и положительных эмоциональных переживаний, зна-

чимом снижении острого утомления. Снижение реактивной тревожности в границах нормативных значений является следствием позитивной динамики физиологических показателей ФС, которые после паузы для отдыха также отражают эффекты оптимизации: в границах диапазона оптимальных значений снижаются показатели частоты сердечных сокращений, индекса Кердо, на уровне тенденции снижается систолическое АД.

Факторная структура показателей ФС после паузы для отдыха становится более сходной со структурой показателей в начале учебного дня, происходящие изменения свидетельствуют о наличии тенденции к повышению ее сбалансированности (см. таблицу 4).

Поскольку результаты показали, что тренинговая нагрузка в первой половине учебного дня сказалась в основном на уровне субъективной оценки ФС, интересно отметить, что и эффекты дополнительно организованной паузы для отдыха на ФС проявились преимущественно на данном уровне. Этот эффект обусловлен тем, что сама по себе пауза для отдыха являлась содержательно и процедурно отличной от организации остальных тренинговых задач, что способствовало снятию признаков утомления и позитивно отразилось на эмоциональном состоянии участников. Возможно, на полученный результат повлияло и то, что участники получили возможность заняться строго индивидуальной работой по управлению ФС.

Таким образом, в целом полученные результаты позволяют сделать следующий вывод: применение специально организованной паузы для отдыха и восстановления, вне зависимости от ее содержательного наполнения, приводит к оптимизации ФС. Оптимизационные эффекты проявляются в снятии физиологического напряжения, позитивной динамике большинства показателей субъективной оценки состояния, отражающих уровень общей работоспособности и степень включенности в процесс обучения.

Обратимся к обсуждению эффектов отдыха и восстановления *в зависимости от типа используемых оптимизационных процедур*. Прежде всего, представляется важным проанализировать субъективное восприятие участниками предложенных средств оптимизации ФС. Результаты бесед с участниками тренингов позволяют выявить определенные различия в восприятии ими предложен-

ных типов оптимизационных процедур.

Так, большинство обследуемых группы самостоятельно организованного отдыха отметили положительный эффект дополнительной паузы в работе и проявили интерес к анализу результатов диагностики (20 из 30 человек). Однако некоторые участники отмечали чрезмерную продолжительность паузы для отдыха и выражали сожаление по поводу «впустую потраченного» учебного времени (8 из 30 человек), особенно в тех случаях, когда по данным методик оценки ФС не наблюдалось выраженного позитивного эффекта или, более того, выявлялся негативный эффект (7 из 30 человек).

Проведение сеанса ПСР также в целом было воспринято с интересом, и участники сообщили о позитивных изменениях ФС (46 из 62 человек). Усталость и ухудшение настроения после сеанса релаксации, а также трудности в выполнении новых, незнакомых упражнений отметили 7 из 62 человек. Негативные реакции (или, скорее, скептическое отношение) в основном были связаны, по словам участников, с непривычностью данного типа отдыха и предполагаемыми затруднениями полноценной реализации приемов ПСР на рабочем месте (10 из 62 человек). Однако в отличие от общего мнения группы самостоятельно организованного отдыха, высказывания участников группы ПСР скорее были направлены на прояснение условий успешного применения приемов ПСР и свидетельствовали об интересе к данным средствам.

Таким образом, привлечение методов активной саморегуляции состояния, как нам представляется, позволяет снять противоречие между требовани-

Таблица 5

Значимые сдвиги диагностических показателей группы самостоятельно организованного отдыха и объединенных групп ПСР после паузы для отдыха (t-критерий Стьюдента)*

Показатели	Группа	
	Самостоятельно организованный отдых (n=30)	Группа ПСР (n=62)
Субъективная оценка состояния	ИСК: p<0.05 (+), t=-2,578 РТ: p<0.01 (+), t=2,891 ОУ: p<0.01 (+), t=4,628	ИСК: p<0.01 (+), t=-3,079 ПЭ: p<0.05 (+), t=-2,404 РТ: p<0.01 (+), t=6,778 ОУ: p<0.01 (+), t=4,187
Физиологические показатели	Отсутствие эффекта	ЧСС: p<0.01 (+), t=5,219 АДс: p<0.05 (+), t=2,212 АДд: p<0.1 (+), t=1,909 ИК: p<0.01 (+), t=2,525

* В скобках обозначен характер сдвигов диагностических показателей: (-) - ухудшение, (+) - улучшение.

ем к содержательной насыщенности обучения и необходимостью привлечения дополнительных средств коррекции ФС. Участники в группах ПСР не только смогли улучшить собственное состояние, но и получили возможность ознакомиться с конкретной техникой саморегуляции ФС, что обеспечило конструктивное отношение к предложенной оптимизационной процедуре.

Анализ показателей ФС после проведения паузы для отдыха и восстановления состояния позволил более точно охарактеризовать эффекты использованных типов оптимизационных процедур. Значимые изменения показателей ФС обобщены в таблице 5.

Так, после самостоятельно организованного отдыха происходит оптимизация ФС на уровне показателей субъективной оценки ФС: получен значимый рост уровня субъективного комфорта, снижение уровня реактивной тревожности и утомления. Результаты выполнения нагрузочного теста - 2.8 ошибок из 13 возможных (что соответствует среднему значению данного показателя по всей выборке обследуемых - 2.87 ошибок).

Достигнутый позитивный эффект связан, предположительно, с формированием у участников определенного отношения к заданию: интереса к итоговому тесту и оценки его как своеобразного вызова; восприятия предоставленного времени как паузы для отдыха, возможности передохнуть и самостоятельно организовать свое время. Позитивный эффект мог быть достигнут также благодаря использованию участниками привычных приемов купирования неблагоприятных симптомов ФС и настрою на предстоящую деятельность [Нартова-Бочавер, 1997].

После сеансов ПСР происходит изменение ФС как на уровне субъективных оценок: рост уровня субъективного комфорта и позитивных эмоций, снижение уровня утомления и реактивной тревожности; так и на физиологическом уровне: снижение показателей ЧСС и индекса Кердо, диастолического и систолического АД в границах нормы. Результаты выполнения нагрузочного теста также достаточно высоки и составляют 2.9 ошибок из 13 возможных. Таким образом, сравнение динамики ФС в результате применения обсужда-

Таблица 6

Факторная структура показателей ФС группы самостоятельно организованного отдыха и группы ПСР

	Самостоятельно организованный отдых		Сеанс ПСР	
Во второй половине дня – до паузы для отдыха	Фактор 1 – Субъективная оценка состояния (вес – 2,80; 33,8 % дисп.)	ИСК (.895) ПЭ (.878) РТ (-.798) ОУ (-.711)	Фактор 1 – Субъективная оценка состояния (вес – 2,68; 33,5 % дисп.)	ИСК (.886) ОУ (-.812) ПЭ (.808) РТ (-.739)
	Фактор 2 – Физиологическая регуляция ФС (вес – 2,21; 26,4% дисп.)	АДд (.931) АДс (.761) ИК (-.654)	Фактор 2 – Физиологическая регуляция ФС (вес – 2,11; 26,4% дисп.)	АДд (.942) АДс (.876) ИК (-.602)
	Фактор 3 – Энергетическая мобилизация (вес – 1,45; 18,6% дисп.)	ЧСС (.947) ИК (.743)	Фактор 3 – Энергетическая мобилизация (вес – 1,56; 19,4% дисп.)	ЧСС (.925) ИК (.764)
Во второй половине дня – после паузы для отдыха	Фактор 1 – Эмоциональный комфорт (вес – 2,28; 25,3 % дисп.)	РТ (-.888) ИСК (.855) ПЭ (.830)	Фактор 1 – Субъективная оценка состояния (вес – 2,46; 27,3 % дисп.)	ПЭ (-.846) РТ (.802) ИСК (-.752) ОУ (.722)
	Фактор 2 – Физиологическая регуляция ФС (вес – 2,15; 23,9% дисп.)	АДд (.936) АДс (.804) ИК (-.755)	Фактор 2 – Физиологическое обеспечение (вес – 2,04; 22,7% дисп.)	АДд (.940) АДс (.891)
	Фактор 3 – Энергетическая мобилизация (вес – 1,47; 16,3% дисп.)	ЧСС (.961) ИК (.570)	Фактор 3 – Энергетическая мобилизация (вес – 1,74; 19,3% дисп.)	ЧСС (.927) ИК (.847)
	Фактор 4 – Субъективная оценка готовности к деятельности (вес – 1,15; 12,8% дисп.)	ОУ (-.809) ОШ (.675)	Фактор 4 – Результативность выполнения деятельности (вес – 1,01; 11,3% дисп.)	ОШ (.982)

емых типов оптимизационных средств свидетельствует о наличии более глубокого оптимизирующего эффекта при использовании целенаправленных средств ПСР: позитивные изменения показателей ФС участников в группе ПСР носят комплексный характер и затрагивают как показатели субъективной оценки состояния, так и физиологические показатели.

Данные факты подтверждают изменения на уровне структурных взаимосвязей показателей ФС участников

групп самостоятельно организованного отдыха и ПСР (см. таблицу 6). После проведения паузы для отдыха факторная структура ФС участников группы ПСР, представленная четырьмя блоками, становится более сбалансированной и сходной со структурой показателей в начале дня (показатель точности выполнения итогового теста составляет отдельный четвертый фактор).

Факторная структура показателей ФС группы самостоятельно организованного отдыха также включает четыре

блока, однако содержательная интерпретация позволяет сделать заключение об иных связях показателей ФС. В частности, следует обратить внимание на второй фактор, сохраняющий взаимосвязи показателей артериального давления и индекса Кердо (в отличие от данного блока в группе ПСР), что подтверждает отсутствие выраженного восстановительного эффекта на физиологическом уровне регуляции ФС. По поводу содержания четвертого фактора можно предположить, что более высокие значения показателя ситуативного утомления в обсуждаемой группе являются следствием большей включенности в процесс обучения, которая, в свою очередь, обеспечивает более успешное выполнение итогового теста.

Таким образом, анализ средних значений показателей ФС и их структурных взаимосвязей позволяет сделать вывод о том, что организованный процесс позитивного изменения ФС при помощи приемов ПСР в вариантах: а) нервно-мышечной релаксации и б) нервно-мышечной релаксации с элементами аутогенной тренировки, оказывает больший оптимизирующий эффект по сравнению со спонтанной самостоятельной саморегуляцией. Это достигается благодаря расширению ресурсов саморегуляции текущего состояния при помощи мощных восстановительных возможностей приемов ПСР [Лобзин и Решетников, 1986]. Данный эффект управляющих самовоздействий отражается в системных сдвигах показателей ФС и охватывает все уровни его проявления. Характерно, что полученные результаты достигнуты даже при однократном применении приемов ПСР у людей, не имеющих опыта использо-

вания специальных навыков психологической саморегуляции состояния.

Заключение

В проведенном исследовании были реализованы следующие задачи: осуществлен подбор конкретных средств психологической саморегуляции ФС, а также их адаптация к содержанию и условиям обучения в процессе бизнес-тренинга, проведено научное обоснование возможностей прикладного применения приемов ПСР для коррекции ФС участников тренинга.

Полученные в эмпирическом исследовании данные подтвердили выдвинутое предположение о недостаточности традиционно применяемых средств поддержания оптимального ФС профессионалов в процессе интенсивного обучения. Установлено снижение ФС участников под влиянием тренинговой нагрузки, в первую очередь, в отношении психологических ресурсов, непосредственно задействованных в обеспечении эффективности учебного процесса.

В ходе исследования была выявлена позитивная динамика показателей ФС в результате включения в тренинг дополнительных приемов, направленных на профилактику развития неблагоприятных состояний; а также показано наличие более глубокого оптимизирующего эффекта приемов ПСР по сравнению с самостоятельно организуемыми участниками процедурами восстановления и настроя на предстоящую учебную деятельность. Результаты бесед с участниками тренинга в целом подтвердили важность включения дополнительных средств управления ФС в содержательный контекст тренинга и обоснования их целесообразности для повышения

результативности профессиональной деятельности. Таким образом, одним из актуальных направлений дальнейших исследований в данной области может стать разработка дополнительных средств коррекции ФС на отдельных этапах тренингового обучения и научное обоснование их эффективности.

Реализованная программа исследования, включающая краткое теоретическое ознакомление с характеристикой средств ПСР, практическое применение конкретного метода ПСР, а также индивидуальную обратную связь об эффектах сеанса саморегуляции ФС, может быть включена в качестве самостоятельного учебного модуля в программы тренингов повышения коммуникативной компетентности, а также иные виды профессиональных тренингов при внесении соответствующих коррективов. Несмотря на конкретную ориентацию исследования на процесс именно бизнес-тренинга, сфера его применения может быть существенно расширена: полученные данные могут быть использованы при разработке программ оптимизации ФС в современных формах интенсивного профессионального обучения.

Литература:

1. Барабанщикова В. В. Модальность образной сферы как фактор оптимизации функционального состояния профессионалов в процессе психологической саморегуляции. Дисс. ... канд. психол. наук. - М., 2005.
2. Бодров В. А. Информационный стресс. - М.: ПЭР СЭ, 2000.
3. Вачков И. В. Основы психотехнологии группового тренинга. Психотехники. - М.: Ось-89, 2005.
4. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб: Питер, 2005.
5. Давыдов В. В., Неверкович С. Д., Самоукина Н. В. О функциях рефлексии в игровом обучении руководителей // Вопросы психологии. - 1990. №3. - С. 76-84.
6. Дикая Л. Г. Психология саморегуляции функционального состояния субъекта в экстремальных условиях деятельности. Дисс. . докт. психол. наук. - М., 2002.
7. Жуков Ю. М. Коммуникативный тренинг. - М.: Гардарики, 2003.
8. Злоказова Т. А. Психологическая саморегуляция как средство оптимизации функционального состояния профессионалов в процессе бизнес-тренингов. Дисс. ... канд. психол. наук. - М., 2007.
9. Иванова Е. М. Психологическая системная профессиография. - М.: ПЭР СЭ, 2003.
10. Кларин М. В. Корпоративный тренинг от А до Я. - М.: Дело, 2002.
11. Кузнецова А. С. Методы психологической саморегуляции и психопрофилактика неблагоприятных функциональных состояний человека в связи с особенностями профессиональной деятельности. Дисс. . канд. психол. наук. - М., 1993.
12. Леонова А. Б. Психологические средства оценки и регуляции функциональных состояний человека. Дисс. ... докт. психол. наук. - М., 1989.
13. Леонова А. Б., Капица М. С. Методы субъективной оценки функциональных состояний человека // Стрелков Ю. К. (ред.). Практикум по инженерной психологии и эргономике. - М.: Академия, 2003. - С. 136-166.
14. Леонова А. Б., Кузнецова А. С. Психологические технологии управления состоянием человека. - М.: Смысл, 2007.
15. Леонова А. Б., Медведев В. И. Функциональные состояния человека в трудовой деятельности. - М.: МГУ, 1981.
16. Ли Д. Практика группового тренинга. - СПб.: Питер, 2002.
17. Лобзин В. С., Решетников М. М. Аутогенная тренировка. - М.: Медицина, 1986.
18. Макшанов С. И. Психология тренинга: Теория. Методология. Практика. - СПб.: Образование, 1997.
19. Нартова-Бочавер С. К. Coping behavior в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. - 1997. Т.18, №5. - С. 20-30.
20. Никифоров Г. С. (ред.). Психология здоровья: Учебник для ВУЗов. - СПб.: Питер, 2003.
21. Обознов А. А. Психическая регуляция операционной деятельности (в особых условиях рабочей среды). - М.: Инст-т психологии РАН, 2003.
22. Хрящева Н. Ю. (ред.). Психогимнастика в тренинге. - СПб.: Речь, Инст-т Тренинга, 2001.
23. Цзен Н. В., Пахомов Ю. В. Психотренинг: игры и упражнения. - М: Независимая фирма «Класс», 2006.
24. Bassi L. J., Cheney S. and Van Buren M. Training

industry trends 1997 // Training and Development. November, 1997. p. 46-59.

25. Chmiel N. (ed.) Introduction to work and organizational psychology: a European perspective.

- Oxford: Blackwell, 2000, p. 100-125.

26. Patrick J. Training: Research and Practice. - London: Academic Press, 1992.

Психокоррекция защитной сферы осужденных, употреблявших психоактивные вещества

Т. И. Савельева

Для успешного проведения психокоррекционной и психопрофилактической работы необходимо учитывать те сопротивления, которые осужденный, как и всякий клиент психотерапевта, оказывает в процессе получения психологической помощи. Эти сопротивления исходят из защитной сферы и впервые были описаны З. Фрейдом.

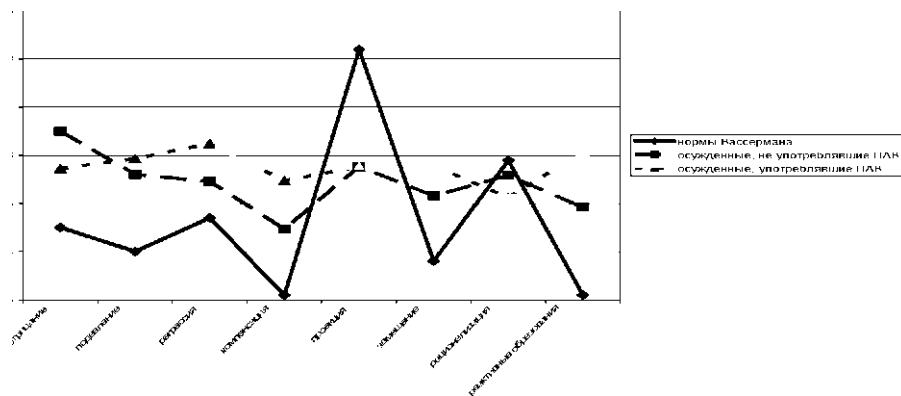
Для исследования защитной сферы личности мы использовали распространенный **тест-опросник «Индекс жизненного стиля» LSI (Р. Плутчика, Г. Келлермана, Х. Конта)**.

Сравнительный анализ предпочитаемых типов психологических защит

у осужденных, употреблявших ПАВ, и осужденных, не употреблявших ПАВ, показывает, что защитная сфера у них различается (рис. 1). Для осужденных, употребляющих ПАВ, ведущими психологическими защитами являются регрессия и рационализация, а для осужденных, не употреблявших ПАВ, ведущей является отрицание.

Рассмотрим поподробнее эти защиты:

Регрессия - переход личности на инфантильный способ реагирования. Бессознательное использует регрессию, когда личность не в состоянии принять реальность такой, какая она есть,

Рис. 1. Средние показатели по тест-опроснику «Индекс жизненного стиля» в разных группах испытуемых в сравнении с нормами Вассермана.

industry trends 1997 // Training and Development. November, 1997. p. 46-59.

25. Chmiel N. (ed.) Introduction to work and organizational psychology: a European perspective.

- Oxford: Blackwell, 2000, p. 100-125.

26. Patrick J. Training: Research and Practice. - London: Academic Press, 1992.

Психокоррекция защитной сферы осужденных, употреблявших психоактивные вещества

Т. И. Савельева

Для успешного проведения психокоррекционной и психопрофилактической работы необходимо учитывать те сопротивления, которые осужденный, как и всякий клиент психотерапевта, оказывает в процессе получения психологической помощи. Эти сопротивления исходят из защитной сферы и впервые были описаны З. Фрейдом.

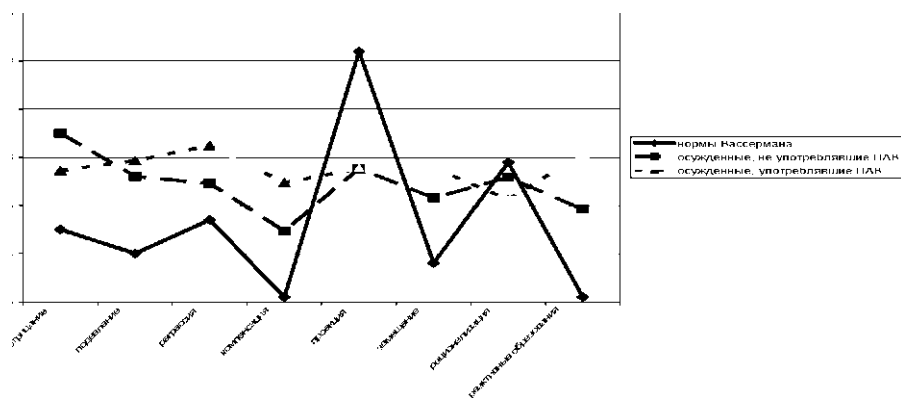
Для исследования защитной сферы личности мы использовали распространенный **тест-опросник «Индекс жизненного стиля» LSI (Р. Плутчика, Г. Келлермана, Х. Конта)**.

Сравнительный анализ предпочитаемых типов психологических защит

у осужденных, употреблявших ПАВ, и осужденных, не употреблявших ПАВ, показывает, что защитная сфера у них различается (рис. 1). Для осужденных, употребляющих ПАВ, ведущими психологическими защитами являются регрессия и рационализация, а для осужденных, не употреблявших ПАВ, ведущей является отрицание.

Рассмотрим подробнее эти защиты:

Регрессия - переход личности на инфантильный способ реагирования. Бессознательное использует регрессию, когда личность не в состоянии принять реальность такой, какая она есть,

Рис. 1. Средние показатели по тест-опроснику «Индекс жизненного стиля» в разных группах испытуемых в сравнении с нормами Вассермана.

Таблица 1

**Факторный анализ на всей выборке осужденных по тест-опроснику
«Индекс жизненного стиля»**

	Faktor 1	Faktor 2	Faktor 3
Отрицание	0,086565	<u>0.831583</u>	0,054534
Подавление	<u>0.660078</u>	0,119647	0,266399
Регрессия	<u>0.845378</u>	0,235582	0,205153
Компенсация	<u>0.682789</u>	0,439870	0,227758
Проекция	0,210938	0,126079	<u>0.873915</u>
Замещение	<u>0.853007</u>	-0,082922	0,183937
Рационализация	0,056599	<u>0.697922</u>	0,522163
Реактивные образования	<u>0.723555</u>	0,326777	0,096284

или человек не в состоянии справиться с требованиями морали, или там, где другие защитные механизмы неэффективны. Весь комплекс наркоманской субкультуры, тем более - внедренной внутри криминальной, характеризуется рядом регрессивных проявлений, вплоть до актуализации в психике черт первобытного мышления. Это специфический сленг, набор примет, ритуалов, табу, татуировок, якобы обладающих защищающим владельца действием. В личности отдельного наркозависимого регрессия дает о себе знать примитивностью интересов, эмоциональной уплощенностью, плаксивостью, внушаемостью, отсутствием чувства опасности. Так, наркозависимый способен принять неизвестное лекарственное вещество в высоких дозах, не зная его действия.

Рационализация (интеллектуализация, морализация) развивается в онтогенезе относительно поздно, в раннем подростковом возрасте. Образование данного механизма принято соотносить с фрустрациями, связанны-

ми с неудачами в конкуренции со сверстниками. Предполагает произвольную схематизацию и истолкование внешних и внутренних событий для развития субъективного ощущения контроля над любой ситуацией. То есть, рационализация есть псевдоразумное объяснение человеком своих желаний, поступков, в действительности вызванных причинами, объективное признание которых способно разрушить образ себя, тем самым вызвав негативные эмоциональные переживания. Рационализация активно используется наркозависимыми с относительно сохраненной когнитивной функцией. Она содержит в себе многочисленные ответы на вопросы «Почему я употреблял наркотики?», «Почему я совершил правонарушение?» и т. д. В отличие от объективной аргументации, рационализация, при сохранении относительно адекватной смысловой структуры, не выдерживает проверки реальностью, легко опровергается простыми вопросами.

Отрицание - наиболее ранний онтогенетически и наиболее примитивный

Таблица 2

Факторный анализ, проведенный по результатам исследования осужденных, не употреблявших ПАВ, по тест-опроснику механизмов защиты «Индекс жизненного стиля»

	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
Отрицание	0,046251	0,814252	0,091120
Подавление	0,595311	0,300931	-0,539194
Регрессия	0,814750	0,020753	0,204579
Компенсация	0,506144	0,540980	0,076643
Проекция	0,208869	0,197826	0,873450
Замещение	0,840008	-0,011945	0,004238
Рационализация	-0,227630	0,786784	0,298147
Реактивные образования	0,346879	0,525826	0,126118

механизм защиты. Отрицание представляет собой фильтр, не допускающий сенсорную информацию на уровень когнитивной переработки. Используя отрицание, осужденный решает внутренний психологический конфликт между социально-желательными установками и своим поведением, обусловленным криминальными установками.

Перейдем к рассмотрению результатов факторного анализа по тест-опроснику механизмов защиты «Индекс жизненного стиля». По общей выборке осужденных обработка массива данных позволила выделить три фактора (таб. 1).

В первый фактор по всей выборке осужденных входят с положительными весами подавление (0,66), регрессия (0,85), компенсация (0,68), замещение (0,85) и реактивные образования (0,72). Во второй фактор с положительными весами входят отрицание (0,83) и рационализация (0,69). Третий фактор представлен одним показателем проекция (0,87).

В первый фактор выборки осужденных, не употреблявших ПАВ, входят с

положительными весами подавление (0,59), регрессия (0,81), замещение (0,84). Во второй фактор этой же выборки помещаются отрицание (0,81), компенсация (0,54), рационализация (0,79), реактивные образования (0,52). В третий фактор входят с положительными весами проекция (0,87) и с отрицательными весами подавление (0,54) (таб. 2).

В первый фактор выборки осужденных, употреблявших ПАВ, входят с положительными весами подавление (0,62), регрессия (0,84), проекция (0,66), замещение (0,78). Второй фактор представлен положительными показателями по отрицанию (0,74), рационализации (0,87). В третий фактор входят компенсация (0,79) и реактивные образования (0,73) (таблица 3).

Сравнивая полученные результаты, выявилось, что для обеих групп осужденных в первом факторе характерны два типа психологических защит: замещение и регрессия. Но имеются и различия. Для осужденных, не имевших опыт употребления психоактив-

Таблица 3

Факторный анализ, проведенный по результатам исследования осужденных, употреблявших ПАВ, по тест-опроснику механизмов защиты «Индекс жизненного стиля»

	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
Отрицание	0,108732	<u>0,743039</u>	0,357699
Подавление	<u>0,620394</u>	0,176495	0,271199
Регрессия	<u>0,838717</u>	0,168791	0,313605
Компенсация	0,251031	0,147086	<u>0,792310</u>
Проекция	<u>0,657499</u>	0,518390	-0,276797
Замещение	<u>0,778938</u>	-0,080809	0,402008
Рационализация	0,085568	<u>0,872835</u>	0,041476
Реактивные образования	0,286116	0,122084	<u>0,738129</u>

ных веществ, в первом факторе к уже указанным типам психологических защит добавляется еще один тип защиты - подавление. Таким образом, данное защитное поведение строится по следующей схеме: регрессия, замещение, подавление. Для осужденных, имевших опыт употребления психоактивных веществ, в первом факторе к общим типам психологических защит добавляются еще две - проекция и замещение. У данной категории осужденных защитное поведение характеризуется следующей схемой: «я совершал это деяние, но не помню все подробности» (вытеснение), «меня осудили за то, что совершил другой» (проекция), «я не виноват» (регрессия), «виноват во всем этом ...» (замещение), «и вообще я ничего не помню» (вытеснение).

Анализируя второй фактор, мы выявили, что он одинаково характерен для двух групп испытуемых осужденных. Мы его назвали «отрицающе-рационализующий». Этот фактор характеризуют два типа защит - отрицание и рационализация. В этом факторе от-

рицание (отказ видеть, слышать, понимать) связан с рационализацией. Рационализация в коротком определении - это нахождение рациональных объяснений своим иррациональным или аморальным (преступным) действиям: «я ворую, потому что все воруют», «я убивал, но только плохих людей». Таким образом, смысл этого защитного поведения прост: знать ничего не знаю (отрицание), сделал потому что... (рационализация) и слышать ничего не хочу (вновь отрицание).

Но именно различия по третьему фактору дают нам понять, чем отличается защитное поведение осужденных от защитного поведения осужденных, употребляющих психоактивные вещества. Для осужденных, употребляющих психоактивные вещества, характерна такая цепочка защитного поведения: компенсация и реактивные образования. Из этого следует, что осужденные, употребляющие психоактивные вещества, испытывая трудности в одном поведении, пытаются их компенсировать другим поведением, например, упот-

реблением наркотиков. Компенсация - онтогенетически самый поздний и когнитивно сложный защитный механизм, который развивается и используется, как правило, сознательно. Предназначен для сдерживания чувства печали, горя по поводу реальной или мнимой потери, утраты, нехватки, недостатка, неполноценности. Компенсация предполагает исправление или нахождение замены этой неполноценности. Но, чтобы как-то оправдать свои действия, придумывают собственную мини-концепцию, оправдывающую их такое поведение. Например, «я употребляю ПАВ потому, что в нормальном состоянии я не испытываю такого творческого подъема, как при приеме их».

Перечисленные механизмы психологической защиты оберегают личность осужденного, употреблявшего психоактивные вещества, от социального давления, ощущения катастрофы жизни, однако они же являются и препятствием для адаптации, как в исправительном учреждении, так и после освобождения из мест лишения свободы.

Используя полученные данные, мы разработали психокоррекционную программу, которая направлена на реабилитацию осужденных, употреблявших ПАВ, к жизни на свободе.

При разработке данной программы мы учитывали результаты, полученные нами в ходе нашего исследования, и нормативные документы, и разработки практических психологов.

Одним из основных направлений в работе психологов уголовно-исполнительной системы является психокоррекционная работа. Объектом деятельности психолога является обычный, здоровый человек, поэ-

тому ему важнее знать личностные особенности человека, обуславливающие возможность успешной адаптации в измененных и экстремальных условиях жизнедеятельности. Знание этих особенностей позволяет психологу прогнозировать успешность деятельности и вероятные последствия для здоровья при внезапно возникших экстремальных ситуациях.

Психокоррекция подразумевает под собой психологическое воздействие на определенные психические структуры в целях оптимизации развития и функционирования индивида в конкретных условиях жизнедеятельности.

Данная программа психокоррекции зависимого поведения состоит из трех этапов.

Первый этап.

На данном этапе происходит психологическое обследование осужденных с применением различных методик. Помимо психологического обследования, на этом этапе проводится ознакомительная беседа и анкетирование по поводу употребления психоактивных веществ. В это же время происходит обучение методам психической саморегуляции. Применение приемов и методов психической саморегуляции необходимо для предупреждения различных психосоматических расстройств (нарушения сна, снижение аппетита и т.д.). Такие расстройства, как отмечают медики, являются результатом истощения внутренних энергетических ресурсов человека вследствие рассогласования циркадианных ритмов организма, нервного напряжения и физического переутомления, вызываемых экстремальными ситуациями.

Приемы и методы психической саморегуляции:

- успокаивающее и мобилизующее дыхание;
- аутогенная тренировка;
- нервно-мышечная релаксация;
- идеомоторная тренировка;
- ароматерапия и другие.

Второй этап.

Исходя из полученных результатов, осужденных объединяют в небольшие группы для проведения групповой работы.

Группы формируются по наличию психологических защит. В зависимости от вида психологических защит строится психокоррекционная работа с осужденными, имевшими опыт употребления ПАВ.

Проанализировав научную литературу, мы пришли к выводу, что с осужденными, имеющими примитивные психологические защиты, целесообразнее использовать такое направление в практической психологии, как психодрама и ее направления (социодрама и ролевой тренинг). Этот метод положительно зарекомендовал себя в наркологических диспансерах России, а в частности в Рязанском областном клиническом диспансере и наркологических больницах г. Санкт-Петербурга.

Работа с более зрелыми психологическими защитами представлена таки-

ми направлениями, как гештальт-терапия, логотерапия, техники НЛП.

Третий этап.

На этом этапе проводится тренинг, направленный на овладение навыками уверенного поведения, аргументированного отказа в ситуации выбора. На этом этапе осужденные разыгрывают ситуации, в которых они могут оказаться при освобождении из мест лишения свободы.

Распространение наркомании на территории России делает неизбежным то, что пенитенциарные психологи должны быть готовы к психокоррекционной работе по реабилитации осужденных, имевших опыт употребления психоактивных веществ.

Литература:

1. Об утверждении инструкции по организации деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы: Приказ Минюста России № 238 от 12.12.2005.
2. Руководство по организации деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы: Приложение к приказу ГУИН МЮ РФ от 18 декабря 1997 г. № 103.
3. Власова Ю. В. Динамика психологических защитных механизмов личности наркозависимого после освобождения из мест лишения свободы в процессе психокоррекции. Дисс... канд. психол. наук 19.00.06. - Рязань, 2006.
4. Кулаков С. А. Руководство по реабилитации наркозависимых. - СПб., 2006.

Управленческое консультирование: неиспользуемый ресурс

А. И. Пригожин

В любой организации бывает, что руководители собираются на какое-то совещание после кризисного события и мобилизуют весь свой интеллект, опыт для решения назревших организационно-управленческих задач. Некоторые решения находят. Но всё чаще получается так, что один из присутствующих в конце устало говорит: «А не пригласить ли нам специалиста по организационно-управленческим задачам? Ведь мы - не первые, кто спотыкается об эти проблемы. И раз есть спрос, наверняка есть и предложения». Поначалу ему отвечают: «У нас слишком большая специфика, и где найти такого специалиста?» И откажутся от этой мысли. А зря!

Во всём мире, во всех отраслях и сферах деятельности есть общие, универсальные закономерности и принципы построения оргсистем. И проблемы у них очень похожи, будь то завод, оптовая компания, мэрия или больница - обязательно там есть трудности в подборе персонала, в согласовании целей и действий разных подразделений, в определении служебных функций, в мотивации на их исполнении, в упреждении кризисов, в построении деловых процессов, в формировании организационной культуры и много-много чего ещё. И уже полтора века как в мире сложилась и процветает специальная профессия - консультант по управлению. Специфика какой-то организации, пусть самая глубокая и уникальная, для него совсем не преграда. Частично он её осваивает, а в остальном полагается на знания пригласивших его руководи-

телей. Классный консультант по управлению в прошлом году работал на металлургическом комбинате, в этом году - в издательстве, а в будущем - выполняет заказ администрации области.

Чем силён консультант по управлению? Или давайте обострим вопрос: что консультант по управлению умеет такое, чего не умеет даже самый опытный, хорошо образованный, успешный руководитель организации?

Во-первых, консультант по управлению знает те самые закономерности формирования и развития организаций, и любой равнодушный руководитель с большим интересом узнает от консультанта, как выработать цели и стратегию, как под них строить организацию, как делать кадровую политику и всё такое прочее. Знания эти, т.е. наука об управлении организациями непрерывно развивается, и все новые идеи в этой области консультант по управлению получает первым, а до руководителей они доходят с большим опозданием, если доходят вообще.

Во-вторых, консультант по управлению владеет специальными методами, которыми не может владеть руководитель, поскольку они принадлежат особой профессии. Какие это методы? Прежде всего это методы анализа ситуации, выработки решений, согласования целей и действий, разрешения конфликтов, планирования, получения информации и многие другие. Эти методы помогают руководителям быстрее и легче решать те проблемы, которые по здравому смыслу и опыту решаются не столь эффективно.

В-третьих, консультант по управлению имеет опыт решения управленческих задач в самых разных организациях. И этот совокупный опыт, как копилку, он может предложить руководителю в готовом виде. Ведь всегда интересно знать, кто с такой же проблемой, как у меня, разобрался лучше.

Как работает консультант по управлению? Начинает он с диагностики организации. Это чем-то похоже на диагностику живого организма. Он анализирует управленческие решения (приказы, распоряжения, планы), проводит с рядом сотрудников диагностические интервью, а иногда предлагает руководителям сделать самодиагностику, т.е. с помощью специальных консультационных процедур руководители сами диагностируют свою организацию. В результате первый руководитель получает сугубо конфиденциальный отчет с аргументированным описанием того состояния организации и управления, которое консультант видит сквозь призму своей профессии.

Дальше диагностика показывает, с решения каких проблем нужно начинать решение всего их комплекса. Конечно, появляются такие проблемы, решение которых от руководителей не зависят, их мы принимаем за внешние ограничения и занимаемся только теми возможностями, которые нам доступны. Под эти проблемы консультант предлагает специальные методы и опыт решения их в других организациях, хоть отечественных, хоть зарубежных.

Потом совместно с руководителями консультант вырабатывает решения тех проблем, которые вызывают или обостряют другие, т.е. начинает он с так называемых «корневых» проблем.

На выработке решения консультант не останавливается, ведь между выработкой решения и его выполнением - огромная дистанция. Для консультанта процесс осуществления решения есть самостоятельная, специфическая стадия, сфера управленческого труда. Тут действуют свои законы и применяются другие методы.

И так, шаг за шагом, консультант совместно с руководителями продвигается от выявления проблем к их решению и к реальным изменениям. Полноценный консультационный проект занимает обычно от года до двух. Иногда сами руководители приглашают консультанта сотрудничать дольше, ведь меняется обстановка - появляются новые проблемы.

Система исполнения наказаний в России - одна из самых болезненных и даже кризисных, насколько об этом можно судить извне её. В ней, конечно, есть сильные профессионалы, и, так или иначе, они свои задачи решают, но обращение к опыту специалистов в области организации и управления только усилит потенциал этих профессионалов.

Ещё раз напоминаю, что с каждым заказчиком, клиентом, консультант работает сугубо конфиденциально. Он не может передавать информацию о своём клиенте в вышестоящие или внешние инстанции. Конфиденциальность - фундаментальный принцип консультанта по управлению, в этом давно убедились те, для кого это жизненно важно: банки, страховые компании, да и для всякой другой бизнес-организации, действующей на конкурентном рынке, соблюдение конфиденциальности остро актуально.

Не пора ли руководителям пенитенциарной системы и её учреждениям обратиться к профессиональной помощи консультантов по управлению.

Управленческое консультирование в организации

А.В. Чечкова

Консультирование в организации как направление профессиональной деятельности приобретает в последние годы в России большое значение. Это определяется несколькими основными факторами: 1) экспоненциально ускоряется социальное время, что фиксируется на уровне всего цивилизационного сообщества, 2) растет количество изменений во внешней среде, 3) личность современного работника претерпевает изменения - он становится психологически все более свободным, мобильным и т.п. Существенные тенденции наблюдаются также на рынке труда, где прогнозируется резкое сокращение количества трудоспособных работников. Указанные тенденции повышают степень неопределенности в принятии управленческих решений, увеличивают уровень хаоса (энтропии) в организационных системах и конкурентности в межорганизационных отношениях. В свою очередь, эти процессы требуют адекватных изменений систем управления организацией, существенных изменений в моделях управления людьми.

Современный руководитель готов к тому, чтобы пользоваться специальными знаниями в области управления (в частности, социального управления), поскольку интенсивность оперативного управления просто не дает ему возможности постоянно отслеживать и осваивать новые модели менеджмента. Любые руководители в организации, конечно же, знают технологию ее работы, структуру, знают людей, их проблемы, но он включен в систему, является

носителем организационной культуры и поэтому воспринимает организацию под определенным углом зрения, его взгляд - изнутри. В обычной ситуации этого достаточно для принятия управленческих решений. В хорошо функционирующей организации каждый руководитель знает нормативные требования и хорошо представляет свои действия в тех случаях, когда выходные параметры им не соответствуют. Он понимает, что необходимо предпринять для того, чтобы все вновь заработало. Когда же нормативные требования меняются и привычные способы воздействия перестают приносить ожидаемый результат, становится необходим профессиональный взгляд со стороны.

Парадоксально то, что в таких случаях труднее всего самым опытным менеджерам. Как правило, срабатывает обратная сторона опыта. Ведь опытный менеджер многие решения принимает автоматически: он хорошо знает по опыту, как организация будет реагировать на это решение, как претворять его в жизнь. Поэтому он принимает решения быстро, как и следует поступать во многих, особенно экстремальных ситуациях. Но меняются условия, меняются правила взаимодействия внутри организации, и старый опыт становится бесполезен; более того, он мешает найти что-то новое, принять нестандартное, быть может неожиданное, решение.

Такое положение вещей не сразу и не всегда осознается. Крайне сложно признаться самому себе, что многолетний опыт, который всегда выручал ру-

ководителя и организацию, начинает работать против них. Но хороший менеджер способен, как опытный водитель, чувствовать свою организацию и все процессы в ней, не только уже происходящие, но и грядущие. Если такая способность у менеджеров есть, то они раньше других сотрудников начинают, если не сразу, понимать необходимость изменений, то хотя бы испытывать смутную тревогу, осознавать, что что-то не так.

М. Кубр использует понятие поведенческой роли, когда описывает личностные характеристики консультанта по управлению. Он выделяет две основные роли: экспертную и обеспечивающую процесс. Первая заключается в помощи клиенту через предоставление своего технического опыта, информации, проведение организационной диагностики, обучение персонала, рекомендации и т. п.

Вторая роль предполагает обеспечение изменений в организации через обучение методам развития организа-

ционных процессов, передачу подходов и методов решения проблем, развитие собственных управленческих компетенций клиента и т. п. В этом случае консультант сотрудничает с клиентом, усиливает его в процессе развития системы управления.

Как указывает А. И. Пригожин, организации на различных этапах своего жизненного цикла нуждаются в консультационной помощи при решении следующих задач: регулирование отношений в малой группе, формализация отношений, реструктуризация, новая мотивация персонала, командообразование, внедрение нововведений, стратегическое управление, развитие организационной структуры, разработка идеологии организации.

Литература:

1. Иванов М. А., Шустерман Д. М. Организация как ваш инструмент: Российский менталитет и практика бизнеса. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004
2. Пригожин А. И. Методы развития организаций. М.: МЦФЭР, 2003.
3. Управленческое консультирование: В 2-х т. Под ред. М. Кубра. М.: СП «Интер-эксперт», 1992.

К вопросу о неслужебных связях работников уголовно-исполнительной системы с осужденными к лишению свободы

Д. А. Панарин

Неслужебная связь в интересующем нас контексте - это вступление персонала исправительных учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в отношения с осужденными, подозреваемыми и обвиняемыми, которые не продиктованы интересами службы (работы), а равно использование любых видов их услуг.

Неслужебная связь в условиях функционирования учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, обеспечивающих реализацию уголовно-исполнительного процесса в отношении осужденных к лишению свободы, сама по себе не является преступлением по действующему уголовному законодательству Российской

кой Федерации, и рассматривается как одна из форм нарушения сотрудниками и вольнонаемными работниками УИС требований, продиктованных нормативными актами, регулирующими вопросы прохождения службы и устанавливающими требования к правовому статусу персонала УИС и его специальную правосубъектность, а равно предписаний, содержащихся в правилах внутреннего трудового распорядка рабочих и служащих, чья работа связана с осуществлением повседневной деятельности на объектах, на которых в установленном порядке введены «режимные» требования.

Вместе с тем, данные нарушения служебной и трудовой дисциплины создают условия для совершения преступлений в местах лишения свободы, благоприятную почву для коррупционных проявлений, осложнения оперативной обстановки и являются провоцирующим элементом для подрыва нормального функционирования учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и создания уютного и комфортного для криминалитета климата в направлении лоббирования своих интересов в пенитенциарной сфере.

В связи с этим неслужебная связь является особо учитываемой статистической категорией при оценке эффективности деятельности конкретного исправительного учреждения, территориального органа уголовно-исполнительной системы и в целом Федеральной службы исполнения наказаний, а показатели проведения структурными подразделениями УИС (оперативными аппаратами, службами безопасности, охраны, конвоирования, воспитательной, кадровой, бухгалтерской, конт-

рольно-ревизионной, юридической и др.) комплекса мероприятий по своевременному выявлению подобных фактов, своевременному устранению благоприятных для развития неслужебных связей причин и условий, их нейтрализации, пресечению данных процессов и привлечению к ответственности виновных лиц не только определяют рейтинговую оценку успешности функционирования того или иного подразделения УИС, но в большей мере способствуют общей и частной превенции рассматриваемого направления, что, в конечном счете, предопределяет степень реальности достижения целей уголовного наказания в виде лишения свободы и задач, стоящих, в связи с этим, перед уголовно-исполнительной системой.

Анализ форм статистической отчетности по направлениям деятельности службы безопасности и оперативных аппаратов уголовно-исполнительной системы позволяет выявить следующие показатели выявленных неслужебных связей сотрудников с осужденными: по состоянию на 1 января 2006 г. - 1816, из них: в исправительных колониях - 1243, в воспитательных колониях - 44, в тюрьмах - 18, в следственных изоляторах - 292, колониях-поселениях - 100, лечебных исправительных учреждениях - 86, лечебно-профилактических учреждениях - 31, помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов - 2; на 1 января 2007 г. - 1555, из них: в исправительных колониях - 1048, в воспитательных колониях - 26, в тюрьмах - 13, в следственных изоляторах - 281, колониях-поселениях - 68, лечебных исправительных учреждениях - 90, лечебно-профи-

лактических учреждениях - 27, помещенных, функционирующих в режиме следственных изоляторов - 2.

Механизм установления неслужебных связей осужденных с персоналом исправительных учреждений и органов УИС просматривается через наиболее типичные способы его реализации, самый распространенный из которых - подкуп. Осужденные настойчиво пытаются оказать любую услугу персоналу. В ходе ведения разговоров с ними на отвлеченные темы они выявляют их привязанности и увлечения, а также слабые и сильные стороны. Затем, с учетом полученного личностного портрета, начинается их «обработка» и постепенное вовлечение в неслужебную связь. Осужденными изготавливаются кольца, шкатулки, кухонные наборы и иные предметы так называемого «ширпотреба», которые предлагаются сотрудникам и вольнонаемным работникам ИУ. Передавая последним эти предметы, осужденные просят оказать им незначительные услуги. Впоследствии, когда сотрудник (работник) достаточно втягивается в данные отношения, на его адрес начинают поступать денежные переводы и посылки от родственников осужденных или их близких, которые должностные лица и вольнонаемный состав вынуждены доставлять в ИУ, а равно за вознаграждения материального (финансовые средства) и иного характера (упрочнение сотрудниками своих статусных позиций с подачи криминальных структур, карьерный рост и т. п.) выполнять различного рода поручения.

Исходя из общей теории причинности и классических подходов к ее формированию, выработанных крими-

нологической наукой, представляется, что основные детерминанты такого негативного явления, как вступление сотрудников (работников) учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в неслужебные связи, можно представить следующими группами категорий.

Внутренней причиной подобного поведения является, с одной стороны, криминогенная мотивация сотрудника (работника) учреждения и органа уголовно-исполнительной системы, обусловленная корыстной подоплекой, а зачастую потерей морально-волевых установок и ориентиров, разочарований в службе, предательстве долга и чести, а с другой - антиобщественная позиция осужденных, направленная на создание благоприятных для себя условий отбывания наказания, упрочнение своих позиций в криминальной среде, стремление к подрыву авторитета и влияния персонала.

Внутренними условиями вступления сотрудника (работника) учреждения и органа УИС в неслужебную связь с осужденными являются особенности психофизиологической и психологической среды, в которых они находятся, которые характерны как для персонала, так и для осужденных. Это и неврозы, нередко примитивная структура потребностей, эмоциональная неустойчивость, конформизм, повышенная тревожность, повышенное самомнение, повышенный самоконтроль и т. п.

Внешней причиной совершения рассматриваемых нами проявлений является криминогенная ситуация, под которой понимается относительно длительное состояние отношений, по меньшей мере, между сотрудником (работ-

ником) и осужденным, направленное на все возрастающее причинение вреда общественным отношениям, высокая вероятность стрессов и конфликтов, событий и действий, способствующих при их развитии осложнению оперативной обстановки в различных формах выражения, бытовые проблемы, вызванные социальными неурядицами, отсутствием механизма реальной реализации, содержащихся в законодательстве предписаний, регламентирующих вопросы социальных льгот и гарантий персоналу и др.

Внешние условия вступления сотрудников (работников) УИС в неслужебные связи с осужденными заключаются в особенностях микросреды, содействующих или препятствующих развитию криминогенной ситуации, как-то технические условия (несовершенство ИТСОиН и др.), организационно-управленческие недостатки в работе отдельных структурных подразделений и т. п.

Анализ причин и условий, способствующих возникновению неслужебных связей, показывает, что руководители структурных подразделений УИС зачастую не уделяют должного внимания профилактике подобных случаев, не обременяют информацией о положении дел в семьях сотрудников (работников) ИУ, индивидуальных проблемах каждого подчиненного, слабо организуют индивидуально-воспитательную работу.

Представляется, что при организации предупредительной работы в данном направлении должно учитываться то, что в связи с особенностями природного психологического развития и внутренних мотивационных установок осужденных, особенно находящихся в

местах лишения свободы не первый и не второй раз, эти лица удачно внедряются в доверие к персоналу ИУ (особенно имеющих небольшой стаж службы, либо шаткие моральные установки) и манипулируют их поведением в выгодную им сторону.

Теория и практика предупредительной работы в направлении установления неслужебных связей персонала учреждений и органов уголовно-исполнительной системы с осужденными и организация противодействия данным негативным проявлениям позволяет выделить следующие мероприятия в части сведения к минимуму возможности оказания воздействия криминалитета, содержащегося в местах лишения свободы, а равно целенаправленно проводящих подобные акции за пределами границ территорий исправительных учреждений (действующие в том числе и «сверху», через руководящие органы правоохранительной направленности, различного рода политические партии и общественные объединения, выстраивающие свою работу под легендой правозащитной деятельности, а также включающие иные опосредованные рычаги воздействия и убеждения) на персонал ИУ и направления последних в русло развития связей неслужебного характера с осужденными, в особенности имеющих корыстную подоплеку.

Логичным представляется эти меры условно разделить на меры кадрового обеспечения деятельности ФСИН России в сфере профилактики и противодействия проявлениям неслужебных связей в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы и меры организационного обеспечения

деятельности структурных подразделений ФСИН России в сфере профилактики и противодействия рассматриваемым негативным проявлениям.

В рамках практической реализации мер, отнесенных к *первой группе*, необходимо:

- начальникам структурных подразделений исправительных учреждений и органов УИС рекомендуется завести тетради индивидуальной работы, в которых отмечать психологический портрет сотрудника (работника), интересы, отношения в семье и быту, материальное положение в семье, служебную деятельность, поощрения и взыскания, а также квартальный план индивидуальной работы с сотрудником, утверждаемый руководителем подразделения или его заместителями, и результаты тестирования сотрудника психологической службой;

- при оформлении и приеме кандидатов на службу (работу) в ИУ, силами оперативного состава совместно с кадровыми аппаратами рекомендуется постоянно проводить разъяснительно-ознакомительные собеседования, в ходе которых доводить требования нормативных правовых актов как федерального, так и ведомственного характера, регулирующих порядок и условия прохождения службы в УИС (особенности работы со спецконтингентом в рамках трудового и уголовно-исполнительного законодательства), а также содействовать организации тщательного профессионально-психологического отбора и повышению квалификационных требований к лицам, претендующим на работу в ИУ, придавая при этом значительную роль психологической службе;

- при прохождении кандидатами на службу в УИС стажировки оперативным аппаратам необходимо осуществлять постоянный контроль за их служебной деятельностью, освоением функциональных обязанностей, личным поведением на службе и в быту, обеспечив безусловное исполнение приказа Минюста России от 19 марта 1999 года № 319-к «Об утверждении Положения о наставничестве в органах и учреждениях УИС Минюста России», одновременно повысив спрос с должностных лиц, отвечающих за проведение работы по наставничеству;

- проведение внезапных проверок бдительности и качества досмотра автотранспорта на транспортном КПП и личных вещей персонала на КПП по пропуску людей силами оперативного состава, кадрового аппарата и службы безопасности;

- учет персонала, склонных к вступлению в неслужебную связь, внесение в личные дела вновь принятых на службу (работу) сотрудников (работников) официального предупреждения о недопустимости вступления в неслужебную связь с осужденными и иными лицами;

- серьезное внимание необходимо уделять вопросам предупреждения и реального реагирования на угрозы безопасности сотрудников и членов их семей, исходящих от осужденных или лиц, представляющих их интересы, как фактор, вынуждающий сотрудника идти на сделку с совестью и предать интересы службы, испытывая страх за жизнь и здоровье близких;

- накопление информации, имеющейся в делах оперативного учета по запрещенным связям со спецконтингентом, по наиболее перспективной ин-

формации заведение соответствующих дел предварительной оперативной проверки и разработки с ее последующей реализацией;

- необходима активизация работы по линии проведения предупредительных и профилактических бесед, разъяснительной работы с вновь принятыми сотрудниками (работниками), а также проходящими по оперативной информации как поставщики в ИУ запрещенных предметов;

- организация более качественного оперативного прикрытия осужденных, поставленных в установленном нормативными актами порядке на профилактический учет как склонных к подкупу представителей администрации, обеспечение более качественного надзора за их поведением и активизацией проведения воспитательных мероприятий в их отношении;

- особое внимание со стороны оперативных служб, служб безопасности, воспитательных аппаратов, подразделений спецучета, производственных и тыловых служб необходимо уделять осужденным, имеющим серьезные финансовые возможности, материальную поддержку, психологические, физические и деловые качества, позволяющие склонить персонал к вступлению в неслужебную связь;

- при выявлении фактов коррупции у отдельных сотрудников ввести обязательную норму о привлечении к дисциплинарной ответственности руководителей, в чьем подчинении находятся данные сотрудники;

- при привлечении сотрудников уголовно-исполнительной системы за малозначительные проступки, не подпадающие под действие норм Уголовного

кодекса РФ, применять к сотрудникам меры финансового воздействия, такие как пересмотр (установление) надбавки за сложность и напряженность и особый режим службы, лишение квартальных и годовых премий, а также снятие квалификационных званий.

В рамках реализации мер *второй группы* необходимо:

- в целях единого понимания и оценки деятельности сотрудников ФСИН России, подпадающих под понятие коррупционной (в том числе вступивших в неслужебные связи), разработать понятийно-категориальный аппарат, включающий термины, связанные с коррупционными проявлениями и антикоррупционными механизмами и закрепить их на законодательном уровне;

- организовать проверку разработанного понятийно-категориального аппарата на соответствие действующему законодательству и существующей правоприменительной практике;

- довести до сотрудников ФСИН России перечень действий, оцениваемых как коррупционные проявления и систему мер ответственности за них;

- руководителям учреждений и органов ФСИН России систематически планировать и осуществлять проведение антикоррупционных мероприятий, направленных на недопущение поступков сотрудников, расцениваемых как коррупционные;

- правовому управлению ФСИН России осуществлять проверку проектов приказов ФСИН на антикоррупционность;

- юридическим службам органов и учреждений ФСИН России проводить аналогичную работу, связанную с изданием внутренних актов указанных подразделений;

- внести в планы научно-исследовательской деятельности образовательных, научно-исследовательских и проектных учреждений ФСИН России позиции, предполагающие научные исследования в сфере взяточничества, злоупотреблений должностным положением и других проявлений коррупции, включая и формы проявления, и меры ответственности за вступления персонала УИС с осужденными, их родственниками, либо лицами, представляющими их интересы, в неслужебные связи, а также механизмы и процедуры противодействия данному негативному явлению;

- увеличение количества проведения ОРМ с использованием возможностей оперативно-технических и поисковых подразделений, взаимный обмен оперативно значимой информацией с сотрудниками указанных подразделений в целях более качественного достижения задач ОРД и использования в последующем полученных результатов в уголовном судопроизводстве;

- при приеме благотворительных пожертвований в учреждениях и органах УИС необходимо обеспечить неукоснительное исполнение требований «Методических рекомендаций по приему благотворительных пожертвований от добросовестных участников благотворительной деятельности и контролю за их целевым использованием учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы», утвержденных указом директора ФСИН России от 10 декабря 2007 г. № 10/1 - 3423.

Полагаем, что представленные мероприятия скажутся на эффективности и оптимизации организации профилактической работы с осужденными в области упреждения вступления персонала учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в неслужебные связи со спецконтингентом.

Новые книги по психологии

А. И. Фролов

Сидоренко Е. В. Технология создания тренинга. От замысла к результату. - СПб.: Речь, 2007. - 336 с.

Книга представляет интерес для интеллектуальных лидеров в тренинге и бизнесе. Она содержит технологии для создания программ развития в различных областях человеческой практики. Книга предназначена для психологов, ведущих тренинги и разрабатывающих новые программы тренингов при подготовке руководящих звеньев организаций.

Лютова-Робертс Е. К. Тренинг начинающего консультанта: ведение доверительной беседы. - СПб.: Речь, 2007. - 307 с.

В книге описаны концепции и принципы ведения доверительной беседы - одного из основных инструментов работы любого консультанта и психотерапевта. Изложение теоретического и методического материала дополнено подробной программой тренинга, в рамках которого проходит обучение студентов профессиональным консультативным навыкам. Книга адресована консультантам, психологам, психотерапевтам, занимающимся тренерской и преподавательской работой, а также другим представителям профессий типа «человек - человек».

Цыганок И. И. Цветовая психодиагностика. Модификация полного клинического теста Люшера: Методическое руководство. - СПб.: Речь, 2007. - 264 с.

В книге рассматривается практическое использование полного клинического теста Люшера в различных сферах деятельности. Материал книги изложен в доступной форме, удачно иллюстрирован таблицами, схемами, рисунками и примерами из практики, что значительно облегчает и упорядочивает процесс совладения знаниями по цветовой психодиагностике. Книга будет полезна не только психологам и психотерапевтам, но и самому широкому кругу читателей, заинтересованных в повышении своей психологической компетенции в области психофизиологического воздействия цвета.

Сочивко Д. В. Психодинамика. - М.: Московский психолого-социальный институт, 2007. - 432 с.

В книге представлены теоретические основания современной психодинамики как области психологического знания, а также материалы экспериментальных исследований циклических психических процессов и явлений. Предложенный автором психодинамический подход позволяет по-новому взглянуть на уже известные психологические феномены, а также прогнозировать и экспериментально подтвердить ряд явлений, не исследованных ранее. Теоретические и экспериментальные изыскания завершаются описанием прикладных психодинамических исследований и возможностей приложения полученных результатов в ряде областей практической деятельности психолога. Книга интересна широкому кругу

Новые книги по психологии

А. И. Фролов

Сидоренко Е. В. Технология создания тренинга. От замысла к результату. - СПб.: Речь, 2007. - 336 с.

Книга представляет интерес для интеллектуальных лидеров в тренинге и бизнесе. Она содержит технологии для создания программ развития в различных областях человеческой практики. Книга предназначена для психологов, ведущих тренинги и разрабатывающих новые программы тренингов при подготовке руководящих звеньев организаций.

Лютова-Робертс Е. К. Тренинг начинающего консультанта: ведение доверительной беседы. - СПб.: Речь, 2007. - 307 с.

В книге описаны концепции и принципы ведения доверительной беседы - одного из основных инструментов работы любого консультанта и психотерапевта. Изложение теоретического и методического материала дополнено подробной программой тренинга, в рамках которого проходит обучение студентов профессиональным консультативным навыкам. Книга адресована консультантам, психологам, психотерапевтам, занимающимся тренерской и преподавательской работой, а также другим представителям профессий типа «человек - человек».

Цыганок И. И. Цветовая психодиагностика. Модификация полного клинического теста Люшера: Методическое руководство. - СПб.: Речь, 2007. - 264 с.

В книге рассматривается практическое использование полного клинического теста Люшера в различных сферах деятельности. Материал книги изложен в доступной форме, удачно иллюстрирован таблицами, схемами, рисунками и примерами из практики, что значительно облегчает и упорядочивает процесс совладения знаниями по цветовой психодиагностике. Книга будет полезна не только психологам и психотерапевтам, но и самому широкому кругу читателей, заинтересованных в повышении своей психологической компетенции в области психофизиологического воздействия цвета.

Сочивко Д. В. Психодинамика. - М.: Московский психолого-социальный институт, 2007. - 432 с.

В книге представлены теоретические основания современной психодинамики как области психологического знания, а также материалы экспериментальных исследований циклических психических процессов и явлений. Предложенный автором психодинамический подход позволяет по-новому взглянуть на уже известные психологические феномены, а также прогнозировать и экспериментально подтвердить ряд явлений, не исследованных ранее. Теоретические и экспериментальные изыскания завершаются описанием прикладных психодинамических исследований и возможностей приложения полученных результатов в ряде областей практической деятельности психолога. Книга интересна широкому кругу

специалистов в области философии, общей, социальной и юридической психологии и психотерапии, сравнительных и междисциплинарных исследований. Может использоваться студентами и аспирантами при изучении психологии.

Семенова З. Ф., Семенова С. В. Психологические рисуночные тесты. Методика «Дом - Дерево - Человек» - М.: АСТ; СПб.: Сова, 2007. - 190 с.

Первое в нашей стране наиболее полное руководство для работы с методикой исследования личности «Дом - Дерево - Человек». В книге описаны история методики, различные варианты ее проведения и основные подходы к интерпретации рисунков, выполненных подростками с психологическими проблемами и психическими расстройствами. Книга предназначена для практических психологов, педагогов, социальных работников, студентов и курсантов психологических факультетов. А также для всех, кто интересуется психологией.

Уильямс Х. «Говорящий» рисунок, или как познать свое глубинное «Я». Простое пошаговое руководство по исцелению души и тела: пер. с англ. - М.: АСТ; Астрель, 2007. - 205 с.

В книге показано, как познать свой внутренний мир, максимально раскрыть душу и сознание, справиться со многими жизненными трудностями с помощью рисунка. Материал книги с успехом может быть использован практическими психологами при проведении проективных психодиагностических методик, а также в психокоррекционных мероприятиях.

Притчи человечества / Сост. Лавский В. В. - Москва: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д, 2007. - 576 с. (Серия «Мудрость человечества»)

Эта книга представляет сборник притч из религиозных и философских учений. Притча рассматривается как одна из традиций передачи духовных знаний человечества. С успехом может быть использована практическими психологами при разработке программ и проведении тренингов, в психотерапии и консультативной психологии.

Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. 2-е изд. - СПб.: Питер, 2008. - 336 с. - (Серия «Практическая психология»).

Авторы второго, переработанного издания (первое вышло в 2005 г.) анализируют изучение «синдрома выгорания» зарубежными учеными и излагают результаты собственных исследований. Читатели узнают не только о причинах и последствиях выгорания, методах его диагностики, но и возможных способах помощи «выгорающим» работникам. Книга будет полезна всем практическим психологам, менеджерам по персоналу, работодателям.

Щеголев И. В., Чернов Ю. Г. Графология XXI века. СПб.: Питер, 2008. - 256 с.

Автор раскрывает секреты прикладной графологии нового поколения. Графология XXI века - это сплав науки и современных технологий. Это компьютерные программы для профессионалов и начинающих. В книге есть диск с программой упрощенного графологического анализа. Программа создана на основе про-

фессиональной системы «GraphAnal» и позволяет любому пользователю легко и просто определить основные черты характера человека по почерку.

Гиппенрейтер Ю. Б. Продолжаем общаться с ребенком. Так? - М.: АСТ; Астрель; Владимир: ВКТ, 2008. - 251 с.

Книга расширяет и углубляет темы предыдущей книги автора «Общаться с ребенком. Как?», которая стала лидером продаж благодаря редкому сочетанию научной глубины и ясности изложения. В новой книге обсуждаются многочисленные вопросы, которые волнуют родителей: «Как его воспитывать? Как приучать к дисциплине? Как наказывать? Как заставить его хорошо учиться? Разбираются и объясняются новые важные подробности и приемы искусства эффективного общения. Книга будет полезна всем родителям и практическим психологам.

Маклаков А. Г. Профессиональный психологический отбор персонала. Теория и практика: Учебник для вузов. - СПб.: Питер, 2008. - 480 с.

Материал, представленный в учебнике, необходим для подготовки профессионального психолога в соответствии с требованиями Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования. Книга позволяет самостоятельно получить знания и сформировать навыки, которые требуются для разработки систем профессионального психологического отбора и ее осуществления на практике. Учебник предназначен для студентов психологических факультетов, магистров и аспирантов, осуществляющих подготовку диссертаций в области психологии труда, а также для психологов, решающих практические задачи организации мероприятий профессионального психологического отбора.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
Координационный совет РАО
Тематика Всероссийских научно-практических конференций 2008-2009 гг.

Ребенок и приемная семья: проблема диагностики психологической совместимости	Коломенский государственный педагогический институт, кафедра психологии 140410, г. Коломна Московской обл., ул. Зеленая, д. 30	8-9 октября 2008 г.	Ильичева Ирина Михайловна, Рожков Олег Павлович Тел.: (916) 390-89-90 (декан психологического факультета Ильичева И. М.), (4966) 15-11-43 (деканат факультета психологии) E-mail:kttiakolomna.ru (с пометкой «для Ильичевой И. М.»).
Молодежная субкультура (актуальные проблемы)	Самарский государственный педагогический университет, кафедра педагогики 443099, г. Самара, ул. М. Горького, д. 65/67	23-24 октября 2008 г.	Позднякова Оксана Константиновна, Калитова Анастасия Юрьевна Тел.: (846) 333-30-96 E-mail: msubculturaOmail.ru
Совершенствование качества профессиональной подготовки и переподготовки учителя в процессе формирования профессиональной элиты в России	Тобольский государственный педагогический институт им. Д.И. Менделеева, кафедра психологии 626150, Тюменская область, г. Тобольск, ул. Знаменского, 58, ТГПИ им. Д. И. Менделеева, ауд. 249	30-31 октября 2008 г.	Чаркова С. В. Тел.: (3456) 25-15-88 (доп. 31-78) Моб. тел.: 89048895320 Факс: (3456) 25-02-82 E-mail: kpsiotgpi.tob.ru
Социальные риски в современном поликультурном обществе: психологические и педагогические аспекты	Тверской государственный университет, факультет психологии и социальной работы, кафедра педагогики и социальной работы 170000, г. Тверь, ул. Желябова, 33	6-7 ноября 2008 г.	Бессонова Людмила Александровна, Борисова Наталья Владимировна Тел.: (4822) 34-74-32 E-mail: pedagogika_srkafo@mail.ru
Ценности и смыслы современного школьного образования	Мурманский государственный педагогический университет, кафедра педагогического проектирования и образовательных технологий 183720, г. Мурманск, ул. Егорова, д. 15	10-11 декабря 2008 г.	Левитас Дмитрий Григорьевич Тел.: (8152) 45-16-09 E-mail: LevitesQinbox.ru
Современная российская элита (вторые элитологические чтения)	Астраханский государственный университет, институт педагогики, психологии и социальной работы, факультет психологии 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20 «а»	16-18 апреля 2009 г.	Кайгородов Борис Владиславович, Варфоломеева Елена Алексеевна, Захарьева Адия Адгамовна Тел.: (8512) 61-08-63, 59-53-40, Факс: (8512) 25-17-18 E-mail: kaigorodovOaspu.ru.

О международной научно-практической конференции [Москва, НИИ ФСИН России, 29-30 мая]

Л. А. Дмитриева

29-30 мая 2008 года в Научно-исследовательском институте Федеральной службы исполнения наказаний состоялась Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы деятельности воспитательных колоний ФСИН России».

В обсуждении актуальных проблем деятельности воспитательных колоний приняли участие: заместитель Председателя Государственного департамента Украины по вопросам исполнения наказаний Калашник Н. Г., начальник Мелитопольской воспитательной колонии Рулевская С. Н., начальник штаба Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь Красиков В. С., представитель Еврокомиссии в России Мартин Седдон, сотрудник Академии по подготовке специалистов для тюремной системы из Норвегии Тор Роккан, делегация из Германии, возглавляемая представителем службы реабилитации заключенных Ахимом Хафманом.

При финансовой поддержке объединения Пенал Реформ Интернешнл в Российской Федерации (PRI) было обеспечено участие в конференции делегаций из Украины и Беларуси, а также решен ряд организационных вопросов.

Участники конференции на пленарном заседании 29 мая обсудили правовые проблемы деятельности воспитательных колоний, проблемы исправления несовершеннолетних осужденных и вопросы совершенствования деятельности воспитательных

колоний. В этот же день при активном содействии пресс-бюро ФСИН России была организована пресс-конференция с журналистами ведущих российских каналов и изданий. Работа конференции нашла широкое отражение в средствах массовой информации.

30 мая в рамках конференции состоялся круглый стол «Методы психологической коррекции поведения несовершеннолетних осужденных группы риска», в работе которого приняли участие: заместитель начальника УСПВРО ФСИН России - начальник отдела психологической службы полковник внутренней службы Дебольский М. Г., представители психологических служб, межрегиональных психологических лабораторий и ведомственных вузов из 27 регионов России, ведущие ученые-психологи НИИ ФСИН России и Академии МВД Республики Беларусь.

В ходе работы круглого стола обсуждалась эффективность психокоррекционных технологий - когнитивно-поведенческих программ, методов арт-терапии, сказкотерапии, гештальт-подхода и других, применяемых в ряде направлений деятельности психологов УИС:

- работа с несовершеннолетними, находящимися под стражей в условиях СИЗО,
- коррекция агрессивного поведения несовершеннолетних осужденных,
- психологическая подготовка воспитанников к освобождению,

- консультирование в семейной сфере несовершеннолетних осужденных,
- коррекция виктимного поведения подростков, отбывающих наказание,
- саморазвитие и самопознание несовершеннолетних осужденных группы риска,
- социально-психологическая адаптация воспитанников в условиях лишения свободы,
- снижение уровня криминализации личности несовершеннолетних осужденных,
- обучение эффективному взаимодействию актива колонии и осужденных, имеющих низкий статус,
- психокоррекция лидеров, имеющих отрицательную направленность,
- изучение зарубежного опыта организации работы психологов с несовершеннолетними осужденными.

В тот же день ведущие ученые НИИ ФСИН России и иностранные специалисты, принимавшие участие в работе конференции, обсудили вопросы развития альтернативных мер наказания на заседании комиссии по контролю за правоохрнительными органами Общественной палаты Российской Федерации.

Работа конференции была завершена принятием рекомендаций по основным направлениям деятельности воспитательных колоний. По материалам конференции будет подготовлен сборник научных трудов.

Актуальные проблемы современной акмеологии

Т. А. Симакова

Под таким названием 23 мая 2008 года в Академии ФСИН России был проведен научно-методический семинар, организованный межфакультетской акмеологической лабораторией «Профессиональная компетентность специалистов ФСИН России» и кафедрой общей психологии. В работе семинара приняли участие сотрудники и адъюнкты РАГС при Администрации Президента России, представители Рязанской городской думы, сотрудники психологического факультета, кафедры общей психологии, юридической психологии и педагогики, кафедры социальной психологии и социальной

работы, отделения психологического обеспечения учебно-воспитательной работы, курсанты и студенты Академии ФСИН России.

На пленарном заседании с докладами выступили: доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности РАГС О. С. Анисимов «Теоретические проблемы педагогической акмеологии»; доктор социологических наук, профессор РАГС В. И. Патрушев «Социально-технологическая культура курсантов»; заместитель начальника отдела по работе с личным составом, майор

- консультирование в семейной сфере несовершеннолетних осужденных,
- коррекция виктимного поведения подростков, отбывающих наказание,
- саморазвитие и самопознание несовершеннолетних осужденных группы риска,
- социально-психологическая адаптация воспитанников в условиях лишения свободы,
- снижение уровня криминализации личности несовершеннолетних осужденных,
- обучение эффективному взаимодействию актива колонии и осужденных, имеющих низкий статус,
- психокоррекция лидеров, имеющих отрицательную направленность,
- изучение зарубежного опыта организации работы психологов с несовершеннолетними осужденными.

В тот же день ведущие ученые НИИ ФСИН России и иностранные специалисты, принимавшие участие в работе конференции, обсудили вопросы развития альтернативных мер наказания на заседании комиссии по контролю за правоохрнительными органами Общественной палаты Российской Федерации.

Работа конференции была завершена принятием рекомендаций по основным направлениям деятельности воспитательных колоний. По материалам конференции будет подготовлен сборник научных трудов.

Актуальные проблемы современной акмеологии

Т. А. Симакова

Под таким названием 23 мая 2008 года в Академии ФСИН России был проведен научно-методический семинар, организованный межфакультетской акмеологической лабораторией «Профессиональная компетентность специалистов ФСИН России» и кафедрой общей психологии. В работе семинара приняли участие сотрудники и адъюнкты РАГС при Администрации Президента России, представители Рязанской городской думы, сотрудники психологического факультета, кафедры общей психологии, юридической психологии и педагогики, кафедры социальной психологии и социальной

работы, отделения психологического обеспечения учебно-воспитательной работы, курсанты и студенты Академии ФСИН России.

На пленарном заседании с докладами выступили: доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности РАГС О. С. Анисимов «Теоретические проблемы педагогической акмеологии»; доктор социологических наук, профессор РАГС В. И. Патрушев «Социально-технологическая культура курсантов»; заместитель начальника отдела по работе с личным составом, майор

внутренней службы И.А.Чурилова «Мотивационная направленность выпускников Академии ФСИН России»; преподаватель кафедры общей психологии, майор внутренней службы О. В. Самофалова «Развитие профессиональной мотивации курсантов-психологов (на примере Академии ФСИН России)».

После пленарного заседания работа семинара была продолжена в форме секций. Секция 1 носила название «Проблемы профессиональной мотивации курсантов образовательных учреждений ФСИН России», секция 2 - «Психология развития профессионального адаптационного потенциала

сотрудников УИС». Содержательная сторона выступлений имела широкий спектр вопросов подготовки специалистов ФСИН: развитие профессиональной мотивации курсантов-психологов, психологические особенности профессионального выбора студентов (курсантов) - психологов, духовно-нравственное развитие личности курсантов в образовательном процессе Академии ФСИН России, личностный адаптационный потенциал курсантов-психологов Академии ФСИН России, психология развития профессионального адаптационного потенциала сотрудников УИС.

Юридическая клиника при Академии ФСИИ России: от слов к делу

С. А. Гаранжа

Правовое просвещение граждан, оказание им необходимой юридической помощи - одно из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации. На это неоднократно обращали внимание первые лица государства. Выступая на внеочередном съезде Ассоциации юристов России 29 января 2008 г., Д. А. Медведев отметил: «Между тем весьма актуальной остается проблема оказания помощи малообеспеченным гражданам... Нам нужно отладить таким образом систему правового просвещения, чтобы к ней были подключены... вузы...».

Федеральная служба исполнения наказаний в лице Академии ФСИИ России не только не осталась в стороне, но и успешно выполняет поручения Президента Российской Федерации. Постановлением ученого совета академии от 27 февраля 2008 г. была создана юридическая клиника - в русле тех традиций академии, которые были заложены еще в 1980-е годы в виде так называемой общественно-политической практики. Она представляла собой проведение курсантами и слушателями во внеслужебное время чтений, лекций, бесед на правовые темы с различными категориями граждан. Тем самым обучающиеся получали бесценный практический опыт.

Непосредственный прием граждан осуществляется консультантами юридической клиники - курсантами, слушателями и студентами старших курсов юридического факультета. Каждый

свой ответ консультанты в обязательном порядке согласовывают с преподавателем-куратором. Прием граждан ведется на протяжении всей рабочей недели в следующих местах:

- юридическое бюро академии (три раза в неделю);
- Московский районный суд г. Рязани (два раза в неделю);
- выездные сессии в исправительных учреждениях УФСИН России по Рязанской области (на основе ежеквартального плана);
- выездные сессии в муниципальных образованиях Рязанской области (по мере поступления соответствующих запросов).

На сегодняшний день в клинике рассмотрено более 900 обращений граждан.

Из них:

- 25 % по гражданско-правовым вопросам (договорные отношения, наследование, право собственности и иные вещные права на недвижимость);
- 20 % по трудовым вопросам;
- 18 % по жилищно-правовым вопросам;
- 12 % по вопросам гражданского процесса;
- 9 % по семейно-правовым вопросам;
- 7 % по вопросам права социального обеспечения.
- 6 % по административно-правовым вопросам;
- 4 % по уголовно-правовым вопро-

сам.

При этом книга отзывов и предложений посетителей содержит свыше 40 только благодарственных записей.

В ходе консультаций гражданам предоставляется информация о текущем состоянии законодательства по интересующим вопросам, составляются различные процессуальные документы.

Для решения задачи по совершенствованию методики оказания юридической помощи населению руководством академии было принято решение о проведении регулярных (не реже одного раза в месяц) научно-практических семинаров. К участию в них приглашаются: профессорско-преподавательский состав вузов, работники судебных и иных органов государственной власти, адвокатские работники, курсанты, слушатели и студенты юридического факультета.

Правовая помощь населению непосредственно сопряжена с задачей правового просвещения. Знание правовых норм является неотъемлемым элементом нормального правосознания граждан. Без знания законов своей страны люди «выключаются» из правовой жизни, не знают своих обязанностей, не в состоянии блюсти их, не знают их пределов, что делает их беспомощными перед мошенниками и коррупционерами. «Незнание положительного права ведет неизбежно к произволу сильного и запуганности слабого»¹. Эти строки, написанные Иваном Ильиным более 80 лет назад, пророчески сбылись в «лихие 90-е». В итоге некоторые граждане, особенно пожилого возраста, обращаются в юридическую клинику как в последнюю инстанцию, собрав судебные решения вплоть до Верховного

Суда Российской Федерации. К сожалению, в таких случаях консультанты клиники оказываются бессильными.

Задача правового просвещения включает в себя, в частности, ознакомление школьников старших классов с работой юридической клиники, что содействует их профессиональной ориентации в области юриспруденции.

Регулярно издается «Вестник юридической клиники при Академии ФСИН России», в который включены ответы консультантов на самые актуальные вопросы граждан. В свет вышли уже два выпуска «Вестника», причем один из них посвящен исключительно вопросам осужденных к лишению свободы. Материалы «Вестника» используются при написании курсовых, дипломных работ, проведении диссертационных исследований.

Деятельность юридической клиники регулярно освещается в средствах массовой информации (журналы: «Большой город», «Новый дом», газеты: «Рязанские ведомости», «Мещерская сторона»). Коллектив юридической клиники 17 ноября 2007 г. принял участие в записи телепередачи «Слушается дело» (телеканал Ren TV) на тему «Доступность правосудия». В настоящее время изготовлен информационный видеofilm о юридической клинике, завершается работа по созданию интернет-сайта клиники.

¹ См.: Ильин И. А. Теория права и государства / Под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. С. 319.